

Марк Гиршин

УБИЙСТВО ЭМИГРАНТА
(Роман)

Mark Girshin

UBIYSTVO EMIGRANTA
("Murder of an Emigrant." A novel)

Copyright © 1983 by M. Girshin
All rights reserved

Library of Congress Cataloging in Publication Data

Girshin, Mark.
Ubiistvo emigranta.

I. Title.

PG3481.I75U3 1983 891.73'44 83-159

ISBN 0-938920-29-4 (pbk)

Published by HERMITAGE
2269 Shadowood Drive
Ann Arbor, MI 48104, USA

•

ADE

••

Вот уже две недели, как я в Америке, а только сегодня начал эти записи. Пока купил толстую тетрадь, пока захотелось поговорить с кем-нибудь, обменяться впечатлениями, а не с кем. Тогда и подумал о дневнике. Нас, эмигрантов из Союза, поселили в разных местах, и в моей гостинице оказалась только парикмахерша Рита, но она целыми днями где-то пропадает. И приходится разговаривать с самим собой.

Сегодня, когда я возвращался из музея, какой-то агент вручил мне рекламную карточку. На ней фото: на высоких стульчиках сидят три девы, руки, как по команде, на длинных ногах. Дома, сбросив промокшую от пота рубашку, я стал переводить. Выяснилось, что агент предлагает солнечные комнаты с "эвкалиптовой ингаляцией" и ужин в "тигровом логове". А при чем тут девы?

Это мое первое знакомство с американской рекламой. Уже вечер, семь часов, окна верхних этажей двенадцатиэтажного колодца косо освещены закатным солнцем, а мой номер в самом низу колодца, на двенадцатом этаже, если считать сверху вниз, а ведь так только и нужно считать глубину колодца. А на дне колодца, на асфальтовом пяточке, куда выходит мое окно, зеленоватая непросохшая лужа, в которой мокнет пачка "Марлборо" и окурки, выброшенные из окон жильцами верхних этажей.

Хоть бы прохладно было, ведь я рукой могу достать до мокрого дна. А парит так, что сил нет. Как в джунглях.

Наверное надо поставить число, дневники пишутся с числами. Напишу по-американски: августа 2-го, 1974.

Давно ночь, а спать не хочется. С улицы доносится грохот пневмомолотков и гуд трансформатора, там ломают асфальт, прокладывают какие-то кабели, я днем видел. К тому же моя комната освещена красным пожарным светом, падающим из противоположного окна. Зачем они жгут электричество всю ночь? Но писать при чужом свете оказалось даже удобно. Слепящую лампочку под потолком в такую душную ночь я бы не выдержал.

Вчера, когда я начал этот дневник, вдруг позвонила по телефону Рита. Она спросила, записался ли я уже на курсы английского, и позвала к себе в гости. Когда я пришел в ее прокуренный номер, Рита стала жаловаться на головную боль и призналась, что всю ночь проплакала. Я спросил, почему, но она ничего не сказала. Затем она отвечала на телефонные звонки, и мы почти не могли разговаривать. Но она меня не отпускала и, закрывая ладонью трубку, говорила: "Алик, ну что вы убегаете? Посидите еще немного, я же вас прошу!"

Но после того, как звонки прекратились, Рита стала умышленно зевать и вдруг спросила, не обижусь ли я, если она приляжет, ей очень хочется спать. Я так и не понял, зачем она меня позвала к себе, а затем так бесцеремонно выпроводила.

Скорее всего, она и забрала мой справочник. Мне его дали в эмигрантской газете "Новая речь", куда я отнес свои рассказы, и я имел неосторожность оставить его с портфелем у Риты, когда она попросила сбегать вниз купить ей в автомате сигареты. А дома я обнаружил отсутствие справочника. Выходило, сигареты она придумала, чтобы порыться в моем портфеле. Справочника мне не жаль, там только объявления религиозных организаций, мне они ни к чему, просто неприятно чувствовать себя обманутым. Календарь там тоже был.

Рита сказала, что наша организация, которая перевозит советских евреев в Америку, должна содержать нас, пока не научит английскому и не предоставит работу по специальности. Здесь же демократия! Она спросила, сколько мне дают на питание. А когда я спросил, сколько ей, она ответила: "Алик, что?.. Вам легче станет, если вы узнаете?" Мне стало смешно: наверное она получает больше и боится, чтоб и другим не захотелось. Но мне вполне хватает.

А теперь из другой оперы. Рядом с моим в колодец выходит окно негритянки, уборщицы гостиницы, и я слышу по вечерам, как она смеется. В первый раз, услышав ее, я даже выглянул в окно, как бы надеясь увидеть за ним мой старый двор и ремонтных рабочих, плескающихся после смены под дворовым краном, настолько, оказывается, сильна была во мне иллюзия той, оставленной, жизни. Неужели в Америке громко не смеются? А дворовый кран! Так вдруг захотелось увидеть.

Августа 4-го

Решил еще не звонить редактору "Новой Речи", потому что прошло мало времени с тех пор, как я отдал ему свои рассказы, и биржевой маклер может рассердиться, что я его тороплю, и вообще не захочет читать. Почему биржевой маклер? Мне говорил Ган, старый эмигрант, у которого я брал напрокат пишущую машинку, чтобы перепечатать рассказы, что прежде, чем приобрести газету, этот редактор успешно сыграл на понижении акций "Кентукских цыплят". Теперь он будет решать судьбу моих рассказов. Вот так, Александр Батькович!

В этой эмигрантской газете, которую, не пожалев денег, я купил в киоске, печатаются воспоминания бывшей воспитанницы института благородных девиц о первом бале в присутствии государя, холодной коже кареты и желтом снеге у

подъезда, дымящемся от конской мочи. Попытался представить мой рассказ рядом с этими мемуарами, и вот теперь лежу и улыбаюсь красному от чужого света потолку. Мой друг Маслов, с которым я работал в издательстве до эмиграции, сказал бы: "Пылып, не туды влып!"

Августа 5-го

Долго не мог уснуть, а рано утром меня разбудил телефонный звонок. Оказалось, меня приглашала пообедать незнакомая женщина. Сказала, что мой телефон ей дал мистер Ган. Она давно уже живет в Америке и была бы рада поговорить со свежим эмигрантом. Приезжайте, мы будем обедать, она повторила. Я решил, может, она тоже какая-то дворянка, нельзя без цветов. Бегал по улицам искал цветы и опоздал. Она сделала мне замечание. Она старая, а намазана как молодая. За обедом она сказала, человека можно узнать по тому, как он считает деньги и ест. Я молчал. Было жарко. А обед вкусный. Но пришлось много оставить, чтоб она не подумала, что я как-то не так ел.

В Москве, она рассказала, она оставила обстановку несравненную, антик. А работала администраторшей в кино. Я подумал, значит, какие-то махинации с билетами. Откуда у служащей антик?

Пожалел, что оставил на тарелке, но она уже унесла.

На ней было открытое белое платье с красным поясом. На плечо вылезла застиранная бретель лифа. Она сказала, что обычно проводит дни в обществе друзей на пляже, где у нее абонировано место на весь сезон, но вечера у нее свободны, и она могла бы заниматься со мной. И всегда вас будет ждать хороший ужин, она пообещала.

Оторвался от записей, чтобы впустить владельца Гостиницы и еще кого-то. Этот кто-то протянул мне руку и спросил, хорошо ли мне здесь. Когда они ушли, я вспомнил, что видел его в опекающей меня организации. Наверное, он решил проверить, как устроены его подопечные.

Потом Рита меня ругала: если бы вы пожаловались, что темный номер и нет кондишена, вас бы тут же переселили! Мне дали люксовый номер, сказала Рита. А что, я буду, как вы, молчать? Тут вы интеллигентностью ничего не возьмете. Если бы они мне не дали, что я хочу, я бы им такое устроила, что было бы слышно в Белом доме. Имейте в виду, на интеллигентности вы не уедете. Вот-вот, расхохоталась Рита, будете так само, как сейчас, улыбаться "шесть на девять" и останетесь на мели! Приходите вечером. Я вас приглашаю. Будет один хороший друг мужа из Москвы, вы увидите, какой у меня теперь номер. Я вам позвоню в восемь, о'кэй?

Я пошел погулять по Нью-Йорку, но застрял в книжном магазине. Около восьми я опомнился и, весь мокрый, прибежал в номер. Не хотелось подводить Риту, раз я обещал быть. Но она мне не звонила, тогда я сам ей позвонил. Она спросила, где я был и что делаю, но зайти не предложила. В трубку была слышна музыка и голоса, повидимому, она передумала меня звать, и мне ничего не оставалось, как попрощаться и положить трубку. А так не хотелось уходить из магазина! Но возвращаться было уже поздно. Они уже закрыли. Очень досадно. Включил телевизор.

Августа 7-е

Это понедельник, а по понедельникам опекающая меня организация, буду называть ее сокращенно ОМО, выдает деньги. Когда я пришел, в приемной уже сидело немало людей.

Я тоже сел, ожидая вызова. Вдруг женщина рядом спросила, не помню ли я ее. Я не мог вспомнить, но лицо мальчика с ней показалось мне знакомым. Тогда она сказала, что помогла мне найти мой чемодан в аэропорту, когда я сюда прилетел. При этих словах мальчик улыбнулся мне, как знакомому, покраснел и тут же опустил глаза. В эту минуту женщину вызвали. Она дала мне свой телефон и сказала, что я всегда смогу с ней проконсультироваться, потому что она в Америке уже три года и знает язык, а Америка сложная страна.

Чтобы скоротать время, я взял один из лежащих на стуле старых номеров "Новой Речи" и наткнулся на объявление: "Интересная блондинка ищет знакомства с серьезным интеллигентным господином, л ю б я щ е г о музыку, искусство и путешествия. Отвечать только с приложением фотографии". Опять упрекал себя. Зачем возил рассказы за тридевять земель, чтобы отдать их эмигрантской газете, л ю б я щ у ю искусство?

Затем моим вниманием завладел один посетитель ОМО, шумный, самоуверенный и с бойким московским акцентом. Он сказал, что никогда не изучал и не будет учить английский, потому что ему как писателю-сатирику начхать на все языки, кроме того, на котором он пишет. Узнав, что он сатирик, я стал слушать его, мне показалось, что и другие посетители прислушивались к нему по той же причине. Я спросил, знаком ли он с одним московским писателем, и назвал имя писателя. На это сатирик неожиданно грубо ответил, что с нашей эмиграцией в Америку они стали для нас трупы. После этого ответа я почувствовал к нему неприязнь, поскольку им сатирик как бы перечеркивал значение моего знакомства. А он, не обращая на меня больше никакого внимания, рассказал, какой успех имело недавнее его выступление перед читателями, и что из нескольких городов он уже получил приглашение выступить. У сатирика было несвежее лицо, как будто он забыл умыться

утром после сна, и одет он был тоже неряшливо. Несмотря на свой вид, он производил впечатление. Я думаю, потому что из него так и перли самоуверенность и нахальство.

Когда же он сказал, что один известный американский писатель лучше в переводе, чем в оригинале, и стало быть, переводчик важнее писателя, я, чтобы позлить его, выпалил, а все-таки собака вертит хвостом, а не наоборот! Вдруг он стал кричать на меня, нагло, беззастенчиво, я был совсем ошарашен, а он кричал и размахивал руками, как у себя дома. Наверное моего голоса совсем не было слышно. А эмигранты в приемной одобрительно кивали сатирику, ведь в существе спора они не в состоянии были разобраться.

Мне было стыдно, но я не мог заставить себя встать и выйти. А ожидающие в приемной улыбались, наслаждаясь моим растерянным видом. Только одна секретарша мне посочувствовала, она объявила, что меня вызывают, таким голосом, как будто это известие должно было принести мне облегчение. И правда, я был рад поводу уйти.

Служащий ОМО, который мною занимается, каждый раз меняет рубашку и галстук. Всегда, когда я прихожу, на нем другие. Красивые. Я в Союзе таких достать не мог. Костюмы, по-моему, тоже. Разговаривает и все время пыхтит сигарой. Не знаю, эмигрант он или американец, по-русски он говорит, как я. Но наверное все-таки американец, эмигранты сигар не курят и так не одеваются. И видно, каждый день принимает душ, пахнет от него какой-то освежающей эссенцией. Мне Рита говорила, как она называется, но я забыл.

Когда я закончил разговор и вышел в коридор, я опять увидел сатирика. Теперь он возмущался, что приходится каждый раз сюда ходить просить деньги, а в Москве, он сказал, у меня были месяцы, когда знаете, сколько я получал. Вот! Он широко развел руки и назвал огромную сумму. Мне уже так была неприятна эта потная небритая морда, что я отошел в

сторону, чтобы не видеть и не слышать его. Тут юркий паренек в курточке и смешной кожаной кепке подмигнул мне: он меня забыл, мы с ним когда-то в концерте выступали. Мне было приятно, что кожаный паренек, свидетель моей стычки с сатириком, обратился ко мне, не проявляя интереса к моему врагу. Мы еще поговорили с пареньком, я попросил у него телефон и дал ему свой, потому что думал, что мы с ним можем подружиться.

На улице моя обида притупилась, и я вернулся в гостиницу почти с хорошим настроением. Еще меня утешило, что мой враг значительно старше меня и все время поправлял пальцем вставные зубы, значит, жизнь его не так уж приятна. Утром я даже позвонил ему, представившись придурковатым читателем, и спросил, где я могу достать билет на его вечер, потому что кого ни спрашиваю, мне говорят, не знают такого сатирика. Я потом ругал себя за этот звонок, потому что у меня из-за него опять испортилось настроение. Во-первых, выяснилось, что у сатирика привлекательная жена, я судил по голосу, она позвала так мило, протяжно: "Ви-ить, тебя!..", слышно было детское топанье и голос ребенка, счастливая семейная жизнь. И потом он очень скоро раскусил, в чем дело, сначала только недовольно хмыкал, как человек, которого оторвали от дела, потом сказал: "Привет!" и положил трубку.

Глупо себя веду. Зачем мне этот сатирик?

Августа 8-е

Целый день ничего не делал. Ходил в Центральный парк. Смотрел, как кормят лебедей. Потом отправился в библиотеку, нашел подшивку "Новой Речи" с рассказами этого сатирика об эмигрантах. Все его герои бежали от преследований и антисемитизма. И мало синагог, некуда ходить молиться.

А я среди эмигрантов ни одного не встретил, чтоб верил в Бога. Не понимаю, зачем в Америке, где нет цензуры, писать неправду?

Мой ведущий в ОМО вчера сказал, что некоторые эмигранты так привыкают получать здесь чеки, что потом, когда приходит время идти работать, они не хотят. Но к вам это не относится, вы совсем недавно приехали, нужно хоть немного выучить английский. Хотя у нас есть такие люди, он тут же спохватился, они сразу идут работать и не просят никакой помощи. Стало неприятно, ведь как все, так и я, если надо, и тут же пойду работать. Видно было, ему понравился мой ответ, но он сказал, что пока не надо.

Выходит, Рита преувеличивала, когда уверяла, что ОМО кормит нас, пока мы не научимся говорить чуть ли не как дикторы по телевизору, а потом еще ломают себе голову, чтобы устроить каждого по специальности. Я работал редактором издательства, здесь на такой работе мне надо будет править рукописи американцев!

Смотрел телевизор, пока не захотелось спать.

Августа 10-е

Даже не помню, как прошел день. Как-то прошел. Вечером позвонила Рита, и я с радостью к ней поднялся. Настроение у нее плохое. Почему, она не говорит. Она хочет, чтоб мы вместе занимались английским, но она, когда учит, так кричит, что у меня начинает болеть голова. И потом ей нравится, чтобы телевизор был включен во время занятий, только без звука. Когда ее что-то интересует, она включает звук. Я не выдерживаю жары, бесконечных сигарет, ее пепельница с плохо потушенными окурками дымится, как жаровня, и пронзительного голоса старательной ученицы, приученной с первого класса читать вслух.

Чтобы я не ушел, она стала угощать меня. Она призналась, что уже работает несколько часов в день в парикмахерском салоне, но ОМО об этом не знает, иначе перестанет ей помогать. Рита говорит, клиентки в восторге от ее работы и хотят, чтобы их причесывала только она. Я же закончила институт красоты в Москве! Когда я сказал, что институт красоты не учебное заведение, а лечебное, она снова стала кричать: "Что ты говоришь? Не учебное?.. Что ты говоришь!" Я подумал, наверное, она купила какую-то подложную справку.

Вернулся к себе поздно, но лечь спать не хотелось, потому что я весь вечер провалялся на ритиной кровати, единственное ее кресло было завалено ворохом одежды. Рита так туго затягивает волосы на затылке, что кажется, будто она совсем без волос. А лицо у нее такое: круглые-круглые светлые глаза и плоский длинный нос. Такое лицо я видел на картине Иванова "Явление Христа народу". Только оно принадлежало мужчине. Лицо бритого раба.

Августа 11-го

Это, может быть, не так важно, но я запишу. Как я опять ходил по городу. Вышел утром, а вернулся в темноте. Масса чернокожих, оливковых, коричневых, разные типы лиц, пестрые одежды. И музыка из открытых дверей лавок, да и многие носят с собой транзисторы. Ритмы без мелодии, чужие. Ужасно тоскливо. И так жарко.

Вечером пришла Рита со своими гостями. Они вперебивку стали объяснять, что у Риты барахлит телевизор, а кино очень интересное, с известным итальянским актером, можно, мы у вас досмотрим? И вот целый вечер они обкуривали меня. Кино обыкновенное, детектив, и тянулось бесконечно, потому что каждые несколько минут реклама. Я хотел выйти на улицу

или по крайней мере принять душ, я не успел, я только приволокся с улицы, они постучали. Но это выглядело бы не совсем вежливо, не говоря уже о том, что в телефонной тумбочке лежали мои рассказы и эти записи, а они вполне могли заглянуть туда, как Рита в портфель.

Один из ее гостей каждый раз бегал на улицу бросать деньги в счетчик, у которого они оставили машину, они кричали ему вслед: "Купи сигареты!" Если учесть, что платить в счетчик надо каждые полчаса, можно представить, какую уйму сигарет они выкурили. Окурки они выбрасывали в окно, пустые пачки туда же. Меня это возмущало, но не делать же замечание гостям, и я терпел. Когда они, наконец, уехали ужинать в какой-то ресторан, я принялся убирать комнату, прежде всего постель, на которой они чуть ли не топтались, у меня, как и у Риты, тоже одно кресло, и отовсюду сдувал пепел.

С одним из гостей мы разговорились, оказалось, он мой земляк, и работал даже зав. столовой напротив моего издательства, а мы всегда туда ходили в обеденный перерыв. Я обрадовался, спросил, скучает ли он, и признался, что немного скучаю. Но он вдруг дернул за рукав другого гостя и показал ему на меня пальцем: "Ты слышишь, он скучает!" Что вы там оставили, этот другой рассмеялся, повестку к следователю? А за что мне было повестку, я спросил. Обязательно надо за что, он удивился, а если у вас в подсобке столовой обнаружат излишек двести килограмм сливочного масла, которое вы недоложили в блю́да, так вы думаете, они забудут вам прислать повестку? Не о чем жалеть! Но я сказал, что не жалею даже о масле, которое он вытащил из моего супа. Все рассмеялись, и он тоже, это его совсем не обидело. Все кричали и размахивали руками, иначе они разговаривать не могут. Настоящий базар. А кино они почти не смотрели.

Ночью меня разбудил звонок, но когда я снял трубку, никто не ответил. Стало обидно. Наверное, это Рита вернулась.

Или дежурный у коммутатора гостиницы ошибочно соединил мой номер.

Бой в лифте, рыжий, конопатый, с головой огурцом, настоящий диккенсовский уродец. Я недавно увидел ключ в его руке и спросил: "Кэй?" Это его очень развеселило. С тех пор он, когда возит меня (мой этаж с улицы третий, а дно колодца почему-то под самым окном. Наверное то, что я принял за дно колодца, на самом деле крыша какого-нибудь строения, стоящего на настоящем дне), непременно скажет: "Кэй?.." Видно, этот случай внес приятное разнообразие в его работу. Надо: "Ки".

В нашей школе каникулы. Что хочешь, то и делай. Учю английский в Центральном парке, в комнате невозможно, жара страшная и еще эта электрическая лампочка плавится в номере напротив, почему они ее не тушат даже днем? Когда видишь раскаленную лампочку, становится еще жарче.

Августа 16-е

Сегодня решил позвонить редактору "Новой Речи". "Дорогой мой, — сказал редактор, — ваши рассказы здесь никто не напечатает, напрасно возили в Америку. Вот я недавно прочитал повесть, написал, как вы, новый эмигрант. Было приятно читать". Редактор еще что-то говорил, после чего я спросил, могу я забрать рассказы? Да, приходите, здесь редактор стал отвечать кому-то, в трубке было плохо слышно. Потом он вспомнил обо мне: мы работаем до пяти, можете прийти.

Я вышел на улицу с головной болью, но жаркое солнце показалось приятным, должно быть, меня морозило. Свою большую папку "Дело", которую я купил перед эмиграцией, чтобы повезти в ней рассказы, я увидел на самом краю засыпанного

бумагами редакторского стола, редактор ее отодвинул, чтобы не мешала работать. Редактор тут же протянул мне папку, наверное, хотел, чтоб я поскорее ушел.

Но я вдруг почувствовал себя обиженным, и мне захотелось ему отомстить. Я сказал, как он может знать, что верно в моих рассказах, а что нет, ведь он бежал из страны полвека назад, все забыл. Неожиданно редактор развеселился. А вы знаете, незадолго до вашего прихода на этом же стуле сидел другой новый эмигрант и удивлялся, как я прекрасно информирован о том, что творится в коммунистической России. Он мне предложил свою повесть, мы ее будем печатать, юноша полюбил женщину, она легкомысленна, ветренна, он всюду за ней ездит, поселяется рядом. А прописка, я спросил. А работа? Или этот юноша пенсионер? Но редактор пропустил мимо ушей мое замечание и снова вернулся к приятному для него воспоминанию о беседе с автором сентиментальной повести.

В это время зазвонил телефон, и редактор стал объяснять кому-то, что сначала пишется "волею Божьею", а потом уже число и "скончался", а не наоборот, и, стало быть, газета не допустила никакой ошибки, печатая заказ. Разговаривая, редактор катался из стороны в сторону в своем вертящемся кресле, его рука порхала над столом, касаясь то одного предмета, то другого. Его вид говорил, ему приятно сидеть во вращающемся кресле в своем закутке у окна, отделенном не достающей до потолка перегородкой от остальной части комнаты, где даже окон не было и, освещенные запыленными лампами, склонились над столами послушные редакционные работники. А когда редактор отталкивался от пола, чтобы придать креслу вращательное движение, он тут же спешил поджать ноги в желтых ботинках, и они расслабленно болтались в воздухе. Может быть даже, желая продлить удовольствие, он вызвал секретаршу и сказал, что завтра, в ее отсутствие, ему может понадобится ее стол, чтобы она не забыла оставить

ключ. Но если в ящике окажутся любовные письма, я их прочту. Хорошо, что предупредили, ответила секретарша, охотно вступая в игру, я сейчас проверю, не оставила ли я действительно какого-нибудь письма. Секретарша была полная, завитая, ее улыбка говорила, что она может вести себя независимо.

После ее ухода редактор повернулся с креслом ко мне и спросил, почему бы мне не научиться какой-нибудь специальности, например, портного. Литературным трудом здесь нельзя прожить, особенно не имея имени. Если хотите, я могу справиться на фабрике моего приятеля, он говорил, что берет учеников.

Тут пришел наборщик и, протянув редактору гранки, спросил, правильно ли написано предложение. Редактор прочитал вслух и удивился, а как же, только так и можно сказать! Наборщик осторожно возразил, может быть, лучше выразиться по-другому, и вышел. Тогда я сказал редактору, что прав наборщик, а не он, так, как написано в гранках, по-русски не говорят. Тогда, не долго думая, редактор вернул наборщика и объяснил, что вообще-то можно написать и так, и так, но пусть уж будет по-вашему. Но можно и так, и он повторил свою немыслимую фразу. После этого он неожиданно обратился ко мне: "Дорогой мой, извините меня, я сейчас занят".

Уходя, я спросил:

— А если бы у меня было имя, вы бы меня напечатали?

— Дорогой мой, зачем мы будем гадать, что было бы. Мы говорим о теперь.

Я едва не рассмеялся в его присутствии, так мне понравился его ответ, как будто заимствованный из анекдота, и по темной крутой лестнице спустился на улицу. Теперь, после посещения редакции, отказ меня уже не так огорчал, и я медленно шел куда-то, разглядывая все, что встречалось по пути. Дома были из красного нештукатуренного кирпича, а двери, оконные рамы, вывески, даже ограждавшие подвалы перила

были выкрашены черной краской. Когда я вышел на более нарядные улицы, я заметил, что и здесь черный и красный цвета встречаются чаще других. Ночью мне стало ясно, что эти краски и мокрая от пота подушка и есть Нью-Йорк.

Когда я проснулся, шел дождь, и я обрадовался. Улицы стали одинаковыми и серыми, как у нас в дождь. И ощущение влаги тоже было приятно по этой причине. Но у меня не было зонтика, и рубашка моя скоро промокла. Все равно мне было хорошо.

Потом я поругался с одним продавцом. Когда я рассчитывался с ним за бананы, он, спросив, откуда я, сказал, что Россия это вот что, и плюнул. Не знаю, почему это меня обидело, раз я оттуда эмигрировал. Но я обругал его и тоже плюнул. Тогда он положил записную книжку и карандаш, которые держал в руках, и замахнулся. Я так удивился, что не двинулся с места. Но он только произнес какие-то слова, и я ушел. Съев на улице свои бананы, я продолжал прогулку под дождем, а когда вернулся в гостиницу, толстый дежурный протянул мне талончик телефонного вызова. На талончике стояли фамилия хозяина пишущих машинок и его телефон. Я тут же позвонил ему. Он недовольным тоном ответил, что занят. Зачем тогда было оставлять свой телефон?

Ночью, правда, он мне сам позвонил. Начал жаловаться, он самый несчастный человек. Несколько дней назад он был на свадьбе сына и с кем ни говорил, всем лучше, чем ему. Но когда я спросил, почему, он неожиданно рассердился. Как, вы до сих пор ничего не поняли, я вам тысячу раз говорил, что мечтаю отдать свое дело кому угодно, даже даром, лишь бы освободиться от обузы, которая сушит мои мозги уже столько лет! Мне было интересно узнать живого капиталиста, как он мыслит, и я слушал, пока ему не надоело жаловаться. Наверное из благодарности, что я помог ему облегчить душу, он предложил, не хочу ли я пойти с ним когда-нибудь в ресторан,

это недалеко от моей гостиницы, туда обычно ходят писатели, артисты, вообще всякие знаменитости. Стоит не так уж дешево, но я, конечно, заплачу за вас. Я согласился, но из приличия предупредил, что заплачу за себя сам. Он лишь улыбнулся, я почувствовал по его тону. А машинку вы еще не купили, был его последний вопрос. Наверное ради этого он и позвонил. Я ему в первый раз сказал, когда соберу деньги, куплю машинку, а пока буду у него брать напрокат. Чтоб не купил у кого-то другого.

Августа 20-е

Никто мне не звонит, ни с кем не вижусь. Иногда в парке подхожу к кому-нибудь, показываю в своем "Элементарном чтении" слово и прошу объяснить. Мне всегда охотно объясняют. Приятно, что американцы доброжелательны. А вчера, когда я возвращался из парка по Бродвею, ко мне подошел черный и попросил денег. От него пахло спиртом, и я ему не дал. Но я не мог уйти, потому что он упрямо стоял передо мной, загородив дорогу. В конце концов он стал сердито произносить какие-то слова и, взяв меня за рукав, приблизил свое лицо ко мне почти вплотную. Тогда я отдал ему доллар, который взял с собой, чтобы купить хлеб. Не знал, что они такие нахальные. У нас писали, над ними издеваются. Не похоже.

Вернувшись к себе, я позвонил Рите, чтобы одолжить у нее что-нибудь на ужин. Но ее не было дома. Так и лег спать голодный.

Августа 22-е

Сегодня воскресенье. Я хотел пойти в парк заниматься и посмотреть зверинец, вход бесплатный, но неожиданно позво-

нила Рита, Она сказала, что была у знакомых, но поссорилась с ними и потому так рано вернулась. Если хочешь, пойдём погуляем, а то скучно. Когда мы шли через вестибюль, её подозвал дежурный и протянул через стойку телефонную трубку. У неё сразу исправилось настроение, она стала смеяться и говорить по телефону. Один раз она оторвалась от трубки, чтобы сказать мне: "Алик, если ты спешишь куда-то, так иди, потому что звонит один хороший друг моего мужа, он сейчас приедет". Я поднялся к себе и пообедал колбасой, которую Рита мне подарила, сказала, она не может её есть, очень твердая.

Вечером смотрел с улицы на открытый ресторан в Рокфеллер-Центре. Он расположен внизу, за оградой. Я провел там много времени. Играла музыка. В ресторане было полно людей и горели разноцветные фонарики. Должно быть, там было еще жарче, чем на улице. Официанты в красных куртках разносили по столикам очень большие стэйки. Каждый занимал целое блюдо, оставалось только немного места для салата.

Две старушки с белыми красиво причесанными головами принялись за свои стэйки, едва официант поставил перед ними блюда. Меня после ритиной колбасы мучала жажда, не хотелось смотреть, как едят даже такую красиво приготовленную пищу, и я уселся неподалеку на скамейку. Когда я снова подошел к ограде, то увидел тех же старушек и остатки еды на их блюдах. Старушки курили и, видимо, никуда не собирались уходить, хотя за их стульями и в проходах многие ждали, когда освободится место. Наконец к ним подошел официант и убрал посуду. Только после этого они поднялись и ушли. Я тоже пошел домой и по дороге увидел, как одна из старушек позвала такси и уехала. Тут начался дождь. Я укрылся у витрины, над которой был навес. Там прятались от дождя еще несколько человек, а на выступе витрины нищий разложил свои пакеты с едой и ел, не обращая на нас никакого внимания. А как поступил бы этот нищий, если бы кто-нибудь принял

кричать на него, как сатирик на меня в приемной? Скорее всего, швырнул бы в него бутылку в пакетике, из которой тянул какое-то питье. Очень возможно, еще запустил бы вдогонку свою грязную торбу, которую он носил на шлее через плечо, как противогаз, И правильно бы сделал.

Неожиданно я услышал за собой русскую речь и увидел мужчину в безрукавке и женщину. Я сразу понял, что это эмигранты, а не туристы из Союза, какие-то эмигранты всегда растерянные. Наверное, я тоже. Мужчина попросил у меня спички и сказал, что встречал меня в гостинице, давно я в Америке? Они сказали, что они тоже недавно. Тут же позвали меня к себе, женщина налила вино, а мужчина поставил кассету Высоцкого. Было очень жарко, и кондишен так шумел, что приходилось повышать голос. Женщина же просто кричала, и он тоже. И я заметил, что когда она вступает в разговор, он тут же замолкает, а когда я, то нет. Но меня это ничуть не обижало, они были культурные люди, и мне было с ними интересно. А с Ритой мне не о чем разговаривать, она недостаточно образована. А других я не знал. Правда, я пытался подружиться с парнем в кепочке, с которым познакомился в ОМО, но, когда я позвонил ему, мне ответили по-английски. Тогда я вспомнил, что этот парень замялся, услышав мою просьбу дать телефон. Очевидно, он мне записал первые пришедшие в голову цифры. Конечно, было неприятно, что он мною пренебрег, но я подумал, это к лучшему, раз он такой, мы бы все равно с ним не подружились. Поэтому не удивительно, что мне не хотелось уходить от новых знакомых.

Мужчина был весел, рассказывал анекдоты, пел частушки. Он сказал, чтоб я называл его просто по имени, Вова. Мне было неудобно, он такой упитанный, с животом, грузный. И заметна седина. Бросьте вы эти их предрассудки, он стал убеждать, по отчеству. Они нарочно так называют, чтоб видно было, кто еврей. Привыкайте к свободе!

А ее звали Люся. Она была намного моложе его. На шее крестик. Но видно, что еврейка. Худая. Я подумал, может быть, дочь. Но потом понял, нет, жена.

Когда я уходил, она спросила, москвич ли я. Когда я назвал, из какого я областного центра, видно было, что они разочаровались. Но Люся тут же сказала, ничего, все равно можете приходить к нам запросто.

А утром она даже сама позвонила, чтоб я поднялся к ним. Вова скоро вернется, он за сигаретами и всякими вещами побежал, попьем чай и подумаем, как провести день, приходите. Я пришел в их номер и извинился, что не могу остаться, я должен сегодня принести свои рассказы американскому критику. Вова еще не вернулся. На столе стояли вчерашние бутылки и грязная посуда. Люся сказала, здесь нужна сенсация, иначе трудно кого-нибудь заинтересовать. Вдруг она переменяла тон, а вы там печатались? Несмотря на то, что в комнате беспорядок, даже постель не убрана, Люся была одета нарядно, длинное платье, серьги, браслеты. Стала расспрашивать меня, как я с критиком познакомился, ведь у меня совсем нет имени. Я рассказал, получилось недоразумение, здесь есть один хозяин магазина пишущих машинок, старый эмигрант, я его ни о чем не просил, просто сказал, когда есть настроение, пишу рассказы обо всем, что вижу, но я не считаю себя писателем. Он меня даже не предупредил, позвонил в американскую газету этому критику, не знаю, что он ему сказал, может быть, что меня преследовали в Союзе за мое творчество, не согласитесь ли прочитать? Люся недоверчиво улыбалась. Наверное решила, я не хочу сказать правду, чтоб она тоже не познакомилась.

Недалеко от гостиницы стоят небоскребы. Фонтаны журчат, трава, прохладно. Я иногда сажусь на скамейку, не могу понять, каким ветром меня в Америку занесло. Но настроение

хорошее, потому что эти небоскребы ни на что не похожи, они красивее всего, что я до сих пор видел.

Августа 26-е

Несколько дней ничего не записывал, а сейчас опять появилось настроение. Сначала, как я был у критика. Я называю его критиком, такая его роль со мной, но он журналист, кажется, известный, если судить, как меня встретили в газете. Предупредительно. Не сравнить с "Новой Речью".

Вернулся в гостиницу весь мокрый, так на улице жарко. Сидел в вестибюле. Здесь прохладнее и не так скучно, как в номере: кто входит, кто выходит, а за стеклянной дверью видна улица. И уютно. Ковры, мягкая мебель, темнокрасные обитые дубом стены, и на них яркие электрические пятна бра. Можно утонуть в глубоком кресле, положив на колени толстую американскую газету, которую купил в напрасной надежде узнать, что делается в мире, и вообразить, что ты такой же, как те, кто спует по улице за дверью, живешь в этой стране испокон века и просто зашел в гостиницу повидать приятеля, с которым когда-то учился в одной школе. Но стоит увидеть непонятную вывеску на другой стороне улицы или вспомнить, что надо возвращаться в свой темный номер, и тот кто-то из милости за тебя оплачивает, и настроение меняется.

Августа 27-е

Утром, когда я кипятил в кастрюле чай, Вова пришел за мной. Немножко странно, что такой солидный мужчина велит ему говорить "ты", но он уверяет, что здесь так принято. Принято, так принято. Я все ж таки иногда говорю ему "вы",

как-то не получается иначе. Я налил в кружку чай, решил, пока остынет, я успею вернуться.

Вова с Люсей хотели узнать побольше о критике. Но я ничего особенного не мог рассказать, я всего у критика был, может быть, минут пять. Он только спросил, из какого я города, заглянул внутрь папки с рассказами и положил ее на стол. Мне понравилось, что у него в кабинете все такое большое и добротное, и сам он высокий, как шпиль. И мало говорит. Поинтересовался, правда, какая у меня была работа в Союзе, после чего записал мой адрес и обещал прислать в гостиницу ответ через две недели. Попрощался со мной и все. Вовы были разочарованы. Может быть, желая меня утешить, Люся сказала, что я пришел отдать рассказы, о чем тут особенно говорить. Все еще впереди. Как вы печатаете на машинке, она спросила, двумя пальцами или всеми? Я печатал двумя, но быстро, в издательстве научился. А я думала, что двумя нельзя быстро, вы нам покажете. И поможете выбрать машинку? Я, конечно, согласился и спросил, что они собираются печатать. Они переглянулись и вперебой стали мне объяснять, книгу, большую толстую книгу, она уже написана, это соцгеоисследование, ведь Вова еще в Союзе защитил кандидатскую, должен был получить должность доцента, но ему не дали, да и защищаться пришлось на периферии, не хотели допускать к защите... Старичок, это долго рассказывать, перебил Люсю Вова, как там к евреям относятся ты сам знаешь, пришлось устроиться в непрофилирующий НИИ, материально жил, как все, была машина, построил две кооперативных квартиры, но душно, нечем дышать, все бросил... Вова, посмотри, сколько времени, мы не успеем купить машинку, спохватилась Люся. Я не знал, что такое соцгеоисследование, но не хотелось спрашивать, чтобы они не переменили ко мне отношение и не перестали приглашать меня. И я повел их к Гану. Ган усадил нас у своего стола, в грудке разноцветных квитанций,

счетов и разных документов расчистил себе какой-то пятачок возле телефона и стал искать по картотеке, на каком стеллаже у него должна стоять подходящая машинка. Ничего не нашел и позвал рабочего. Тот сразу принес машинку. Но в ней не оказалось твердого знака. Вовы отказались от этой машинки, и рабочий принес другие. Ни одна из них Вовам не подошла. Тогда Ган стал уверять, в Америке русские обходятся без твердого знака, ставят апостроф. Выдумывал, чтобы купили.

Ночью Ган позвонил, завтра я должен угостить его в самом дорогом ресторане, такую он нашел для меня работу. После этого принялся жаловаться, рабочий его обкрадывает, когда Ган приезжает на работу, он почти уверен, то на одном стеллаже, то на другом не хватает машинки, которые, он это отчетливо помнит, стояли там накануне вечером. Я спросил, кто же и когда совершает кражи, если Ган сам открывает и закрывает магазин. Как, вы еще ничего не поняли, сердито закричал Ган, ведь рабочий в субботу приходит рано утром, я ему оставляю ключ. Я помолчал из вежливости, а потом спросил, какую же работу он для меня нашел. Как, вы опять ничего не поняли, я вам битый час объясняю! Наблюдать, выносит ли рабочий машинку из магазина и, если нужно, позвонить мне. Вот вся работа, и за нее такие сумасшедшие деньги. Сколько, так и не сказал.

Я считал, что если несколько машинок рабочий возьмет себе, то ничего страшного не случится, все равно они у Гана стоят годами без дела и только пылятся. Но конечно, я ему этого не сказал, а объяснил, что начинаю ходить на курсы английского. Но он не закончил на этом разговор и предложил познакомить меня еще с одной эмигранткой, учительницей. Не успел я сказать, не надо, он признался, что уже дал ей мой телефон, поскольку был уверен, я буду его потом благодарить.

Сегодня первый раз пошел на курсы и убедился, что с английским у меня хуже, чем у многих. Наши эмигранты уже обамериканились: разрисованные рубашки, нестриженные волосы до плеч, девушки в шортах, много косметики. И все время или курят, или что-то едят из пакетиков, а потом бегают к автоматам пить, так их мучает жажда. А в промежутках жуют жвачку. Рита доказывала: никакая не пошлость, Алик, здесь каждый может позволить себе, что хочет. А что в Союзе хорошего? Я не могла устроить свою жизнь, потому что у меня не было телефона! Мне вдруг стало смешно, а Рита обиделась. Что ты смеешься, что ты смеешься, кричала она, да, а что ты думаешь, это не имеет значения? Я сделал серьезное лицо и сказал, что ведь она замужем. Рита вдруг страшно покраснела, смутилась, а потом опять закричала: да, а зато сколько я ждала! Это ничего не значит по-твоему?

Вечером поднялся к Вовам. Меня познакомили с гостьей, старой эмигранткой. Она смешно говорила по-русски. Потом гостья куда-то увезла Вов.

Когда я вернулся в свой номер и начал это записывать, мне позвонила учительница, о которой накануне говорил Ган. У нее был приятный голос, я решил, она молодая. Но после этого она сказала, что забыла много русских слов, потому что родители привезли ее сюда еще ребенком почти полвека назад. Тогда я сказал, что уже занимаюсь на курсах. Вы все равно могли бы ко мне прийти, мне бы очень хотелось поговорить с кем-нибудь по-русски. На меня подействовали эти слова, и я согласился. Но потом я вспомнил, когда в первый раз пришел к Гану за машинкой и мы разговорились, он вдруг с хитрой улыбкой спросил, нашел я уже себе в Америке кого-нибудь? Когда я сказал правду, что нет, он строго заметил, это важно для здоровья, вот у меня жена, а я всегда пользовался взаим-

ностью других кроме. И это с момента эмиграции в Америку, еще с двадцатых годов. Смешно, он наверное меня знакомит со своими любовницами двадцатых годов, думает, он меня выручает. Дожил, Александр Батькович!

Сентября 2-е

Ничего нового. Курсы. Жара. Вечером ходил по городу. Случайно зашел в магазинчик, торгующий сексуальными журналами. Грязная конура. Стены в каких-то подтеках. Толпа мужчин. И все разглядывают журналы. Какая-то неприятная тишина. Здесь же можно посмотреть сексуальный фильм. Всего 25 центов. Решил позвонить той женщине, которая дала мне свой телефон в ОМО.

Сентября 3-е

Утром позвонил. Она не удивилась моему звонку, сказала, в понедельник должна быть с сыном в Манхэттэне, и там с удовольствием поговорит со мной. Глупо, что не позвонил ей раньше. Видно, она ждала.

У Вов все время родственники, американцы. Я вечером поднялся к ним, они с какой-то пожилой четой сидят за столом. У четы пальцы в перстнях и кольцах. Я извинился, пришел, мол, за книгой. Провожая, Люся шепнула мне, что это вовина тетка. Люся очень нарядно одета, от нее пахнет тонкими духами. А в комнате обычный кавардак. Почему старые эмигранты так пестро одеваются?

Тогда решил пойти к Рите, она обижается, что я забыл ее. Я ей позвонил, она закричала, она только что звонила мне, где я пропадаю? Наверное в то время я был у Вов. Но она не

поверила: у тебя кто-то есть! Я сказал, что никого. Ну, тогда приходи. И если есть бананы, захвати, я люблю. Мы сидели весь вечер, разговаривали. У нее очень маленькие розовые ступни, наверное 33-й размер, как у ребенка. Она сказала, что ждет звонка от мужа из Канады. Как всегда, удерживала меня, когда я хотел уйти, ей было тоскливо одной ждать звонка. Но звонка все не было, и я ушел.

Спустился вниз и стоял на улице у входа в гостиницу. Было уже поздно. Машины почти не проезжали. Пешеходов один-два на всю улицу. Несмотря на высокие дома, ощущение какой-то глуши. Только рев сирен полицейских или пожарных машин напоминает, где ты. И машин скорой помощи. Я вернулся в вестибюль и утонул в глубоком кресле. Дежурный дремал за стойкой. Было не так прохладно, как днем, когда на полную мощность включены кондишеры. Днем здесь как в холодильнике, чтоб приезжие думали, что в комнатах такая же температура. А там баня. Но все равно было приятно, вестибюль еще не успел нагреться. И потому что свет был потушен, только место дежурного ярко освещено. Не говоря уже о жаре, в номере скучно, а здесь ты на людях, видишь, как они проходят, выходят и что делается на улице за стеклянной дверью. И никто на тебя не обращает внимания, потому что кресло в углу вестибюля, в закутке, там всегда полумрак, даже когда горят все светильники. Даже дежурный тебя не видит.

Вдруг в конторке дежурного зазвонил телефон. Дежурный проснулся и соединил какой-то номер. Потом вошли двое черных в незаправленных рубашках и стали говорить с дежурным. Это были единственные посетители. Но они не сняли номер, а тут же ушли, сначала один, а спустя несколько минут другой. После их ухода дежурный выскочил из-за стойки, и началась суматоха. Появилась моя соседка уборщица, голстая молодая негритянка, из соседнего бара прибежал бармен в белой куртке. Дежурный подбежал к двери и выгля-

дывал на улицу. Последним оказался диккенсовский уродец, он где-то дрых, а должен торчать всю ночь в холле и ждать жильцов. Наверное, завтра его выгонят. И тут же вошли двое полицейских, здоровенные парни в коже, сбоку, из-под курток, торчат длинные ручки пистолетов. Один из полицейских снял фуражку, волосы под ней были совсем мокрые, вытащил из фуражки блокнот и стал записывать, а другой заговорил в передатчик. Дежурный выдвигал пустой ящик стола и говорил о долларах. Затем один полицейский ушел, а другой, облокотясь о стойку, стал неторопливо толковать с дежурным. Остальные начали расходиться. Диккенсовский уродец подмигнул мне: "Кэй?.." и направился к лифту, наверное, спать. Я поднялся к себе по лестнице и завалился в постель. В колодце гудели кондишены номеров, и вся моя комната была наполнена этим шумом.

Сентября 6-го

Сегодня воскресенье, должен идти к этой учительнице, знакомой Гана. Очень не хочется. Зато завтра свидание с женщиной из ОМО. Спустился вниз, чтобы посмотреть, что там после вчерашнего грабежа. За стойкой хозяин гостиницы, два дежурных, тот, ночной, еще не ушел, и еще кто-то, кого я никогда здесь не видел, он рылся в квитанциях, наверное, проверял, не придумал ли дежурный ограбление, чтобы заработать, в общем, все начальство. Вдруг дневной дежурный накинулся на меня, ОМО не хочет оплачивать мой счет за телефон, а я, мол, каждый день звоню из номера. На счете стояло пятнадцать звонков, но это неправда, я звонил за все время, может быть, два или три раза, ведь внутренние звонки не считаются, а то все звонили мне, Рита сказала, это тоже не считается. Тем не менее, я вытащил деньги, чтобы

мешать, мне стало стыдно, в вестибюле много людей, а дежурный раскричался, как тот сатирик. Но когда он увидел деньги, он успокоился. Я думаю, он просто хотел показать хохлину, какой он преданный. Потом, уже в лифте, я понял, что он мне дал мало сдачи. Как мне не хотелось, но я вернулся, потому что на завтра мне не хватило бы на цветы той женщине. Я написал на его счете, десять на пятнадцать будет доллар пятьдесят, потому что один звонок стоит десять центов, на каждом автомате написано. Опять этот дежурный стал кричать, перерекнул мои десять так, что порвал бумагу, написал сверху тридцать и тыкал пальцем в свой коммутатор, оказывается, за то, что он соединил мой номер, я должен платить в три раза дороже. А всего дел воткнуть штырь в гнездо. Вдруг он сказал: больше из номера не звонить, и взмахнул рукой перед самым моим носом, чтобы показать на телефонные автоматы в вестибюле, вот откуда я должен теперь звонить! Неожиданно он улыбнулся кому-то за мною и передал ключ. Это был Вова. Люся в компании пестрых родственников направлялась к лифту. Вова удивленно спросил меня, что случилось, я ответил, ничего и поспешил выйти на улицу. Мне было обидно, этот меня честит, а хозяин стоит рядом, и хоть слово бы ему сказал. Еще улыбается с довольным видом. Что это на мне такое написано, что все они, начиная с сатирика и уличного торговца фруктами, как сговорились, кричат на меня?

Я пошел в Рокфеллер-центр и сидел там, пока не стемнело. Только тогда я вернулся домой. Больше всего я опасался, что в вестибюле встречу этого дежурного. Наверняка там будет еще кто-то, кто слышал, как он меня утром позорил. А в лифте диккенсовский уродец, он тоже все слышал. Знал бы я какое-нибудь американское ругательство, я бы сам поспешил вернуться пораньше, чтобы застать этого дневного дежурного и ответить ему как следует, а то получается, я совсем безответный, он тебя оскорбляет на всю гостиницу, а ты в ответ лопочешь

чешь вежливые слова на ломаном английском, которым тебя научили на курсах.

Но все обошлось. Дневной дежурный уже сменился, а в лифт я садиться не стал, поднялся по лестнице. Хорошо хоть, из-за этой ссоры я совсем забыл, что собирался идти к учительнице. А то явился бы неизвестно зачем.

Сентября 7-го

Утром, едва проснулся, первая мысль была: уйти бы из этой гостиницы. Но уйти нельзя, пока не нашел какую-нибудь комнату. А где искать? Дома у меня была комната пусть в коммуналке, зато моя. Никакой мороки. А главное, так дешево, что не надо ломать себе голову, где взять деньги, когда ОМО надоест меня содержать.

После курсов я пошел на перекресток, где мы договорились встретиться с этой женщиной. Сейчас, после свидания с ней, у меня совсем другое настроение, но утром после вчерашней ссоры мне вообще не хотелось никого видеть. Я уже почти решил не идти к ней, как вчера не пошел к учительнице. Но теперь я рад, что пошел.

На перекрестке некуда было спрятаться от солнца, а ждать пришлось долго. Мимо сновала толпа, перед светофором застревали стада машин, все было загазовано на этом перекрестке. Я стоял весь мокрый. Я уже думал, что она не придет, или я не понял, где надо ждать, и вдруг увидел, что из одной машины мне машут. Тут же я услышал, что они еще и сигналият.

Я не ожидал, что у нее машина, да еще такая красивая. Хорошо, что пошел на свидание. Было бы глупо, если бы пропустил такой случай. Женщина была довольна, что я успел их заметить, иначе ей пришлось бы делать круг и снова возвращаться за мной на тот перекресток. Она даже мне сказала: спасибо.

И мальчик повторил: спасибо. Но в машине было страшно жарко, еще хуже, чем на улице, крыша раскалена и никакого движения воздуха. Женщина спросила, не хочу ли я в Центральный парк, она знает место, где можно поставить машину, и мы погуляем. Конечно, я согласился. Мы вышли. Над головой высокое голубое небо, теплый ветерок, пахнет прямо под солнцем трава, и все вокруг яркозеленое. А скалы бурые. Но скоро женщина сказала, что им пора возвращаться. Но когда мы подходили к машине, женщина сама присела на скамейку. Зубчатые крыши небоскребов, окаймляющих парк, виднелись вдалеке и напоминали вершины скал. Вдруг женщина вздохнула и сказала, что она очень нерешительна. Я догадывался, она имеет в виду, что из-за характера не может перейти ко мне или что-то в этом роде. Сделал же вид, что не знаю, о чем она. Потом, как я ни отказывался, потому что видел, с какими трудностями сопряжена езда по центральному району Манхэттена, где я жил, они настояли, чтобы я сел в машину, и привезли меня к самой гостинице. Хорошее настроение, что познакомился с этой женщиной. А то все эмигранты говорят, они себе уже кого-то нашли, а я один как зачумленный.

Жаль, что я не люблю ездить в машине, мог бы кататься, сколько хочу. Она предлагала.

Сентября 8-е

После курсов никуда не ходил. Я уже решил, в следующий раз, когда мы встретимся, предложу ей прочитать мои рассказы. Наверное, она удивится, что я пишу. И только я так подумал, она позвонила, ее зовут Нола, я забыл написать. Нола сказала, что завтра должна быть с сыном у врача, это недалеко от меня, и мы могли бы там встретиться.

Не могу заснуть. Ужасная жара и гудят кондишены, выставленные в мой колодец. Звонили Вовы, Рита. Ган опять жаловался, его обворовывают, но я сказал, что должен идти вниз купить себе что-то на ужин, скоро закроют магазины, и он отстал. Опять нужно будет таскать от него машинку в гостиницу, он мне дает напрокат старую канцелярскую. Тяжелую, тяжелее ведра с водой.

Сентября 9-е

Встретил Нолу. Поднес ей цветы, она была довольна, даже поцеловала меня в щеку. Но это почти ничего не значит, у американцев так принято, а она уже вполне американка. Во всяком случае Вовам, которые изо всех сил стараются стать здесь своими, до нее далеко. Одета она совсем просто, белая полотняная блузка подпоясана какой-то лохматящейся веревкой. Но в серьгах и в кольце бриллиантики.

Мы ждали в приемной врача, вдруг Нола так мило сморщила лицо и сказала, она так не любит это "вы, вы", давайте лучше на "ты", это вас не обижает? А то как чужие! Мне понравилось, что она такая непосредственная. Но больше всех был доволен Леня. Я встретил его сияющий взгляд, он покраснел и тут же опустил глаза.

По-моему, он смотрит на меня с обожанием. Позавчера в парке я предложил поиграть с ним в футбол. У него глаза наполнились слезами, так он был благодарен. Он не совсем такой, как другие мальчики, но я еще не знаю причину. А вообще он способный, знает английский, Нола у него несколько раз отби-рала американские журналы, которые ему еще рано читать. Боюсь, что я никогда не буду знать язык. Но Нола меня уверила, что все придет в свое время. У нее язык был не лучше моего, но она целый год занималась в колледже, там были очень

высокие требования, когда я приеду к ней, она мне покажет свои конспекты, у нее их такая пачка, может быть, они мне пригодятся.

Не знаю, что меня больше обрадовало, возможность побывать у Нолы или в будущем овладеть английским. Если я буду у нее, то наверняка узнаю, есть у нее муж или нет.

Сентября ...

Календарь взамен того, что утащила Рита, еще не купил. Не знаю, как спросить. Мы снова встретились с Нолой. Ходили по магазинам, она купила сумочку. После этого повела меня в кафе. Нам нацедили кофе, подали по бутерброду и мы стали говорить о всяких пустяках, например, нравится ли мне это кафе, и как трудно переносить нью-йоркский влажный климат, особенно когда так печет солнце. В кафе было много людей и высокие неудобные сиденья возле стойки. Я чувствовал себя как на насесте, но, конечно, сказал, что нравится. Она согласилась, приятная обстановка и совсем не дорого, всегда можно зайти. Тогда я сказал, что в маленьких магазинах на Пятой авеню, где она купила сумочку, намного дороже, чем в больших, я там был, могу показать. А сумочку еще не поздно вернуть и получить деньги обратно. Она с довольной улыбкой перебила меня. Там, где все, она никогда не покупает, предпочитает, где дороже. А веревочный костюм, у меня вырвалось. Я видел, что доставил ей большое удовольствие. Ну, ты сказал! Это огромные деньги, она объяснила, я сама не знаю, как я решилась. Веревочный костюм! Роберт мне до сих пор не может простить.

Я сразу почувствовал себя одиноко, потому что понял, мы с ней разные люди, раз у нее такие интересы. Мне стало все равно, обидется она или даже уйдет, и я спросил напрямик,

пойдет она ко мне в гости в гостиницу. Она сразу ответила, да. Но не сейчас, потому что она оставила Леню одного дома и волнуется, он может забыть покушать. В следующий раз я оставляю его в приемной врача, и мы пойдем к тебе.

Я спросил, может она приехать завтра. Она ответила, может. Это мне в ней понравилось, что так просто.

Сентября ...

Уже завтра, но пока еще ночь. Пробовал заснуть, не смог. Сажу за столом и пишу. Экономлю хозяину гостиницы электроэнергию, пишу при пожарном свете из противоположного окна. Через несколько часов Нола будет лежать на моей кровати. Я обернулся, чтобы увидеть кровать. Подушка как блин плоская, измятая простыня. На этой подушке я хотел представить себе ее голову с растрепанными волосами, но вспомнилась Рита. Наверное потому, что Рита всегда была едва одета, когда я подымался к ней, такая жара, и все было видно. Бедра круглые и твердые, как камни. Мы учили английский на кровати, больше нигде было, я уже говорил, но я тогда о Рите мало думал. Сейчас я тоже о ней вспомнил просто так.

Дописываю вечером эти несколько слов. Нола была у меня. Потом мы вернулись к врачу за Леной, и они уехали.

Сентября ...

Сегодня Нола плакала. Оказалось, дядя, с которым ее семья выехала в эмиграцию, по дороге в Америку взял у ее матери на хранение какие-то ценности, открыл на эти средства магазин, и с тех пор их знать не знает. И это так подействовало на ее мать, что она умерла. Нола меня попросила убить дядю.

Она объяснила, в Союзе он где-то там работал и всю жизнь крал. Все равно он никакой пользы людям не приносит. Я согласился. Нола наверное понимала, что это я сказал просто так, но успокоилась.

Сентября ...

А сегодня у нее совсем другое настроение. Вдруг выскочила в одном лифе на середину комнаты и начала декламировать. Оказывается, в институте она участвовала в художественной самодеятельности. Я ее звал, но она только упрямо мотала головой и продолжала читать стихи. Тогда я сказал, что из окна напротив ее могут увидеть. "Через занавес?.." испугалась и тут же прибежала.

Сентября...

Я уже немного привык к своему номеру. Конечно, он маленький и темный, но когда на улице становится чуть прохладней, как сегодня, или идет дождь, то ничего, терпимо. Нола привезла мне скатерть и положила на стол. В комнате стало как будто светлее. Но уборщица-негритянка, которая приходит убирать, когда я на курсах, всегда складывает скатерть и вешает на спинку стула, не знаю, почему. Может быть, в Америке не принято покрывать столы скатертью? Или такие строгие правила в этой гостинице. Она называется "Делавары". Никогда не думал, что название этого индейского племени, приключениями которого я зачитывался в детстве, когда-нибудь будет светиться по вечерам над входом в мое жилье.

Нола вела себя непоследовательно. Сначала целовала меня, а потом рассердилась и сказала, что она после меня больна. Голова у нее начинает болеть и вообще. Хоть тут же беги к другому! Я понял, у нее плохое настроение, и ничего не стал доказывать. Принял душ, оделся и, когда вернулся, увидел, она накрылась простыней с головой. Я поставил на стол колбасу, бананы и хлеб. Фруктовый сок у меня тоже был. После этого немного подождал, а потом приподнял простыню. Не открывая глаз, Нола спросила, не обиделся ли я на ее слова. Все равно мне с тобой хорошо. Не думай, что я такая ненасытная. Так что забудь, она сказала по-английски. Так я узнал новое слово. Я съел всю колбасу и хлеб, а она ничего не ела, только попросила налить ей немного сока. И мы вышли.

Сентября, но не знаю какое

Нола приехала с Леней за мной, чтобы показать, где она живет. Сказала, ей иногда бывает трудно вырваться в Манхэттен, тогда я буду приезжать к ней. Хорошо. А то я думал, она совсем разочаровалась во мне после прошлого свидания. Но больше всех был доволен Леня. Да, да, вы к нам сейчас поедете. Не отказывайтесь. Поиграем в футбол!

Меня удивил мой враг дежурный. Когда он увидел, что мы выходим из лифта, он встал с кресла, в котором сидел в вестибюле и от нечего делать читал газету, и чуть пошире раскрыл нам полураскрытую дверь на улицу. Торчал у двери, как будто страшно беспокоился, благополучно ли мы сядем в машину. По дороге я рассказал Ноле, какая у меня была с ним стычка, а сегодня его не узнать, прямо первый друг и приятель. Она ничего не ответила, но видно было, что ей приятно.

Долго ехали, все коттеджи, зеленые лужайки, иногда белые многоэтажные башни. Наконец, она остановилась перед одним коттеджем. Я был рад, что можно выйти из машины и двигаться. Леня тут же бросил мне мяч, и мы начали играть. Но Нола велела Лене пойти переодеться, а когда он ушел, сказала, что вышла замуж за американца, это их дом, но она хотела бы поскорее устроиться на работу и жить самостоятельно. После этого повела меня в дом. Дом красив, три этажа, плоские крыши, веранды, белые окна и двери, все, как на картинке. В Союзе в таком доме поселили бы несколько семей и все были бы довольны. А мебелью так забиты комнаты, что ее тоже хватило бы на всех жильцов. Еще осталось бы продать в комиссионке. Нола меня накормила, после чего повела в кухню и показала, какие продукты я должен покупать. Даже написала на бумажке, как они называются по-английски, чтобы я их мог найти в магазине. На другой стороне бумажки начертила маршрут от станции сабвея к ее дому. Видно, что инженер, все линии как по линейке и надпись печатными буквами. Даже предложила приезжать к ней после курсов, я тебе буду помогать готовить английский, и тебе не нужно будет возиться с кастрюлями.

И всю дорогу в сабвее, а ехать пришлось долго, я думал, что если она уйдет от мужа, мы быстро устроимся. Она знает английский, поможет мне найти работу, будет звонить в разные места, а то я ничего не понимаю, что мне отвечают. Снимем где-то комнату. Напишу Маслову, он не поверит. Не успел приехать в Америку, сразу и интеллигентная женщина, и машина, и английский.

На следующий день

Утром я проснулся, тут же позвонила Нола, и мы долго разговаривали. Из-за этого опоздал на курсы. Но наш учитель

Джон впустил меня. У него привычка сидеть во время урока на учительском столе, болтая ногами, и мы все его любим за ненавязчивое старание научить нас английскому. На уроке мне пришло в голову, я звонил Ноле из номера, а дежурный соединил меня как ни в чем не бывало. Выходило, у Нолы было основание улыбаться от удовольствия, сознавая впечатление, которое она производила веревочным поясом и своей длинной машиной. Привлекательных лиц у нас в гостинице сколько угодно, хотя бы Рита, но мои дружеские отношения с Ритой не произвели на дежурного никакого впечатления.

Нола повела меня по лестнице в ленину комнату показать его учебники. Там она меня начала целовать. Я хотел поднять ее и понести по лестнице вниз, но она очень тяжелая, и ей пришлось идти в спальню самой. Мы легли на прохладную кровать в ее полутемной спальне, такую широкую, что на ней можно было лежать поперек. Когда мы вышли из спальни, Нола вдруг взяла меня за руку, заглянула в глаза и спросила: "Ну что, тебе у меня плохо?..". Я удивился, получилось, она никуда не собирается отсюда уходить. Дала мне с собой коробку хлопьев, зальешь кипятком, и готов завтрак.

Сентября...

Нола довольным тоном сказала, муж ее увозит в горы. Несколько дней будут какие-то праздники, и он свободен. Она, мол, ничего не может поделать. Вчера приехала в гостиницу попрощаться. Машину она оставила у входа, и я должен был каждые полчаса одеваться и бегать на улицу, чтобы бросить монетку в счетчик. Один раз я опоздал, и на ветровом стекле уже белела квитанция штрафа. Это огорчило Нолу. Тогда я предложил платить половину, раз удовольствие получили оба. Нола кисло улыбнулась, не расписывайся за других!

Но, конечно, глупости, что ты будешь платить. Заплатит Роберт.

Когда мы выходили из гостиницы, встретились с Вовами. Они сразу заулыбались, и я понял, что должен познакомить их с Нолой, иначе будет невежливо, ведь они познакомили меня со своими тетками. Я видел, что Нола довольна новым знакомством, и мы надолго застряли в вестибюле. Под конец Нола им дала свой телефон. Когда мы попрощались с Вовами, я спросил, зачем. Но Нола рассмеялась. Не ревнуй, он мне совсем не нравится. А у тебя такое открытое лицо. И погладила меня. Она купила теннисные туфли себе и Лене, и рубашку для мужа. И предложила где-нибудь выпить кофе и отдохнуть, потому что она чувствовала себя утомленной, а ехать домой уже поздно, наступил час пик, и все дороги забиты. Действительно, только чтобы перегнать машину на стоянку возле кафе, а это совсем рядом, ушло, наверное, полчаса, так было тесно на дороге. Зато в кафе было свободно, и по виду посетителей заметно, что день уже позади и можно не спешить. Я подумал, было бы неплохо, если бы мы с Нолой пришли сюда после работы, скажем, я заехал за ней в ее офис, и вот мы решили переждать здесь, пока не разгрузятся дороги, а потом ехать к себе. Вдруг Нола спросила, почему я молчу. Мне не хотелось признаваться, вышло бы, я напрашиваюсь на ней жениться, и я ответил, что просто так. Она приклонила голову к моему плечу, и мы сидели, не двигаясь. Мне было неудобно, но я знал, что если шевельнусь, она подумает, я хочу, чтоб она забрала голову. Болела шея, но я терпел. Хорошо, что скоро эта поза ей самой надоела, и она уехала.

Сентября 23-е

Пришел ответ от критика. Я сидел весь вечер со словарем, пока не перевел. Сначала критик написал, чтоб я извинил его

за опоздание с ответом. А опоздал он всего на какие-нибудь дня четыре, не больше. Мы в издательстве на четыре месяца опаздывали и не извинялись. Потом, что по его мнению рассказы могут быть напечатаны в Америке, кроме одного, который мне больше других нравился. Он считает, что этот рассказ хуже по форме и по стилю. В конце критик спрашивал, разрешу ли я ему дать один совет, именно, перевести хотя бы небольшую часть материала на английский. После этого я смогу предлагать рукопись издательствам с большей надеждой на успех.

Вместе с письмом от критика дежурный дал мне также известие, что звонил Ган, но это неважно. Я вспомнил, сатирик, с которым я поспорил в ОМО, говорил, что переводчикам нужно много платить.

Сентября 25-е

Вчера ничего не писал, не было ни минутки. Ган мне накануне позвонил, он вычитал в газете, в каком-то издательстве можно получить работу, печатать что-то по-русски на машинке.

Оказалось, надо пока заполнить анкеты. Заполнил. Один лист зеленый, другой желтый. И белый. Было совестно пачкать такие красивые листы своими английскими каракулями. На все вопросы ответил, кроме цвета глаз, не знал, какой у меня. Там же случайно узнал фамилию переводчицы и в каком издательстве она работает. Оказывается, она недавно даже перевела роман одного эмигранта о преступном мире в Союзе, написанный языком современной улицы, и он уже имеет успех.

Я поспешил в гостиницу за рассказами, а оттуда к ней. Она была неряшливо одета, лицо конопатое. Тут же согласилась прочитать. А мне уже не хотелось оставлять ей рассказы из-за

этой книги о преступном мире, какого-то чтива. Поэтому я сказал, что мнение критика о рассказах не очень высокое. Какого критика, она насторожилась, и попросила показать его письмо. Но я не взял с собой письма. Это не обескуражило переводчицу. Тогда я сказал, что ее может неприятно удивить моя манера письма. Тут она впервые улыбнулась: меня ничем нельзя удивить. Потянула из моих рук папку и нажала вызов лифта. Все произошло так быстро, что только внизу я понял, у меня отобрали мои рассказы.

Вот и все. Завтра зайду и заберу. Чтобы настоять на своем.

Сентября 27-е

Она удивилась, когда увидела меня опять в приемной, и сразу предупредила, что еще не читала, не было времени. Я признался, что пришел забрать рассказы, в них ничего такого нет, ей будет неинтересно. Она нарочито вздохнула и спросила, позволю ли ей хотя бы составить свое собственное мнение? Подождите меня минуточку. Ушла к себе и принесла мне адрес и телефон литературного агента и посоветовала поговорить с ним. Таскать свои рукописи из одного издательства в другое в Америке безнадежное дело. И тут же на копировальной машине сняла копии рассказов и дала мне. После этого я переменял мнение о переводчице.

Я позвонил агенту, и она сказала, что я могу сейчас придти. Меня встретил секретарь и попросил подождать. Скоро агентша пригласила меня в кабинет. Усадила в кресло и попросила рассказать о себе. Точно, как в издательстве, где пришлось попусту заполнять анкеты, я был уверен, что и здесь это ни к чему. Но обстановка у агентши была приятная, небольшая комната, все стены заставлены полками с книгами, цветы, за окном стрельчатые зеленые крыши старых домов и отра-

жающие солнце небоскребы. Агентша подтянутая и подвижная, письменный стол завален бумагами, видно, очень деловая. Ведь все на ней. Только телефон оплатить сколько надо денег. А у нее на столе два. У секретаря, надо думать, не меньше. И надо еще платить каждую неделю секретарю.

Стало жаль агентшу. У нее здесь было очень приятно, скорее, похоже на квартиру, чем на кабинет. Я бы только глядел в окна на крыши, такая панорама, а у нее стол стоял так, что она не могла видеть окна, ей не до крыш. Стало совестно занимать ее время. Поэтому я ответил только, где работал и учился, все равно на большее моего английского бы не хватило. Все же она спросила, какие мои произведения, толстые или тонкие. И печатали ли меня в Союзе. Меня не печатали. У меня даже было такое чувство, будто я ее обманываю, когда я почему-то поспешил сказать, что мои рассказы понравились известному московскому писателю, так неубедительно звучали мои слова в этой комнате.

После этого я почувствовал, что не могу больше ее задерживать, хотя агентша была приветлива и вовсе меня не гнала. Но оказалось, что я поднялся вовремя, в передней ее уже ждал другой посетитель, они обрадованно встретились и поцеловались. Агентша меня проводила к выходу и сказала, чтоб я позвонил, она мне скажет, возьмет ли на себя устройство моих рассказов.

Я вернулся в гостиницу, сварил суп из концентрата, кастрюлю мне дала черная уборщица. Только лег отдохнуть, Вовы попросили подняться к ним. Намекнули, раз Нола уехала, значит, у меня все равно вечер свободный. Меня царапнуло, что и им она рассказала о наших отношениях. Даже показалось, Вовы на меня смотрят с улыбкой. А позвали меня, чтобы спросить, ответил ли критик. Больше они о критике не спрашивали, а я не рассказывал, чтобы не создалось впечатление, что я хвастаюсь. При случае покажу им письмо. После этого я по-

чувствовал, что надо уйти. Чувствуется, когда хозяева хотят, чтобы гость ушел.

Я ушел.

Через день

Опять Вовы меня позвали. Я после последнего случая решил не идти, потому что понял, они позвали, чтобы спросить, что им надо. Могли бы по телефону. Но теперь Вовы сказали, что ждут от меня помощи в их научной работе. Я, конечно, поднялся.

Даже не ожидал, что Вовы сперва посадят меня за стол. Угощали колбасой и кофе. Твердая колбаса в Елисейском по сравнению с этой — ливерная, сдержанно восхищался Вова. Еще нужно достать, строго поправила Люся. Ну, это я мог, похвастался Вова. Действительно, у Вовы даже лоб покраснел, так он жал на эту колбасу ножом. Нож большой, тяжелый, видно, специально для таких продуктов. А под колбасой дощечка, заметно истонченная, уж наверняка не один год Вова над ней трудился.

Оказалось, Вовы меня позвали, чтоб я записал им все анекдоты, какие знаю. Авторское право сохраняется, пообещал Вова. Я не мог вспомнить ничего, кроме единственного анекдота, хотя слышал их немало, и наверное, некоторые были остроумные. Но я их быстро забываю. Анекдот, который я вспомнил, был из двух слов: "Вы уже?" Сначала Вовы были разочарованы, но потом Люся неуверенно сказала, что здесь что-то есть. Вова решил: беру! И даже сказал, в какую главу книги они его поставят.

Хотя выражались Вовы солидно, я уже стал понимать, что у них за научный труд. Конечно, я не стал их разочаровывать. И потом я могу и ошибиться. Во всяком случае трудятся они

изо всех сил, это видно. Повсюду валяются раскрытые книги, на кровати разложены листы рукописи, и они уже купили машинку, шрифт мне нравится. Правда, страшно дорого. При мне им все время звонили друзья, даже из другого города один раз. Американцы тоже. С ними разговаривала Люся, английский ее далек от совершенства, но она понимала. Один раз даже мне пришлось взять трубку, Вовы переносили пачки листов с кровати на стол. Голос в трубке показался мне знакомым, но я не мог вспомнить, откуда. А когда разговор продолжила Люся, я по содержанию догадался, что это редактор "Новой Речи". Видно, он их приглашал в редакцию, они дружно отвечали, что завтра будут, время им очень подходит, мы очень, очень благодарны, и потом пошло прощание, Люся почему-то по-английски, а Вова по-русски.

Мне было не совсем удобно присутствовать при этом разговоре, потому что я однажды рассказал Вовам, как я был у редактора, об обстановке в редакции, что он мне говорил и что я ему. Помню, я доставил Вовам удовольствие, они даже обрадованно переглядывались друг с другом. Я неслышно закрыл за собой дверь и спустился по лестнице в мой номер. Кроме меня, этой лестницей никто не пользуется. Иногда по утрам я встречал здесь негра уборщика. Выходило, он водит по ступеням щеткой и натирает медные ребра специально для меня. Когда очень жарко, я, возвращаясь с улицы, на первой же ступеньке сбрасываю с себя рубашку и, оставаясь полуголым, чувствую себя здесь, как дома. Вот только мимо чужих номеров проскочить, один из них уборщицы, моей соседки, а мой в самом конце коридора, в тупичке. Но обычно они открываются очень редко, может быть, в некоторых даже никто не живет. Сейчас я прошел к себе, даже забыл, что, выйдя от Вов, сбросил рубашку, настолько было глухо в моем коридорчике, только иногда доносилось гудение лифта, и кто-то ужасным голосом кричал в телефильме, но плохо было слышно,

наверное, не на моем этаже. На всех каналах эти примитивные фильмы с убийствами, я потому почти не включаю телевизор.

Лежал и вспоминал комнату агентши. Агентшу мне было жаль. Особенно потому, что она сидела как на иголках и даже вида не показывала, еще улыбалась такому никчемному клиенту, как я, на рассказах которого не заработаешь ни копейки. А скоро платить за телефон и этому вьюну секретарю, который почти каждую неделю просит прибавки. Такие мысли. Агентша о них, конечно, не догадывается. Наверное, спит себе сейчас и курей бачит, как у нас говорят, потому что уже очень поздно. Я бы хотел иметь такую комнату, как у агентши, солнечную, с книгами, и чтобы крыши домов были далеко внизу. А в комнату чтоб приходила Нола. Сегодня на перемене Рита кричала на весь коридор:

— Алик, что это значит! Ты уже мне изменил? Завел себе какую-то кралю и забыл старых друзей. Кто она такая? И такой с виду скромный мужчина.

Мне было неловко. Мы с Ритой присели в холле, где все собираются на перемене. Она курила и тянула из баночки какое-то питье, я ей купил в автомате. Настроение у нее неважное. Она опять без работы. Наверное, подвел диплом института красоты. А ОМО каждый раз, как говорит Рита, "откалывает коники", и надо со скандалом вырывать у них деньги на жизнь. В последний раз Рита им заявила, что если не дадут денег, то она выйдет на Бродвей, это как раз близко от ее гостиницы. Вы смеетесь, Алик? А что такое? Я приехала голодать в Америку? В это время к ней подошел какой-то парень в приталенной кожаной курточке и синих очках, и они о чем-то стали говорить в сторонке.

Интересно бы узнать у Риты, сколько стоит сделать прическу. Ведь агентше и на это приходится тратиться ради престижа фирмы. Меня трогает стойкость этой моложавой старушки.

Опять экономлю хозяину гостиницы электроэнергию, пишу при чужом свете. Интересно, чем закончится дело с этими грабителями в незаправленных рубашках, нашли уже их? Я спросил диккенсовского уродца, а он мне в ответ: "Кэй?.."

Конец сентября или начало октября

Нашел выход из положения. В газетном киоске всегда можно увидеть, за какое число сегодня газеты. Вчера были за 30-е сентября. Но, может быть, в сентябре тридцать один день? Но вообще это верный способ, если не знаешь, где купить календарь.

Ничего нового. Ночью опять звонил этот чудаковатый Ган. Когда он говорил, ни с того ни с сего вспомнил, как в моем городе ходили по дворам красные от водки стрые евреи с мешками за плечами и кричали, раздувая шею: "Стери вешш!.. Стари вешши покупаем!.. Бу-тылки покупаем!" Однажды я скупщика позвал. Гремя по железной лестнице подкованными сапогами, он поднялся наверх. Шумно дышал. Кто сейчас носит зимнее пальто, возмущался. У вас есть нейлоновая куртка? Японская? Так что вы меня зовете. Вы не видите, я больной человек! Засуньте это пальто мне сюда в мешок и больше так никогда не делайте. Натте вам рубль. Совесть надо иметь.

Но что Ган говорил, я тоже услышал. Возле Центрального парка в гостинице живет миллионер, Ген уверен, что русский язык он еще не забыл, вы могли бы ему позвонить. Зачем, я спросил. Как зачем, возмутился Ген, попросите его прочитать ваши рассказы, если ему понравится, он даст деньги, чтобы их напечатали. Я отказался. Почему вы не хотите, спросил Ган. Я хотел ответить, не интересно, чтобы тебя печатали кто ничего не понимает, но не хотел обидеть Гана и ответил, что не привык говорить с такими людьми. Послушав его, стал

меня уговаривать Ган, он обыкновенный человек, по-моему, когда приехал сюда, был даже неграмотный, просто у него хорошо пошло дело. А чем он занимался? Вам бы это не подошло, ответил Ган. Он снял маленькую комнату на людной улице, покупал старые вещи, кое-как приводил их в порядок, а потом продавал тут же со своего крыльца. Теперь у него, наверное, тысяча магазинов по всей Америке, возле вашей гостиницы тоже есть, но пока он, конечно, вам не по карману. Я рассмеялся, это мой старьевщик! Ган решил, он меня убедил, но предупредил, миллионер большую часть года проводит в путешествиях, сейчас он, кажется, в Европе, но газеты писали, вот-вот должен вернуться. Во всяком случае в его номере в гостинице всегда кто-то есть, и вам объяснят. Но вы, конечно, думаете, у него такой номер, как у вас. Чтобы доставить Гану удовольствие, я наивно спросил, а какой? Какой! Я почувствовал, что попал в самую точку, так Ган возмутился. Целый этаж с двумя балконами с видом на парк, и он его оплачивает круглый год, независимо от того, он в Америке или за много миль отсюда! Тогда я сказал, что такому человеку я обязательно позвоню. Ган продиктовал его телефон. Интересно будет поговорить с этим старым жуликом:

Октября 1-е

Вечером приезжает Нола. Сажу у телефона и жду звонка.

Джон, наш учитель на курсах, сегодня дал такое задание: допустим, вы выиграли по нью-йоркской лотерее полмиллиона, самый большой приз, на что вы его израсходуете, расскажите нам по-английски. Почти все сказали, что купили бы дом или квартиру. Так страшит эмигрантов квартирная плата. Даже не могу представить, что делать, если не найдется работа. И ни у кого нельзя узнать, куда идти и у кого спросить. А ОМО гово-

рит, тот, кто хочет, находит. Если быть самокритичным, то это правда. Предлагал же редактор "Новой Речи" пойти учеником на фабрику его приятеля. Все дело в эмигрантской психологии, раз тебя кормят и оплачивают гостиницу, то зачем спешить на работу? Тем более, что речь может идти о мытье посуды в подсобке ресторана или упаковке продукции на чулочно-носочной фабрике. А на что я могу претендовать? Как может Америка дать работу по специальности человеку, который вместо "мы" может сказать "их" и даже не знает, как по-английски письменный стол. А на литературу надежды мало. Даже если напечатают, говорят, на эти деньги нельзя прожить. Конечно, если у тебя есть имя, тогда другое дело. А имя, как я вижу, можно себе сделать на чем угодно. Можно повиснуть в пролете Бруклинского моста на стометровой высоте, а когда примчится полиция тебя спасать, упрямо отказываться влезть обратно. Вчера по телевизору показывали. А можно ни с того, ни с сего убить кого-нибудь, и тогда твоя физиономия появится на первой полосе газет. У меня наметились кандидаты: сатирик и мой враг дежурный по гостинице.

Когда я записывал эту галиматью, вдруг зазвонил телефон. Но это был Леня. Мы недавно приехали, и мама просила позвонить вам, чтоб вы знали, что мы дома. В этих горах такая скука, продолжал Леня, я очень жалел, что поехал, мама с Робертом все время ссорились, лучше бы я остался с вами. Из-за чего, спросил я. Леня признался, что не знает. Наверное, из-за него. И потом Роберт нас никуда не отпустил, даже на теннисный корт не позволял идти. А сам целый день сидел в кресле и говорил о своем бизнесе. А чем он занимается? А я даже не интересовался, сказал Леня. По-моему, всякие цепочки, браслеты, их на улице разносчики продают. Кораллы из ракушек. Очень нужно, правда? А послушать его, так это самая важная вещь в мире.

Не понимаю, почему Нола мне не позвонила. Мне даже пришло в голову, вдруг она каким-то образом узнала, какие расчеты я с ней связываю, что с ее английским мне легче будет утroitся.

Конечно, это смешно, не может быть.

Октября 3-е

Воскресенье. Ясный солнечный день, это видно даже из моего колодца, если как следует высунуться в окно и задрать голову. И кажется не так жарко. Я ждал все утро, но никто мне не звонил. Я уже закрывал за собой дверь, когда раздался звонок. Нола сказала, из-за Роберта она не могла позвонить раньше, сегодня он тоже дома, поехал заправлять машину. Они сейчас отправляются в Мюзик-холл. Это недалеко от меня, если я хочу, я смогу ее увидеть издали, когда они будут брать билеты в кассе. Я спросил, что это мне даст? Наверное, она обиделась, потому что после этого положила трубку.

Пошел в парк и занимался английским. Потом вернулся в гостиницу и сидел в своем кресле в закутке, где меня никто не видит. Входили и уходили люди, добродушный ночной дежурный выдавал почту и ключи, куда-то умчалась Рита в длинном черном платье и помахала ему на прощанье рукой. Он сделал вид, что собирается выскочить из-за стойки вслед за ней. Меня она не заметила. Я скоро поднялся к себе и включил телевизор.

Октября 4-е

Очень рано раздался звонок. Я понял, что это Нола, но не хотелось разговаривать. Все равно она не думает уходить от

мужа. А остаться одному, все выглядит безнадежно. Но не просить же утешения. Звонок звонил долго и вдруг перестал. Я еще немного поспал и пошел на курсы. На последней перемене увидел в нашем холле с автоматами Нолу. Мы встретились, как будто ничего не произошло, но, собираясь уходить, Нола сказала, что если я еще раз позволю себе с ней так обращаться, то мы больше никогда не увидимся.

Все видели, как она села в свою длинную машину и уехала. Я чувствовал, что мне завидуют. Было приятно.

Следующий день

Приехал к Ноле после курсов. Она сразу повела меня в спальню. А еще вчера мне казалось, я уже никогда здесь не буду. Опять она встала с кровати нахмуренная, видно, осталась недовольная, но сказала, чтоб я не обращал внимания, ей все равно со мной хорошо.

Когда я уезжал, Нола вдруг сказала, чтоб я не огорчился из-за своих литературных неудач. И вообще это для меня не выход из положения. Всю дорогу в сабвее я ломал голову, откуда она взяла, что неудача, я ей ничего такого не рассказывал, она не интересовалась.

Вдруг я вспомнил, Вовам я так и не показал письмо критика, они решили, я скрываю, потому что плохое. И поспешили сказать Ноле. Может быть, чтобы подняться в ее глазах, их, мол, единственных признали в Америке.

Хорошо, они не знают, сатирика тоже признали, у них бы испортилось настроение.

Позвонил переводчице.

Она ответила скучным голосом, да, я могу придти за рассказами. Я сразу понял, ей не понравилось. Но она мне объяснила, что рассказы не то что плохие, но нет уверенности, что их будут покупать. Попробуйте еще где-нибудь. Еще вежливо постояла минутку в приемной, может быть, я что-то захочу спросить, и ушла. Больше ничего такого сегодня не было.

Следующий день

Только вернулся от Нолы, Вовы мне позвонили, чтоб не забыл завтра купить эмигрантскую газету, там будет о них. И рассказал всем знакомым на курсах, им тоже будет интересно. Незнакомым тоже можете говорить, перебила Вову Люся, а Ноле я сама позвоню. Если не возражаете, мы бы позвонили мистеру Гану, у него обширные связи, но у нас нет его домашнего телефона. Я дал телефон, мне не жаль. Дал даже телефон владелицы персонального пляжа. Я подумал, они откажутся, но Вовы сказали, что обязательно позвонят. Под конец я вспомнил и дал им еще телефон этого миллионера, который разбогател на продаже старых вещей со своего крыльца, вдруг он уже вернулся из Европы.

Сегодня в спальне я пошутил, а что, если сейчас придет твой муж. Нола нахмурилась и сказала, никогда в жизни. Этот человек ни за что не оставит своей фабрики даже на минутку, пусть не знаю, что со мной случится. Видно, ее это задевает, что она на втором плане.

Она поделилась со мной секретом: из тех денег, что Роберт дает ей на хозяйство, она сумела сэкономить и положить в банк на свое имя несколько тысяч. Как по-твоему, имела я

право это сделать? Я считаю, что честно заработала эти деньги. Если бы его женой была американка, у них уходило бы намного больше на одни рестораны. Американка не будет часами стоять у плиты.

А в гостинице у нас новость. Над стойкой дежурного поставили ограждение из толстого, наверное, пуленепробиваемого стекла. За стеклом, как на витрине, красуется мой враг дежурный. Интересно, когда я один прохожу по вестибюлю, он меня не замечает, а когда с Нолой, всегда улыбается.

Следующий день

Купил "Новую Речь", но там о Вовах ничего не было. На первой странице — как быстро растет преступность. А на последней объявление о предстоящем концерте и что в концерте согласился принять участие знакомый мне сатирик, его имя было напечатано большими буквами. Уверен, он сам написал это объявление, чтобы набить себе цену. Никогда еще не встречал в газетах такого жульничества. Отдал ее эмигрантам на курсах.

После занятий в гостиницу приехала Нола, сказала, соскучилась. Пошли в кафе. Я не хотел, но она пожаловалась, что устала. Положила руку на стойку и попросила меня положить сверху свою. Так мы и пили кофе, не отнимая рук. Со стороны, может быть, казалось смешно, но я видел, Ноле нравится.

После кафе ходили по магазинам, Нола купила себе зонтик, и я ее проводил к сабвею. Завтра она тоже обещала приехать.

А поздно вечером позвонил Ган. Просил придти к нему в субботу. На полке опять не хватает двух машинок, он совершенно разбит. Я обещал придти. Все равно надо отнести ему

машинку. Видно, мое согласие приободрило его, и Ган другим тоном спросил, читал ли я статью о двух молодых ученых, бежавших из Союза. Я не сразу догадался, что он имеет в виду Вов, потому что они совсем не бежали, а уехали на законных основаниях, получили визу в Израиль, как и я. Даже сами рассказывали, что на аэродроме их провожала куча друзей. Наверное, я пропустил эту статью в газете.

Через два дня

Сегодня, когда я вернулся с курсов и ждал Нолу, вдруг позвонил Вова. Не помню я, где была демократия, а где аристократия, в Спарте или в Афинах? Мне стало смешно, и я спросил, кто из нас молодой ученый, бежавший из Союза, я или он, что он мне задает такой вопрос. Старичок, он ответил, мы как-нибудь потом выясним, кто ученый, сейчас просто нет времени, по-видимому, в ближайшем будущем мы выступим с лекцией перед профессорами одного колледжа, мы тебя, конечно, возьмем с собой, а пока выкладывай, что знаешь, нет времени рыться в энциклопедии, мы в диком цейтноте, вообще Люся это отлично знает, но мы решили проверить. Я историю еще из школы помнил и сказал. А что было раньше, аристократия или демократия, еще спросил Вова. Конечно, демократия, я ответил, ведь сначала был общинный строй. А вожди, старейшины, он опять возразил. А они тогда не пользовались привилегиями, я объяснил. А, ну тогда все верно, он тут же согласился, привет!

Когда пришла Нола, я ей рассказал, но она сразу взяла Вов под защиту, очень приятная пара, они будут хорошо смотреться из аудитории. Очень кому-то нужны твои Афины!

Я не стал спорить.

Купил американскую газету и отметил несколько объявлений спроса руда. Но по телефону я ничего не понял, пока успею вспомнить, что значит какое-нибудь слово, мне уже успевают сказать десять других. Тогда я попросил дать мне адрес, думал в месте пойму, что они говорят. Но успел я только в одно место. Это работа посыльного, отнести куда-то пакет или что-то в этом роде. Раздатчик или хозяин, не знаю, кто это был, назвал улицу и спросил, где она. Я догадался, он хочет проверить, знаю ли я город, чтоб работать посыльным. Я не мог ответить. Он вернул мне мое разрешение на работу. Тогда я спросил, может быть, он знает, где есть работа. Он ответил, и лишь у него стало насмешливым, следующая дверь. В замусоренной комнате, где мы находились, больше дверей не было. Но он показал на улицу, мол, рядом. А рядом площадка разливанная, стоянка автомобилей. Следующая дверь это шутка, надо запомнить.

Больше никуда не ходил, уже поздно.

Октября 9-е

Сегодня мой день получать деньги в ОМО. Мой ведущий сказал, что даст мне еще один чек, как раз до окончания курсов, и все. Потом устраивайтесь сами, здесь свободная страна, и каждый может жить, как хочет. Всегда, когда я у него бывал, он говорил эти слова, наверное, у него такая инструкция. Но дискутировать с ним трудно, потому что он никогда не слушает, перебивает и продолжает говорить свое. Кроме того, у него в кабинете очень жарко. Но сегодня он был значительно миролюбивей, может быть, и его разобрала жара или ему надоело повторять эмигрантам одно и то же.

Он спросил, почему, если мне здесь так не нравится, я уехал из Союза. Я удивился, мне не не нравится, тем более никогда ему об этом не говорил. Я слышал, эмигранты предупреждали друг друга, надо говорить, что нравится, тогда ОМО лучше относится. Но он хитро улыбнулся, по вашему, мол, виду. Я не стал ничего доказывать, а захотел вспомнить, почему уехал. Может быть, ему надоело ждать, пока я вспомню, и он сказал, раз я еврей, значит, я уехал из-за антисемитизма. Но я ответил, если говорить правду, то из-за своего директора. Должен был уволиться по собственному желанию, а найти другую интересную работу, как в издательстве, я не мог. Думал, здесь найду. Почему же вы один должны были уволиться, если не из-за антисемитизма, спросил мой ведущий. Но я уволился не один, такое же заявление написал и мой друг Маслов, а он не еврей, а во-вторых, сам был виноват, нелестно отзывался о директоре, а в издательстве нашлись люди, которые ему все доносили. Ну, и бывало, на собрании покритикуешь его. Теперь уже улыбнулся мой ведущий, наверное, представил себе, как он критикует начальника ОМО, перед которым не стеснялся заискивать даже в присутствии эмигрантов, я сам видел. Но лицо его опять стало строгим, когда он сказал с осуждением, вот вы уверяете, что у вас там нет антисемитизма, а читали ли вы недавно статью о молодых ученых оттуда, им не дали возможности опубликовать свою научную работу, выходит, они говорят неправду? Я понял, он имеет в виду Вов, а они мне сами говорили, что пристроили свою диссертацию в одном областном издательстве, у них там друг. Но я не хотел их выдавать и сказал, не знаю. Он недоверчиво посмотрел на меня и ответил, я могу говорить правду, здесь меня за это не отправят в психушку. Я не знал, что сказать, тогда он снова спросил, почему человек с таким образованием, как у меня, не мог возглавить издательство, где я работал, а директор, без всякого образования почти, мог. Я сказал, я лично в

начальство не лез. Наверное, он принял это на свой счет, потому что покраснел и сказал недовольным тоном, что я почему-то не хочу признавать того, что всем известно. Я ответил, может, я ошибаюсь, но есть люди хорошие, а есть плохие, и все дело в этом. Если бы, например, директором издательства был мой товарищ Маслов, о котором я вам уже говорил, я бы и сегодня работал на своем месте и ни в какую Америку не ехал. У меня был такой кабинет, как у вас, оглядел я маленькую комнату моего ведущего, но летом, в такую жару, как сегодня, я в галстук и пиджаке, как вы, не сидел, приходил на работу в одной безрукавке. Вот видите, он сухо заметил, здесь у нас совсем по-другому. Но даже после этого не отпустил меня, а сказал, хорошо, допустим на минутку, что вы правы, и в России все хорошо, тогда почему на пост директора поставили такого человека, как ваш директор, а не этого Маслова? Я, не задумываясь, ответил, что так везде, всюду начальниками ставят людей, которых никак не назовешь хорошими. По-видимому, он опять принял это на свой счет и приготовился спорить. Но я чувствовал, что больше не выдержу жары в его кабинете и, чтоб только он поскорее отпустил меня, объяснил: я смотрю на эту проблему, если можно так выразиться, снизу вверх, с точки зрения подчиненного, а если оказаться в положении начальника, то приходится признать, ему тоже трудно, на всех не угодишь, всегда кто-то останется недовольным. Это объяснение, по-видимому, удовлетворило ведущего, и он поднялся со стула. Я, как из парной, выскочил в коридор. Больше не буду входить с ним в длинные разговоры, а то кончиться можно. Уже октябрь, а такая жара. И еще огромная сигара у него дымится в пепельнице. Но эмигранты говорят, он никакой не американец, а совсем недавно из Союза. Просто его взяли на работу в ОМО с испытательным сроком, поэтому он старается. И правда, таких лиц в Союзе среди начальства сколько угодно. Холеное,

золотые очки. Не видно, чтоб в Союзе он так уж страдал, тем более сидел в психушке.

И я вспомнил, он все время приписывал мне грехи. Что я против Америки. Зачем, не знаю. Неужели правду эмигранты говорят — чтоб выслужиться.

Я пошел домой той же торговой улицей, где много лавок и цветных. Даже зашел в тот фруктовый магазин, где поругался с продавцом. Но его там уже не было, и мне продал бананы совсем другой продавец. Бананы попались хорошие, сладкие, не мягкие, как каша, какими они становятся, когда переспеют. Зашел еще в игральный зал, где можно пострелять по движущимся целям, и возвратился к себе. Ничем не хотелось заниматься, и я решил подняться к Рите. Но когда я позвонил ей, дежурный что-то сказал и положил трубку. Помоему, что Рита ушла. Но я был уверен, что, произнося эти слова, он улыбался, чувствовалось по голосу. Дежурный был ночной, с ним у меня отношения хорошие.

Через день

После курсов отнес Гану машинку и договорился насчет работы. Послезавтра я должен рано утром стоять на другой стороне улицы и наблюдать, не выносит ли рабочий из его магазина машинку. Ган повел меня через дорогу в бар и сказал хозяину, что я приду на следующий день и сяду у окна, он не должен меня выгонять. Хозяин бара поглядывал на Гана откровенно насмешливо. Наверное, он считает Гана выжившим из ума стариком. Но мне все равно, даже любопытно. Конечно, я не собираюсь доносить, даже если бы на моих глазах завтра вынесли весь его склад.

Ган показал, где в баре телефон и предупредил, если я замечу что-нибудь подозрительное, тут же должен звонить ему

домой, он немедленно приедет. Он меня несколько раз переспросил, вижу ли я его магазин, огромная вывеска которого висела как раз напротив бара. После этого стал с подозрением присматриваться ко мне и поинтересовался, почему я щурю глаза. Я ответил, у меня незначительная близорукость. Как, закричал Ган, вы совершенно слепой, и вы до сих пор молчали! Вы меня зарезали. Уже конец дня, и вы не успеете купить очки. Я ответил, они мне не нужны. Но он меня не слушал. Потасил к себе и тут же стал звонить в разные оптики. Наконец, дал адрес и велел брать самые сильные очки и за любую цену.

Теперь очки лежат передо мной, и я могу описать, какие они красивые. Оправа светлокоричневая, а стекла чуть не с блюдце величиной. В этих очках я похож на американца, только надо подлиннее отпустить волосы. Носить очки я, конечно, не буду, болят глаза, такие сильные стекла.

Когда вернулся в гостиницу, встретил Риту в вестибюле. С ней был тот паренек в кожаной курточке, с которым она шепталась во время перемены на курсах. Они куда-то спешили.

— Алик, привет! — махнула мне рукой.

Голос хриплый. Воображаю, сколько сигарет она сегодня выкурила. Я уже перестал считать пачки на дне колодца, привык, и эта ее манера бросать окурки в окно меня теперь не возмущает. Даже шкурки от бананов, которые я ей приносил. Она сказала, что у нее есть для меня работа и обратилась к парню, чтоб он дал телефон мне. Но он не дал, стал что-то объяснять, я даже не слушал, знал, что врет. После того неудачного знакомства в ОМО, когда мне дали первый пришедший в голову номер, я этим вертким кожаным парням не доверяю. Рита была в длинном платье и выше его на целую голову. Он совсем маленький, и вцепился в нее, как клещ, даже со стороны видно было, как он крепко держал ее за руку, когда они выходили на улицу. Ноги у него кривые. А каблуки высокие.

Рано утром пошел к Гану еще пустыми нью-йоркскими улицами, залитыми нежарким солнцем. Приятно, мало машин и людей, и можно идти на красный свет. Переполненные урны для мусора и масса всяких бумаг по обочинам. Такое впечатление, будто город еще не успел привести себя в порядок после вчерашней гулянки.

Мне показалось, что хозяин бара меня не узнал, но я уселся за столик и стал смотреть в окно на другую сторону улицы. Перед дверями и витриной магазина Гана красовалась решетка. Внизу, у самой земли, она была закрыта на замок. Другой такой же увесистый замок висел на двери.

Хозяин бара тронул меня за плечо и что-то спросил. Я ткнул пальцем в вывеску напротив и назвал фамилию, Ган. Хозяин стал сердиться, мне пришлось попросить принести чего-нибудь выпить, иначе бы он выпроводил меня. Я выпил, совсем не дорого. В приятном оцепенении провел за столиком не знаю, сколько времени, дождался знаменитого рабочего Гана, он открыл решетку, вошел в магазин и больше не показывался. Никаких машинок он, конечно, не выносил, и я из бара поехал прямо к Ноле.

По ее мнению, я должен содрать с Гана побольше, раз ему так уж захотелось использовать меня в роли частного детектива. Но я думаю, Ган мне и так заплатит. Разговор так как-то повернулся, что Нола пожаловалась, между ней и ее мужем стена, может быть, она в чем-то виновата. Получилось, она хотела бы, чтобы отношения стали лучше. Я спросил, помнит ли она, как тогда в парке намекала, что хотела бы уйти от него. Она вдруг смутилась, да? Я не помню. Может быть. Конечно, я бы ушла, сказала уверенней, если бы со мной не было того, что было, я бы не задумывалась.

В сабвее я пытался себе представить, что с ней такого могло быть. Выходило, что ничего особенного. Была обыкновенная советская инженерша, получала свои сто двадцать в

месяц, как и я, и далеко не умирала с голоду, раз она с мамой взяли с собой в Америку какие-то ценности. Скорее всего, она так сказала, что с тех пор, как разошлась с мужем, ее никто не брал замуж. Решила, в Америке возьмут. А теперь боится потерять фабриканта. Может себе купить, например, эту блузку с веревочным поясом. И посидеть в кафе. В Союзе не могла. Была там нормальная женщина, а здесь ей как "вожжа попала под хвост", как сказал бы мой друг Маслов. Хорошо, я не написал ему, что в Америке нашел себе кого-то. Получилось бы, обманул.

Вечером позвонил Ган. Я ответил, ничего такого не случилось, поэтому я не звонил ему из бара. Мне кажется, он был разочарован. Его больше бы устроило, если бы рабочий на моих глазах утащил несколько машинок и тем подтвердил его подозрения. Но он не терял надежды. Вот увидите, в следующую субботу мы его поймаем.

О деньгах ни слова. Но я думаю, он со мной расплатится в следующий раз сразу. Будет просто нелепость, если нет. Я и очки купил за свои деньги и взял чек, как он велел.

Воскресенье, следующий день

Занимался английским в парке. Нола вчера сказала, что в эмигрантской газете о Вовах было написано, что Люся адвентистка седьмого дня, но в Союзе вынуждена была скрывать, иначе путь в науку был бы закрыт. Врет эта Люся, как не знаю кто. Достаточно побыть в обществе Вов хоть пять минут, чтобы убедиться, они так же далеки от морали религиозных людей, как я от издательской работы здесь. Никогда мне ее уже не видать. Просто здесь религия это, видно, как партбилет в Союзе, кто хотел пробиться в начальство. Но Нола говорит, почему ты не веришь, что адвентистка, может быть. Правда,

тут же вспомнила с видом превосходства, с ее внешностью ей лучше было бы выбрать себе еврейскую религию.

У входа в гостиницу увидел целую толпу вовиных родственников. Пожилые, раскрашенные, в пестрых одеждах. Шумные. На старушках просвечивающие блузки и брючки в обтяжку. Вовы меня не видели, усаживали гостей в машины, одна лучше другой.

Мой враг дежурный стоял у входа, весь разомлевший от счастья, и делал вид, будто изо всех сил придерживает в раскрытом положении дверь, которая на самом деле была закреплена у пола стопором. Мне было интересно, как он меня встретит на этот раз. Но тут один из гостей что-то сунул ему в руку, и он меня не заметил.

Вечер провел дома. Сварил себе суп из концентрата. Уборщица сегодня не пела, наверное, ушла куда-то на воскресенье. Нола сказала, что хотела бы поехать с Робертом на острова, там ей нравится, но поездка срывается из-за Лени. Роберт скупится снять две спальни, а в одной с Леной невозможно. Тебе не помешает, если я оставлю Леню тебе на эти два дня? Жить будешь у нас, я тебе в гостиной устрою царскую постель.

Я согласился. Она даже пообещала, она скажет Роберту, он мне заплатит за дежурство. Но я, конечно, отказался, никакой платы мне не надо, мне все равно, где учить английский, в гостинице или у нее. Нола была довольна, между прочим сказала, что быстро привыкает к людям, любит общество, вот я пригласила к нам на воскресенье твоих друзей по гостинице, Роберт захотел с ними познакомиться, нам будет приятно и им. Конечно, я тебя тоже приглашаю, спохватилась она, просто не успела сказать. Но тебе будет не интересно, ведь ты не понимаешь по-английски. По дороге домой я вдруг вспомнил, Вова тоже не понимает.

Следующий день, понедельник

Сегодня проходил мимо небоскребов по дороге в гостиницу и вспомнил, перестал их замечать, привык. Если долго смотреть вверх, в конце концов различаешь, где небо, а где дом, хотя на большой высоте грани затушеваны темнотой. Помогают ориентироваться освещенные окна. Почему-то в каких-то окнах не тушат свет. Похоже на перфорационную карту с дырочками.

Еще один день

С утра дождь, но тут же испаряется. Улицы в каком-то теплом тумане. Опять сидел в баре напротив магазина Гана и старался прочитать оставленную кем-то на столике газету. Рабочий и на этот раз ничего не утащил, но я сидел долго, потому что так велел Ган. Хозяин ничего меня не заставлял покупать, наверное, Ган на этот раз заплатил ему за то, что я буду сидеть в его баре.

Дома учил английский. Нола после того разговора не звонила. Я вспомнил, она ни разу не попросила дать ей прочитать какой-то рассказ. Когда мы познакомились, говорила, что ей было бы очень интересно. А потом, видно, забыла.

Следующий день

Сегодня воскресенье. Вовы, конечно, уже у Нолы. Интересно, что там делается? Нола, уверен, повела Люсю в свою спальню показывать наряды, их у нее целый стенной шкаф, и так тесно набит, что когда она вытаскивала какую-нибудь вещь, приходилось отжимать к стенке остальные, иначе не

вытащишь. И еще несколько чемоданов с вещами, один на другом, в которые, она сама признавалась, она еще не заглядывала со времени переезда в этот дом, руки не доходят. Ну, а Вова с Робертом, скорее всего, остались в гостиной, где я Нолу тоже фотографировал, на ковре нагишом, ей захотелось. Получилось это так. Мы однажды пошли гулять, и по дороге Нола решила постричь Леню. В парикмахерской мы разглядывали ню, пока Леню стригли. Женщины в журнале были красивые и молодые, но я сказал Ноле, что она мне нравится больше, чем они. Нола благодарно улыбнулась, покраснела от удовольствия и закрыла журнал. На следующий день она вдруг вспомнила, сфотографируй меня, как тех женщин, помнишь, на полу? Мне стало смешно, и я ответил, что те фотографировались на шкуре полярного медведя. Так что, спросила рассерженно Нола и взглянула на телефон, заказать шкуру, чтоб ее привезли как раз к возвращению Роберта? Я подумал, недаром она участвовала в институтской самодеятельности, делает вид, для нее заказать такую шкуру ничего не стоит. Такой эпизод. Конечно, в гостиной опущены шторы и горит свет. Нола уверяет, что все американцы любят сидеть днем при закрытых шторах и электричестве, независимо от того, зима это или лето. Просто летом еще включаются кондишеры. Не забудь Нола пригласить меня, мне бы тоже пришлось сидеть в жарком плюшевом кресле, слушать Вовину трескотню и самодовольный рокот фабрикантишки фальшивыми драгоценностями. А Вова по-английски говорит так — просто выпаливает все известные ему английские слова, даже я понимаю, что получается нелепость, и все время улыбается, чтобы быть похожим на американца. Ужасно нахальный. И ничуть его не заботит, какое он производит впечатление на других. Гнет свое, и все.

Кто-то стучит в дверь. Пойду открою и, чтобы не забыть, запишу: в Нью-Йорке я отвык от стука в дверь. В комму-

налке не было вечера, чтобы кто-нибудь из соседей не посту- чал. Не давали соскучиться. А жаль коммуналки.

Дописываю вечером. Это был Леня. Мама и Роберт уехали с гостями куда-то на острова, объяснил Леня. Мама мне ска- зала, что если мне будет скучно, я могу приехать к вам. Но позвонить сначала. Я звонил, но вас не было. Я как встал сегодня, никуда не выходил, но мальчишеская ложь меня не возмутила, потому что было ясно, Леня боялся, как бы я не ответил, что занят. Я даже был рад, потому что Леня привез с собой мяч и всякие вкусные вещи. Сказал, это мне ма- ма прислала, покраснел и опустил налившиеся слезами глаза, так был рад за меня. Мы взяли с собой угощение и пошли в парк играть в футбол. Полежали на траве, поели. Леня вы- удил из урны какой-то журнал.

Он предложил открыть киоск и продавать газеты и жур- налы, я знаю английский, вот увидите, у нас пойдет бизнес. Я поинтересовался, хочет ли он уйти из дому из-за Роберта. Он замялся, но потом сказал, что вообще бы не прочь. Да, я бы ушел. Давайте, а? А что мама говорит? Он прямо не ответил на этот вопрос, а сказал, что если она хочет, пусть остается с Робертом, а он бы ушел. А школа? А мы там все равно ниче- го не делаем, на уроках нас учителя не спрашивают, тут не так, как в Союзе, уже сколько времени прошло, меня еще ни разу не вызывали к доске, только пишем тесты. Но мне пред- меты все равно не даются, а язык я знаю лучше всех эмигран- тов, хотя не учу. А почему предметы не даются? В Союзе то же самое было. Я три года пропустил из-за болезни, и меня отдали в умственно отсталую школу, там были с разными дефектами, у одного вот такая голова, но мы с ним подружи- лись, он был хороший мальчик, но он только буквы научился писать. За целых три года только буквы, понимаете? А что у тебя было? У меня тоже что-то такое, какая-то инфекция попа- ла в голову, но так я нормальный, правда? Что, разве вы что-то

замечаете? Ничего, я ответил. Спросил, почему он хочет выбрать такое занятие, торговать в киоске? Он сказал, когда нет покупателей, можно читать. Мне понравился ответ. Но нужно смотреть на вещи трезво. Для меня это был бы выход, он знает английский, но Нола никогда не согласится, чтоб он не учился. Вдруг Леня хитро посмотрел на меня, покраснел и опустил голову. Почему вы называете маму Нола? А как? Фира. Мне смешно слышать.

Я его проводил к сабвею и пошел домой. По обочинам собралась масса бумаг и всякой мягкой тары, газеты даже пожелтели от солнца, так их давно не убирали. Если бы мне дали что-то вроде тачки и метлы, я бы этим занялся. Целый день на воздухе и свободна голова. Придумывай себе рассказы, сколько хочешь. И даже, если станешь на минутку, чтоб записать, тоже тебе никто ничего не скажет. У меня даже поднялось настроение, неужели я нашел выход?

Но нужно было бы попробовать, со стороны одно, а начнешь работать, может оказаться совсем не так.

Следующий день

Сегодня Ноле опять "вожжа попала под хвост", и мы поссорились. Но сначала все было хорошо. Встретились на улице. Ну, куда пойдём, поцеловала она меня, как всегда при встрече. Не люблю этот туман. Хочешь, я тебя поведу в одно кафе, мы там еще не были, посидим, там уютно. Я бы лучше хотел в гостиницу ко мне, она, наверное, неделю не была у меня из-за поездки, но она строго сказала, об этом пока забудь. Наверное, вспомнила, что у нее голова болит от наших свиданий. И мы пошли.

Во всем огромном зале сидело несколько человек. И такая тщательная изоляция от дневного света, что теряешь пред-

ставление о времени. Может быть, они нарочно это делают, чтоб подольше сидели. Нола вдруг вспомнила, отдал ли я напечатать пленку. Я признался, что забыл. Я видел, она была недовольна, но промолчала. Мне хотелось по discuтировать на всякие отвлеченные темы, и я спросил, как по-твоему, почему они затрачивают такие большие деньги, чтобы полный света и воздуха зал превратить в такой погреб, как это кафе? У Нола изменилось от обиды и удивления лицо, но она взяла себя в руки. Почему ты раньше не сказал? Ты же видел, что я сделала заказ. Но я объяснил, дело совсем не в кафе, меня удивляет, зачем превращать естественное в неестественное с такими затратами средств, материалов и труда, какие вложены во все это, обвел я глазами зал. Скоро на нашей бедной планете вообще не останется ни лесов, ни недр, это хорошо, по-твоему? Я немного знаком с этим вопросом, потому что писал для нашего издательства с одним доцентом брошюру о сохранении окружающей среды. Вообще меня эта проблема интересует. Мне в издательстве даже говорили, что я тронут на сохранении среды. Но Нола ничего не хотела слышать. Отдашь мне пленку, я сама закажу фото. Я могу себе позволить то, что ты считаешь неестественным, потому что мне это приятно, а ты как хочешь. Приняла на свой счет. Я не хотел ее обидеть и в свое оправдание пробормотал, что тигров осталось всего несколько десятков во всей Индии, неужели их надо убивать, чтобы эффективней выглядела реклама губной помады?

Но Нола, как будто не слышала меня, попросила официанта дать счет и вызвать такси. Но перед уходом посоветовала мне остаться за столиком, сейчас принесут заказ, не оставлять же им. Мне стало смешно, такая американка, вызывает такси через официанта, за это ему нужно дать не меньше доллара, а рассуждает, как будто все еще питается в студенческой столовой, зачем добру пропадать?

Я остался и съел все два пирожных и грейпфруты с вишнями, свой и ее. Потом еще выпил два бокала какого-то холодного питья, спешить все равно некуда.

Когда вышел, на улице было уже темно и тротуары мокрые от тумана, а туман разноцветный от рекламы. Жарко, но все-таки не так, как недавно. Хозяин гостиницы обрадовался незначительному понижению температуры и поспешил выключить в вестибюле кондишен. Сидел в своем кресле в углу. Хорошо, что я ее не спросил, почему она поменяла имя, подлил бы масла в огонь. Деньги за это злополучное кафе я передам через Леню.

Посмотрю еще немного телевизор, все равно спать рано.

Еще один день

Сегодня на наших английских курсах были экзамены, а потом мы пригласили нашего учителя Джона в соседнюю закусочную и отметили окончание. Я так старался на экзаменах, что у меня даже разболелась голова. Грамматические упражнения я выполнил все. В графе "отсутствовал на уроке" у меня стоял прочерк, ни одного занятия я не пропустил, а Рита пропустила чуть ли не половину.

Теперь, когда курсы закончены и ОМО все равно прекращает помощь, многие эмигранты не скрывают, что работают, и все время получали деньги и здесь и там, в двух местах. Но когда я спрашивал, где они работают, может быть, я бы тоже там мог устроиться, никто не хотел дать телефон или адрес, отвечали, что их хозяину больше людей не требуется. Зато Рита пообещала, как только переедет на новую квартиру, дать мне телефон и позвать на новоселье.

— Алик, — она кричала на всю закусочную, — я не понимаю, что, твоя миллионерша уже не в состоянии тебя прокормить,

что ты просишься на работу? Или она обеднеет, если будет оплачивать твой роскошный номер в гостинице? Скажи ей, что она тоже этим номером пользовалась, есть свидетели.

Вопосы у Риты туго затянуты на затылке, а лицо розовое от вина, ее ничуть не смутило, что американцы, чинно обсевшие стойку бармена, как один, обернулись на ее крик, кто-то от удивления даже щелкнул пальцами. Рита сказала, она через своих клиенток постарается найти мне работу, не надо никого просить. Интересно, что Джон в таком же положении, как и я, с окончанием курсов он тоже остается без работы. Многие принесли Джону сувениры, он был рад. А я с собой ничего не привез из Союза.

За Ритой пришел в закусочную тот ее кожаный парень. Я заметил, что ее не обрадовало его появление и она никуда не хотела уходить. Но он опять ее принялся уговаривать, и она в конце концов поднялась.

Она мне сказала, чтоб я ни за что не уходил из гостиницы на улицу, сначала ОМО должно обеспечить работой. Пусть с полицией выселяют, а ты не уходи. Не совсем приятно, что посторонние слышали этот совет, хотя эмигрантам все это не в диковинку, а Джон и американцы, конечно, ни слова не поняли.

На прощанье Джон ободрительно толкнул меня в плечо, уже не как учитель, а как ровесник. Я знал, что он настоящий американец и от души желает мне всего лучшего в своей стране. Интересно, все эмигранты так вырядились, чтоб быть похожими на американцев, что Джон в своих черных ботинках на микропорке и с распахнутым воротником рубашки без галстука единственный напоминал парня из Союза. Даже не очень городского, скорее из области.

Я эти дни ничего не записывал, волнуюсь, что будет, мне позвонил ведущий из ОМО и предупредил, что гостиница оплачена до конца недели, за это время я должен найти себе работу и жилье. Я ответил, что Рита меня научила, дайте работу, тогда я уйду. Но он ответил, все, кто прибыл вместе с вами, давно работают, вы один почему-то не можете устроиться. Мы не будем для вас делать исключений. И повесил трубку.

Я звонил Рите несколько раз, хотел посоветоваться как быть, а она как назло где-то пропадает. Не может быть, чтобы она уже переехала. Говорила, только собирается. Позвонил Гану, есть ли у него работа для меня? Он ответил, он ломает себе голову, чем платить своему рабочему. Предложил, правда, позвонить в ОМО, чтоб меня не бросали на произвол судьбы, к его голосу прислушаются, потому что он когда-то что-то пожертвовал этой организации на помощь советским евреям. Лучше бы отдал мне долг, очень они будут слушать его за какой-то несчастный чек в пять или десять долларов. Больше он не давал, я уверен. Больше никому не звонил, и никуда не ходил, знаю, что напрасно. Встаю поздно, на курсы уже не надо, а потом целый день даже не знаю, на что уходит. Вспомнил, что до сих пор не отдал напечатать те фото, из-за которых мы с Нолой поссорились, и отнес.

Вечером, когда я сидел в кресле в вестибюле, пришли откуда-то Вовы. Дежурный отдал им целую кипу писем, и они поспешили к лифту. Меня они не видели. Очень поздно, когда я смотрел телевизор, позвонил Вова и сказал, что лекция их через два дня, не смогу ли я придти, и было бы хорошо, если бы я привел с собой побольше эмигрантов с курсов английского, где я занимаюсь. А потом будет пиво и закуска соответствующая. В общем, старичок, ты можешь подскочить к

нам наверх все это утрясти? Я был рад, что они меня позвали, не мог спать, такое настроение.

У Вов застал тот же кавардак, только всего стало больше: разбросанных вещей, неубранной посуды на столе. Они показали новую пишущую машинку, английскую, им подарило ОМО. На столе та же сухая колбаса, а на дощечке тяжелый нож, как будто с того времени, как они меня угощали, стол не убирали. Но зато нигде ни единой бумажки. Они объяснили, что рукопись хранят в банке, так здесь принято. Я ждал удобного момента, чтоб спросить насчет работы, у них много родственников американцев. Так и не дождался. Пришлось откровенно рассказать, какое у меня положение. Невольно Вовы выдали свое отношение ко мне, когда сказали, что сюда едут всякие люди, и каждый требует от Америки признания своих талантов, а не имеет на это никаких оснований, ему кажется, что он кто-то, но здесь очень быстро выясняется, кто — кто, и будь здоров, не хочешь работать на кухне, твое дело. Еще надо устроиться, ты забываешь, сейчас спад, перебила Люся. Старичок, это уже Вова, ты уже пожил здесь достаточно и наша дружеская откровенность тебя не обижает, да? Так дай нам немножко разгрузиться со всеми этими делами, подписать контракт в колледж, и мы займемся твоим трудоустройством, о'кэй? Подождите, вы же можете устроиться на фабрике мистера Фишера, пришло в голову Люсе. Я удивился, какого Фишера? Но Люся тут же спохватилась, нет, это я так. Люся, подожди, дай же мне договориться, из-за тебя я забыл самое главное, прижал меня животом к стенке Вова. Старичок, что от тебя требуется? После лекции ты задашь эти вопросы, я тебе их записал, а мы постараемся удовлетворить законный интерес аудитории, и еще, ты должен будешь вежливо поаплодировать лекторам этой интересной секции, но, конечно, не ломать ладони, как будто ты на смотре цеховой самодеятельности, не забудь, мы все-таки в Америке,

два-три деликатных хлопка, это все, что от тебя требуется. Справишься?

Вовы тоже считают, непохоже, чтоб выселяли с полицией, но что я себе думал, ОМО не в состоянии содержать эмигрантов бесконечно, надо было найти работу. Вообще, правда, ведь другие как-то устроились. Не понимаю, почему я не мог.

Пришел к себе и вдруг вспомнил: мистер Фишер это же фамилия нолиного мужа. А Нола уже успела рассказать Вовам, что мы поссорились, и Люся спохватилась, на фабрику Роберта мне не попасть. Надо было раньше думать.

Интересно получилось, я Нолу познакомил с Вовами, а теперь они подружились, а я куда-то отодвинут в сторону. Лежал и смотрел в потолок. Он темный, туда не падает пожарный свет из противоположного номера. Что мне нравилось в издательстве? Приходилось встречаться с передовиками производства, а они рассказывали, как складывались их судьбы. Хотя брошюры выходили под их именами, писал их я, и их можно было бы считать теми же рассказами, если бы от меня не требовалось описывать производственные процессы. Но, правду сказать, и здесь можно было нарисовать похожий портрет, если не пожалеть времени.

Еще один день

С утра дождь. Мой колодец полон шума от падающей воды. Уже не рано, а в комнате темно. И мокро. Столик, на котором стоит телефон, залит водой. Мне лень было встать опустить донизу окно, чтобы не брызгало. Даже на подушку залетали капли. Настроение — хуже нет. Надо бы выйти купить газету и поискать что-нибудь в разделе "Спрос труда". Только подумал об этом, и перед глазами появились объявления, набранные мельчайшим петитом, вроде такого: "Н/пл. р. д-ь, бух-р ам. оп.

н/м-е 5л. зв. 8а.м. — 5р.м.”, что означает: “Неполный рабочий день, бухгалтер с опытом не менее пяти лет, звонить с 8-ми утра до 5-ти вечера”. Мне одно такое объявление перевести — это час, еще хорошо, если переведу, ведь в словаре сокращений нет. А в газете подобных объявлений столько, и так густо напечатаны, что через несколько минут начинает казаться, будто весь лист покрыт мельчайшим однообразным орнаментом. Я знаю одно, если бы каким-то чудом я сейчас очутился на любой работе, за любую плату, как есть, босиком, согласен выбежать на улицу плясать под дождь.

Все же встал, чтобы посмотреть, что за вопросы дали мне вчера Вовы. Ничего особенного, просто они хотят создать впечатление, будто они такие мощные умы, что любая проблема для них семечки.

Днем решил позвонить Нопе. Но ее не было дома.

Ходил в книжный магазин, смотрел всякие книги, даже по садоводству. Хотя я мало понимаю, приятно было листать страницы, так книги хорошо изданы. Когда глаза устали, поднялся по лестнице на второй этаж, где продают грампластинки, слушал классику и смотрел через окно на улицу. Был еще день, не то дождь, не то туман, машины ехали с зажженными фарами, и в запотевших окнах горел свет. Я уже немножко знал Нью-Йорк и представлял себе липкий теплый воздух улицы, пахнущий жареным мясом и сладковатым томатным соусом, если поблизости была закусочная или стоял продавец горячих сосисок со своей тележкой.

Пора спать. По крайней мере не буду ломать голову, что будет, когда придется уйти из гостиницы. Можно было бы позвонить Гану насчет работы, но лучше подождать, когда он сам позвонит. Тогда спрошу. Получится, я не напрашиваюсь, а вышло случайно. А может, Вовы что-то узнают.

Был на лекции Вов. Я так и знал, они не ученые, а затейники в доме отдыха. Ладно, я сейчас расскажу все по порядку.

Прежде всего, Вовы забыли, что мы договорились ехать вместе. Вова накануне сказал, чтоб я был готов, он мне позвонит, и я тут же должен спуститься вниз, там уже будет машина, и мы поедem. Но никто не звонил. Я ждал, а потом сам позвонил Вова. Но в гостинице Вов уже не было. Я вполне мог не поехать, и совесть моя была бы чиста, раз они сами показали, что не очень-то нуждаются в моей помощи. Но я подумал, они в спешке могли забыть. Главное, мне хотелось уже поехать не только ради Вов, ведь я уже догадывался, какие они люди, и даже по сути согласился помочь им обмануть американцев, а потому что было интересно, как будут вести себя американцы и, конечно, что за научный труд написали Вовы. И я поехал, даже взял бумажку с вопросами.

Начну с того, что американцев было мало. Были, конечно, вовины родственники в пестрых нарядах. Несколько новых эмигрантов. Рядом со мной сидел юркий москвич с обликом фарцовщика. Потом оказалось, что он кандидат наук. Когда он узнал, что я знаком с Вовами, рассказал, что уже читал пробную лекцию в одном американском университете, и теперь ожидает приглашения прочесть курс. Он был уверен, что оно вскоре последует, хотя бы потому, что на его лекции было по крайней мере раза в три больше людей, чем здесь, обвел он взглядом почти пустой зал. Не желая, чтоб его заподозрили в недоброжелательности к Вовам, он тут же добавил, что Вовы в этом, конечно, неповинны, работа у них интересная.

Впереди нас, через несколько пустых рядов, сидело три американских профессора, один из них был шеф славянского департамента этого колледжа, а другой юрист. Так сказал мой сосед. Вовы появились в аудитории после всех и вместе с ка-

ким-то старым американцем в измятом спортивном пиджаке уселись за столиком на эстраде. Американец предложил собравшимся послушать лекцию русских ученых, представляющую собой изложение уже подготовленной к печати работы, но тут Вова перебил его: книга уже принята одним издательством, вот такая толстая книга, показал он пальцами аудитории. Американец был приятно удивлен; вот, уже принята, и мы в скором времени будем иметь удовольствие ее читать, как хорошо!

Этот профессор рядом с Вовами выглядел настоящим уличным оборванцем, настолько они были нарядно одеты. На Вова осенний притапанный костюм, из кармана торчал платочек в крапинку, а Люся вся в металле: серьги, брошь, кольца и браслеты, которые, когда она поднимала руки, чтобы поправить прическу, со звоном съезжали к локтям. И вообще они расположились на эстраде по-хозяйски, Вова свой пиджак повесил на спинку стула и закурил, а Люся поспала кому-то в зал воздушный поцелуй. Но этого им показалось мало, и кто-то из них умышленно громко спросил американца, представлявшего их, на какую тему они приглашены читать лекцию. В зале заулыбались, послышался смех, доброжелательный, а американец-юрист, который сидел в кучке профессоров, выглядел просто ошарашенным, с таким видом он повернулся к шефу, который сидел за его спиной. Получалось, что все темы для Вов это семечки, они, мол, даже не потрудились узнать, о чем им предстоит сегодня говорить. Эта дешевая самореклама возмутила только меня и моего соседа, но того, скорее, из зависти к Вовам. В зале повеяло благожелательностью, многие улыбались, а кто-то даже восхищенно жестикулировал. После этого Вовы заговорили. Говорила Люся, а Вова улыбался и пускал клубы дыма. Иногда он тоже спешив что-то вставить, и к середине лекции, когда оба уже как следует разошлись, это был дуэт. И все ввали. Что их будто

бы зам. председателя Совета министров какой-то республики пригласил на правительственную дачу. А только что говорили, что евреев там преследуют, и как им было плохо. И вдруг зам. председателя. И прямо на правительственную дачу. Потом какие на той даче чудеса, огромный хоподильник, такого ни у кого из присутствующих нет, а в нем медвежий окорок и лучший "Мартель" в оплетенной бутылки. Об этих чудесах на правительственных дачах я тоже слышал, любой, кто жип в Союзе, слышал. Но зачем сочинять, что был? Женщины же на этой даче все в шестимесячных завивках колхозниц, выпалил под конец Вова.

Мой сосед сказап с видом превосходства, что с прической придумано не плохо, но он, например, упоминает только черных лебедей. Это впечатляет сильнее.

А Вовы уже хвалили разрядку. В Союз тогда попадет больше дефицитных товаров Запада, значит, возрастет потребность в спекулянтах. Их уже сейчас много, а будет еще больше. И хорошо, потому что они на самом деле не спекулянты, а прообраз возрождающегося класса свободных предпринимателей. Это в городе. В деревне же колхозы разваливаются, и уже заметен рост класса лендлордов. У нас крестьяне их любят называть помещиками, вставил Вова. А сделаться помещиком сейчас в Союзе очень просто. Из колхозов все бегут, поля заросли сорняком, избы заколочены. Вы за гроши покупаете этот дом, записываетесь в колхоз, конечно, не вы, а ваши родственники, желательно пенсионеры. Чтоб не придрались. Других ваших родственников записываете в другой колхоз. Третьих — в третий. Чем больше будет таких тайных держателей земель, тем лучше, пройдет еще несколько лет и окажется, что вся земля уже собрана в их руках, а колхозы существуют только на бумаге. И тогда их просто отменят.

Мой сосед хохотал, спрятав голову за спинку стула. Отдышавшись, он сказал, что Вовы молодцы, и погрустнел, видимо,

в своей лекции он до таких вершин не поднялся. А Вовы уже перескочили на внешнюю политику, американцы, мол, только и делают, что всюду отступают. Но тут оборванец-профессор, который до сих пор смиренно сидел рядом с Вовами на эстраде, вдруг негодуя заклокотал. Вовы на мгновение замаялись, но тут же наперебой стали уверять, что их неправильно поняли. Тем не менее в своей книге они учтут замечания профессора, спасибо, мы вам очень благодарны, очень полезная мысль. Американца это заметно смягчило, и он даже помог Вовам выкрутиться из незавидного положения, прошло всего полчаса, а им уже нечего было говорить. Американец сказал, что отведенное на лекцию время уже исчерпано (что Вовы, как я теперь понял, нарочно опоздали минут на двадцать, да еще десять рассаживались за столом и спапи воздушные поцелуи, он, конечно, забыл), мы, мол, должны через несколько минут освободить аудиторию, за что я хочу попросить извинения у наших уважаемых русских коллег, которые, судя по услышанному, могли бы сообщить нам сегодня еще много интересного, так вот, если присутствующие не возражают, можно это оставшееся время использовать для вопросов и ответов, пожалуйста задавайте. Ни один из американских профессоров вопросов не задал. Спрашивали американские студенты, забавно говорящие по-русски, скорее всего, чтобы попрактиковаться в языке. Американец, возможно, чужой в этом колледже, он сидел один в самом последнем ряду, задал вопрос по-английски, на что Вова с неподражаемым нахальством тут же ответил, что, насколько он понял, интерес вызвава..., но тут Люся его перебила, чтоб не стало ясно, что Вова по-английски не понимает. Мы принимаем какие-то единичные явления за общие, вы это имеете в виду? — спросила Люся. Да, единичные за общие, опять влез Вова, ваш вопрос напомнил мне один анекдот, крайне популярный в моей стране, и он тут же рассказал мой анекдот.

Понимаете, "Уже!", откровенно расхохотался Вовв. "Вы уже!", повторил он слова моего бессмысленного анекдота. Это тот ответ, который я мог бы вам дать от лица граждан моей страны, лишенных возможности свободно высказываться. Я уверен, что никто ничего не понял, но родственники стали дружно аплодировать. Американец удивился, но промолчал. Тут оборванец-профессор встал со своего места и пожал руки Вовам. Это означало, что лекция закончилась.

Прямо с эстрады Вова попал в объятия родственников. Американские профессора топтались в сторонке, как сироты. Мой сосед сказал, что когда он читал свою пробную лекцию, такого базара не было. Не иначе, у него на душе скребли кошки. Оборванец профессор, на котором, видно, лежала обязанность проводить Вов, терпеливо ждал, пока они закончат принимать поздравления. Я набрался смелости, подошел к нему и пожаловался, что хотел покритиковать лекцию, но мне не дали слова. Я думаю, он спросит, что мне не понравилось, но он безразлично согласился, что на все не хватило времени. Видимо, его так утомил этот галдеж, что ему трудно было разговаривать, а скорее всего было все равно, какие бы мнения не высказывали.

Зато мой сосед, которого продолжающееся чествование Вов, теперь уже с участием американских профессоров, терзало завистью и о котором Вовы, как и обо мне, совсем забыли, неожиданно предложил отвезти меня домой на своей машине. У него была длинная машина, и задняя ее часть завалена кожаными куртками. Они были накрыты брезентом, чтобы, как он мне объяснил, не привлечь внимания уличных воров, и он сначала пересчитал куртки, а потом мы поехали.

Продолжая попемизировать с Вовами, он сказал, что в Москве вы, допустим, могли легко продать духи "Шанел", у вас их из рук вырвут ваши же знакомые, или, скажем, за такую куртку, на которой вы здесь имеете прибыли пятна-

дцать процентов со штуки, там вы клали в карман все сто, я агри, он сказап по-английски, это значит согласен. Ну, что еще, он сказал, ну, практически, конечно, все западное вы могли без труда отдать в известные московские дома, я абсолютно агри, больше того, с мясом вырывали и давали, сколько вы хотите, вам не нужно было даже предлагать свой товар в туалете какой-нибудь "Праги" или "России" и каждую минуту дрожать, что загребут гебешники. Я не спорю, рынок необъятный, только давай, тут с Вовами можно согласиться. Вы экономист?

Наверное, он решил, что я научный работник, потому что назвал фамилию женщины, которая занимается устройством на работу наших эмигрантов с кандидатскими удостоверениями, решил, она для меня тоже старается. Он хотел бы ей что-то презентовать, чтобы она поскорее устроила ему контакт с колледжем. Может быть, у меня есть какой-нибудь ценный сувенир из Союза, он бы купил для нее.

Когда мы подъехали к моей гостинице, он предложил купить у него куртку, все равно надо до отъезда ликвидировать весь этот бизнес, он кивнул на куртки, наваленные за нашей спиной, а к стеклу машины был приклеен кусочек картона, на котором большими буквами было написано "Распродажа". Наверное, он торговал этими куртками прямо на улице. Когда я признался, что не кандидат наук, просто имею высшее образование, а на кожаную куртку пока нет денег, он недовольным тоном сказал, чтоб я поскорей выходил из машины, здесь нельзя стоять.

Действительно, несколько машин, которым мы загородили дорогу, уже нетерпеливо сигналили.

Утром пошел в колледж, где Вова читал лекцию. Встретил в коридоре того шефа славянского отдела, который на лекции сидел впереди меня. Не знаю, может быть, он удивился, что какой-то эмигрант пришел критиковать вчерашнюю лекцию. Но вида не показал, даже кивал головой в такт моим словам. В кабинет, правда, не пригласил, в коридоре. Неужели вы тоже считаете, прямо спросил я, что в Союзе уже появились помещики? Он уклончиво ответил, что во всяком случае это утверждение и некоторые другие, которые он услышал на лекции, интересны. Ну, скажите, спросил он с таким видом, как будто поймал меня на противоречии, разве мы спорили бы с вами, если бы лекция была не интересна? Я не знал, что ответить. Хорошо, я только сказал, а спекулировать парфюмерией это хорошо? Ведь это не лекарство, а духи, без них не умирают.

После этого я нашел кабинет того профессора, который на лекции сидел с Вовами на эстраде. Он был уже не во вчерашнем спортивном пиджаке, а надел какой-то старый свитер, не лучше пиджака. Но выглядел намного бодрее. С ним я чувствовал себя не так скованно, видно было по лицу, что он, как и я, эмигрант, но живет здесь уже много лет. У него на столе лежала подшивка "Правды", он что-то искал в ней, так что вообще можно было подумать, что мы в Союзе. Знаете, я ему сказал с порога, я в первый раз в Америке был вчера на лекции и разочаровался. Видно было, он удивился, кто я и почему оказался здесь, но потом, мне показалось, вспомнил меня. Чему-то улыбнулся и вернулся к занятию, прерванному моим приходом. Тогда я не выдержал и спросил, неужели никого не интересует истина? Только после этого этот едва шевелящий губами старикашка удосужился мне ответить, что, наоборот, он внимательно и с интересом меня

слушал. А я еще ничего такого не успел сказать. Вот и пойми, он такой рассеянный или хочет, чтоб я поскорее ушел. Опять склонился над "Правдой" и перевернул лист. Я увидел, что я ему ни стану говорить, или не услышит или тут же забудет. Попросил у него бумагу, он машинально дал лист, карандаш сам взял со стола и тут же у него на диване за пять минут все расписал по пунктам, что говорили Вовы, и как на самом деле. Вышло даже меньше страницы. Положил на стол, даже не знаю, заметил ли он, и ушел.

Все эти дни то туман, то дождь. Я шел из копледжа в гостиницу пешком, хотел сэкономить на сабвее, сначала было ничего, только туман, а потом мне не повезло, пошел дождь. Добрался до гостиницы весь мокрый. Повесил на кресле сушить одежду, принял горячий душ. Настроение намного лучше. А то получается непепость. Кто врет, того слушают. А если хочешь сказать правду, то надо освободить аудиторию, то все страшно заняты. Приятно, когда добьешься своего. Я уже решил, завтра с утра найду где-то комнату, заплачу долларами, которые привез из Союза, мне при выезде дали сто двадцать за рубли. Вполне уложусь в срок, который мне дал ведущий. И вовремя освобожу номер в гостинице.

А то, что Рита говорила, не уходить, пусть полиция приезжает выселять, так это одни слова. Чтоб меня утешить. Сама она наверняка уже выбралась из гостиницы, потому что я уже несколько дней подряд не могу ее застать. К тому же, как я могу требовать от ОМО, чтобы они продопжали оплачивать гостиницу, если они знают, что я привез с собой доллары? Когда сюда прилетел, они мне дали заполнить анкету, там был вопрос, сколько у меня наличных, я ответил. Может быть, другие писали, у них ничего нет, тогда они могут говорить, у них безвыходное положение, нечем платить за квартиру.

Лежал, а потом спустился посидеть напоследок в вестибюль. За окошком ночной администратор, значит, больше

шести. А вообще, если идет дождь, трудно понять, день это или ночь, так темно, особенно из моего номера. Смотрел, кто входит, кто выходит. За стеклянной дверью в гостиницу видна мокрая улица, вся разноцветная от отражений рекламы. Такси, поминутно проезжающие по улице, желтые. Медленно проехала полиция, в синей.

Вернулся к себе и уложил вещи в чемодан, чтоб завтра уйти пораньше. Осталось только, что надену на себя, и кастрюля, которую мне когда-то принесла черная уборщица.

Октября 23-е

Если бы я знал, что случится накануне вечером, то прежде, чем положить ручку, написал бы: когда я складывал вещи в чемодан, кто-то постучал. Я открыл дверь, решив, что это уборщица забыла утром убрать мой номер или поменять постель и сейчас спохватилась. Дверь раскрылась лишь на ладонь, потому что я забыл снять цепочку, и я увидел двух молодых черных. Один, видно, накуренный, лицо набрякшее, извинился и пошел по коридору, а другой, лица которого я не мог видеть, потому что он носил черную фетровую шляпу с широкими опущенными полями, вдвинул колесо в щель и сказал, эй, мэн, дай доллар. Я ответил, у меня нет. Он немного поколебался и неохотно пошел вслед за дружкой.

Я закрыл дверь и снова занялся чемоданом. Конечно, если бы не цепочка, эти ребята были бы уже у меня в номере. Позвонил телефон, и я услышал вонин голос: "Старичок, у меня твои тезисы". Я удивился, что за тезисы? "Ты сегодня оставил профессору Кагану замечания к нашей с Люсей лекции?" Я ответил, оставил. "Ну, так он нам дал копию. Ты возражаешь?" Я был рад, значит, заметил все-таки. Хорошо, что не поленился, пошел. Вове я сказал, что не возражаю, пусть

читает, если хочет. "А я уже прочел. Хотел поговорить". Но говорить ему было нечего, он же сам знал, что нагромоздил в своей лекции всякие небылицы, чтоб привлечь внимание. Не станет же он в этом мне признаваться. Скорее всего Вова хотел, чтоб я больше не ходил к американцам, а то они могут передумать и не взять его на работу. Я ему так и сказал, но он не обиделся. Наоборот, пригласил к себе, Люся вот-вот должна придти, и есть замечательный французский коньяк. "В оплетенной бутылки" Мартель? — спросил я. Старичок, сказал Вова, не надо злословить, подымись наверх, ты убедишься, что ты ошибался. Я ответил, может, приду, даже не знаю, почему согласился. Немножко на меня подействовало, что он не обиделся, надо признать, не каждый способен с такой кротостью разговаривать с человеком, который бегаёт и доказывает, что ты приехал обманывать Америку. Но на лестнице я подумал, что, конечно, поступаю беспринципно, хотелось узнать, что это за знаменитый "Мартель", о котором я не раз читал, но никогда не пил, и поесть сухой колбасы, у Вов она всегда на столе, когда не придешь, а я нарочно узнавал в магазине, сколько она стоит, очень дорогая.

Когда я поднялся на вовин этаж, как раз на этой площадке остановился лифт, диккенсовский уродец увидел меня в раскрытую дверь и сказал пассажирам что-то обо мне, я услышал "кэй". Пожилая пара вышла из лифта и с улыбкой посторонилась, как бы для того, чтобы лучше меня оглядеть.

Когда я подошел к тому месту, где коридор поворачивает к Вовам, я увидел того негра в большой черной шляпе и мокрых от дождя распатланных внизу джинсах, он входил в вовин номер. Вова что-то возмущенно говорил по-английски, но негр как ни в чем не бывало закрыл за собой дверь.

Пожилая пара в другом конце коридора открывала свой номер. Конечно, их нужно было бы позвать, а еще лучше поднять тревогу, например, кричать изо всех сил, но мне не хоте-

лось. Я ничего не делал, просто стоял и прислушивался, что делается в вонючей комнате. Но оттуда ничего не было слышно. Я спустился к себе и лег спать. Но спать я не мог, ждал, вот-вот в гостинице подымется переполох. Но ничего такого не было. Только под утро я, наконец, услышал шаги и стук в мою дверь. Ко мне вошли два человека, один из них старичок с наполовину закрытым глазом и в круглых очках, дужка которых была скреплена пластырем. Он сносно говорил по-русски. Другой был американец. Старичок сказал, что это инспектор из департамента полиции, а его пригласили переводить и, если я не возражаю, они хотели бы со мной побеседовать. Но если я не согласен, тогда они уйдут.

Я был рад, что они наконец пришли, только извинился, что мне некуда их усадить, кроме кровати. Я тут же набросил на кровать накидку. Они сели на кровать, а я придвинул к кровати столик и сел на единственный стул напротив них.

Октября 24-е

Только что поднялся, уже вечер, а они ушли около полудня, значит, спал я весь день. Только единственный раз я проснулся из-за телефонного звонка. Это был мой ведущий из ОМО, он спросил, как мои дела и, не дожидаясь ответа, сказал, что я могу продолжать проживать в гостинице, пока не найду себе квартиру, и на питание мне тоже будут давать, как раньше. Так что я могу не беспокоиться за эту сторону жизни. А за какую сторону я должен беспокоиться, я спросил. Это ваше дело, а не наше, мы в ваши дела не вмешиваемся. Америка свободная страна, и каждый может жить, как он хочет. Но, конечно, здесь тоже есть законы, он добавил. Вежливо попрощался и положил трубку. Я по его тону чувствовал, он уже знает, что ко мне приходили из полиции.

Сварил себе суп из концентрата, вкусно. А сейчас запишу разговор, который у меня был с этим инспектором, он мне показал документ, но я не запомнил фамилии.

Сначала он спросил, кто я, давно ли здесь живу и какая организация меня опекает. После этого попросил рассказать о моих отношениях с Вовами. Я все рассказал как есть, что сначала Вова был мне интересен, а потом я его немножко узнал, и ничего приятного уже в нем не находил. Почему, меня спросили. Я ответил, трудно отвечать на этот вопрос, может быть, я ему завидовал. А вообще он — ловчила. Старичок засмеялся и сказал, что когда он учился в Ковенской императорской гимназии, такого слова в русском языке не было, но теперь, да, да, он уже слышал от новых эмигрантов это слово, очень интересно, это, наверное, что-то подобное мазурику, не так ли? Я сказал, да, почти то же самое, но с дипломом. Ему настолько понравился мой ответ, что он от удовольствия прикрыл один глаз, после чего перевел следующий вопрос полицейского, видел ли я вчера Вову? Опять я сказал как было, что Вова мне позвонил, как я поднялся и увидел, что к Вова кто-то входит, постоял и вернулся к себе. Полицейский попросил описать того, кто входил. Я рассказал о черной жесткой шляпе и распатланных джинсах, мокрых от дождя. Откуда вы знаете, что шляпа жесткая, вдруг спросил полицейский. Я объяснил, мерил такую в магазине, она была твердая, как будто из фибры, у меня бы сразу разболелась голова. На это полицейский заметил, что у парней вроде того, кого я видел, головы не болят даже от марихуаны, вот если их стукнешь клапом, это другое дело. Старичок согласно закивал головой, клапом, совершенно верно. И все равно не помогает, на улицу не выйдешь, страшно.

Последующие вопросы были о времени. Когда позвонил Вова. Когда я поднялся к нему. Когда вернулся в свой номер. После этого старичок предупредил меня, что в его обязанности

переводчика не входит давать юридические советы, но, возможно, мне полезно будет узнать, что по американским законам неприятие мер по предупреждению преступления, если заведомо было известно, что оно может быть совершено, наказывается заключением в тюрьму или денежным штрафом, или тем и другим, смотря по обстоятельствам. Только после этой справки он перевел вопрос полицейского, встречал ли я когда-либо раньше человека, входящего к Вове, и не показался ли он мне чем-либо подозрительным. Я ответил нет, чтобы они не подумали, что у меня с этими черными что-то было или я даже послал их к Вове.

После этого полицейский сразу сбросил с себя всю официальность, как будто деповая часть беседы была закончена, и стал расспрашивать, как я жил в России, чем занимался и вообще, что это за страна, откуда я приехал. Нравится ли мне в Америке? Слово "Россия", видно, напомнило старичку молодость, он забыл о своих обязанностях переводчика и ударился в воспоминания, закрыв глаза от удовольствия и жмуря лицо в улыбке, как будто жарился под солнцем. Вдруг полицейский попросил объяснить, что значит "ловчила", очень смешно произнося это слово, и почему мне нравятся такие люди. Я возразил, не нравятся. О, он откликнулся с облегчением. Я объяснил, ловчила тот, кто берет у общества больше, чем дает, и даже, чем ему самому нужно. А кто-то остается ни с чем. Например, у Вов в Союзе было две кооперативных квартиры, машина и гараж. А у меня одна комната в коммуналке.

Старичок перевел, и тут же осуждающе обратился ко мне, какое же это преступление, две квартиры и гараж, вы можете здесь иметь, сколько хотите, никто вам слова не скажет. Просто там такая страна, что обычные вещи это преступление. Я ответил, дело совсем в другом, если не ограничить приобретательские инстинкты, то мы высосем из планеты все соки.

Зачем, я спросил, каждому иметь столько одежды, что даже некуда ее вешать, не только носить. Или чтобы переместить одного человека, а он сколько весит, ну, семьдесят кило, гонять по городу тонну металла, машину, сжигая бензин. А нефти уже совсем мало осталось на планете. Когда-нибудь хватятся, что из нее можно делать лекарство, а нефти уже ни капельки не осталось, всю сожгли на переезды. Так что же, рассмеялся старичок, лошади лучше? Конечно, лучше, я сказал, если одна на человека, а если больше, так то же самое, даже Топстой в "Анне Карениной" осуждал.

Полицейский терпеливо слушал наш спор, хотя ни слова не понимал, потом задал вопрос, в чем я завидовал Вове. Я думаю, это была не зависть, разве я чувствовал бы себя счастливее, если бы один день обедал в одной квартире, а другой в другой? Вот ванна это приятно, у меня в коммуналке не было. И всегда от тебя пахнет эссенцией. Зато здесь, какой у меня ни плохой номер, каждую минуту могу купаться. Они недоверчиво слушали мое объяснение, из ваших первоначальных ответов можно было составить впечатление, что завидовали, объяснил старичок. Но это ваше право, поспешил он сказать, вы можете не отвечать на этот вопрос, можете вообще игнорировать вопросы, никто вас не может заставить. До большевистской революции в России было то же самое, существовало так называемое, он произнес какое-то патинское слово, это значит, никто не может навязать подозреваемому манеру поведения. Старичок назвал русскую фамилию и сказал, что я, наверное, знаком с трудами этого замечательного юриста, его принципы вошли в русское судопроизводство.

Он долго, медленно и с видимым удовольствием вспоминал старину, термины и фамилии. В моем колодце стало уже серо, ночь прошла, и я почувствовал, что устал. Но полицейский, чьи глаза были красны, и не думал останавливать старичка, лишь время от времени что-то подчеркивал в своем

блокноте. Может быть, он убивал время до конца смены, чтобы от меня больше никуда не ходить, а прямо отправиться домой спать. Вдруг старичок пришел в себя и обратился ко мне: но сегодня у вас делаются ужасные вещи, вы читали Сопженицына? Я ответил, это было, но сейчас не так. Старичка, видимо, взволновал мой ответ, он озабоченно перевел его полицейскому, после чего мягко, но увещающе обратился ко мне, нет, нет, так, можете не сомневаться, там все осталось, как было. И грустно замолчал.

В моем колодце стапо почти бело, значит, день сегодня сухой и холодный. Я видел, что никому больше не хочется разговаривать. Полицейский с удовольствием вылез из-за стола и поправил за собой накидку на кровати, старичок тоже поднялся и старичок перевел полицейского: мы вам благодарны, вы нам очень помогли, если возникнет необходимость выяснить какие-либо проблемы, могли бы мы к вам прийти еще раз? Я, конечно, согласился. Затем полицейский попросил разрешения помыть руки и пошел в туалет. После него с такой же просьбой ко мне обратился старичок. Когда они уходили, я спросил, что мог бы означать красный свет, который жгут в номере напротив круглые сутки, вот он и сейчас горит. Полицейский снисходительно ответил, что я должен спросить об этом у хозяина гостиницы. Старичок от себя добавил, еще лучше об этом спросить у кого-нибудь из персонала, хозяин может быть занят серьезным делом. Он собирался еще что-то объяснить, но я хотел, чтоб они поскорее ушли и потому перебил его, сказав, что, как я слышал, в Америке каждый может делать, что хочет, только чтоб старичок больше не затруднял себя объяснением. Он обрадовался и закивал головой: да, да, вы можете не волноваться, просто жильцам так нравится. Полицейский протянул мне руку, и мы попрощались. Его ладонь была большая, теплая, вообще он производил приятное впечатление. Мы уже пожали друг другу руки,

но старичок все не уходил, и полицейский тоже остановился. Я помню, был такой русский обычай, с просветленным лицом обратился ко мне старичок, через порог не пожимать руки, теперь его уже нет? Я ответил, что есть, но я забыл. Старичок был очень доволен, что я ошибся. Видите, сказал он, подняв палец, а я помню! И они ушли.

Вот и весь допрос. Кажется, все существенное я записал, если что-то пропустил, допишу потом. Сейчас пойду куплю газету, узнаю, что произошло с Вовой.

Я спустился вниз. За стеклом администратора стоял мой враг. Он крикнул мне: "Эй, мистз!.." и поманил пальцем. Я не должен был идти к нему, если ему нужно, пусть сам подойдет, но я не подумал и подошел. Он мне стал что-то говорить, но я скорее по выражению его лица и тону понял, он говорит, что я должен освободить номер. Я пытался ему объяснить, что ОМО будет платить. Но он даже не хотел меня слушать, просто настаивал, чтоб я выбрался. Я улыбнулся, чтобы позлить его, и молча открыл дверь на улицу.

Сухой день, почти зима. Настроение у меня хорошее, гораздо лучше, чем было. Я купил американскую газету, картофельные пирожки и флягу пива и вернулся в гостиницу.

В вестибюле гостиницы я раскупорил пиво, содрав колпачок ударом о ребро автомата-телефона. Затем уселся в кресло на самом видном месте, как раз напротив моего врага дежурного и демонстративно развернул газету. Хотел показать дежурному, я тоже такой же, как другие жильцы. Сколько я видел, они сидели здесь и кушали, читали газеты. А кто даже громко включал транзистор. Один я соблюдал ненужную деликатность, был тише воды, ниже травы. Но теперь все.

У меня с собой не было словаря, но в газете на фото и так все ясно, носилки, на которых кто-то пежит, наверное, Вова, полицейские и Люся. В заметке моей фамилии не было, и вооб-

ще заметка была небольшая, значит, во вонин случай считался обычным. Я прочитал, что его убили ножом. Отложил газету и потушил лампу. Так я сидел долго, и мой враг на меня не обращал внимания.

Вдруг в вестибюль зашли с улицы Люся и ее родственники. Когда Люся меня увидела, лицо ее выразило удивление, она даже улыбнулась, но тут же отпрянула от меня и поспешила к своим родственникам. Те, как один, обернулись и посмотрели на меня. Мне стало неприятно, как будто я был виноват в том, что произошло. Эти черные могли со мной проделать то же, что с Вовой, и никого из вонинских родственников это бы не тронуло. Я уверен. Я машинально ел пирожок. Пустая фляжка от пива красовалась передо мной, но было уже поздно ее куда-то прятать. А мой враг администратор стоял за своим пуленепробиваемым стеклом чуть не навтыяжку, когда они проходили.

Но когда вонины родственники скрылись в лифте, администратор вдруг опять крикнул мне: "Эй, мистэр!.." и протянул в окошко телефонную трубку из коммутатора. Это был Леня. Я совсем забыл за эти дни о нем и Ноле и спросил, какой Леня. Леня очень удивился и сказал, что они с мамой ждут меня на углу возле гостиницы, могу ли я выйти к ним? Но на углу я их не нашел и пошел по улице дальше. Меня догнал Леня и сказал, что мама ждет в машине. Нола удивилась, что я стал такой рассеянный, прошел мимо самой машины, она гудит, а я ноль внимания. А вообще они здесь уже давно, Леня каждую минуту бегал звонить в автомат, а ему говорили, что тебя нет. Я сидел внизу под самым носом дежурного. Ясно, это он мне отомстил, что я расположился против него с пивом и пирожками. Я был доволен, что его задело.

Нола участливо сказала, она прочитала газеты и помчалась меня увидеть. Там написано, что вы знаете, кто убил, правда,

спросил Леня. Какой он был? Расскажите! Нола велела сыну не задавать глупых вопросов и утешающе погладила меня по руке. В машине было тепло, уютно шелестела музыка. Мне пришла в голову смешная мысль. Хочешь зайти ко мне, я спросил Нолу. Она со значением показала глазами на Леню и опять утешающе погладила меня по руке. Подожди еще, это от нас не уйдет. Леня вдруг сказал, что мама вчера снова ссорилась с Робертом из-за него. Нола с одобрением слушала сына. Сама себя ругаю за свою нерешительность, сказала мне негромко. Я улыбнулся потому, что это были те самые слова, которые я услышал от нее в Центральном парке.

Вдруг она решилась: "Ты помнишь, я просила тебя напечатать фото... Они у тебя?" Она велела Лене позвонить Роберту по телефону, что они были у врача и сейчас едут домой, чтоб он не беспокоился. Когда Леня вышел из машины, она поцеловала меня и попросила, чтоб я ее тоже поцеловал. Я поцеловал. Она сказала, что я не должен сердиться, но если эти фото обнаружат у меня, мне придется сказать, кто это, и тогда Роберт будет иметь все основания выгнать ее с Леной на улицу. Придешь ко мне, я сказал, все равно мне нужно уходить из гостиницы, и я сниму комнату. Она опять поцеловала меня и сказала, что это глупо — дать Роберту законную причину ничего не заплатить за развод. С какой стати мы должны ему дарить эти деньги! Конечно, она умышленно сказала "мы" вместо "я", и я сразу по ее тону почувствовал, что это неискренно. Мне так обидно стало, что она ко мне так отнесется и врет, и я улыбнулся ей прямо в лицо. Ничего нельзя сделать, я вложил пленку в конверт, написал свой обратный адрес и отправил. Еще вложил туда денежный ордер на пять долларов. Вдруг я увидел, что по щекам ее побежали слезы. Мне стало ее жаль и я сказал, что с конвертом это чистая правда, как только получу, я отдам. Зачем они мне? Но она не переставала плакать. Все равно, мол, уже поздно, теперь все попадет

им, в газетах пишут так, как будто тебя подозревают. Мне казалось, я проваливаюсь в яму, в животе стало пусто, так я испугался. Я показал ей газету, там ничего этого нет. Оказалось, у меня утренняя газета, а они с Леной купили вечерние.

В их газете была моя фамилия и что я сказал полицейскому о черном, как он одет. И что Люся сказала обо мне, у меня была ссора с Вовой накануне. Мы условились, как только придут фото, я позвоню Лене, будто я его товарищ. Тогда она заберет. Конечно, Нола понимала, если полиция захочет, она все равно узнает, но я ее уверил, если они спросят, что за фото, я ни за что не скажу, пусть хоть меня режут. У нее немного исправилось настроение. Я предложил, чтоб они высадили меня из машины подальше от гостиницы, где-нибудь у парка, чтобы нас вместе не увидели, раз она боится, но Нола храбро ответила: "Ой, какие глупости! С какой стати ты будешь возвращаться в такую даль?" И выпустила меня на улицу. Даже помахала рукой вслед.

Следующий день

Опять ложусь поздно, гулял у небоскребов, а весь день провёл с ними. Они пришли утром, сначала позвонили по телефону, я кушал в то время. Тут же помыл кастрюлю, и они появились. Наверное, полицейское управление где-то близко, так скоро они приехали. Как только вошли, старичок показал мне документ, это вариант, разрешение прокурора на расследование. Но все равно, если я не желаю отвечать на вопросы, то имею право. А если бы я был настоящий преступник и отказался бы отвечать на вопросы, я спросил, что тогда? Он ответил, что сначала никто не считает себя виновным, пока ему не покажут, что он сотворил. Потому отвечаю я или нет, не так

уж важно. Просто в таких случаях выгоднее говорить правду, это учитывает судья.

Они опять сели на кровать, хотя полицейский пожаловался, жаль, нет спинки, устаешь сидеть. Старичок предложил попросить кого-нибудь принести ступья, но на стулья в комнате не хватило бы места, и старичок извинился передо мной, наверное потому, что у меня такой маленький номер. Инспектор вынул из папки фотокопию моих замечаний к вовойной лекции и спросил, я ли это писал и кому давал. Я ответил, что оставил одному профессору, а профессор снял копию и отдал Вова. Они спросили, откуда я знаю об этом. Я ответил, Вова мне сам сказал по телефону. Они недоуменно посмотрели друг на друга, полицейский заглянул в папку и одобрительно кивнул мне, убедился, слава Богу! Старичок был настроен не так доброжелательно, как накануне, я сужу по его тону, он все допытывался, зачем я написал, что не согласен с Вовами. А почему я должен был молчать, если они говорили неправду, я спрашивал. Но он стоял на своем: но почему вам на следующий же день нужно было явиться в колледж с такими дискредитирующими утверждениями? Вы могли прочитать собственную лекцию и изложить свои взгляды. Наконец, кто вам мешал об этом же написать статью в газету или журнал, если она интересна, ее бы напечатали. До сих пор не могу его понять, не все ли равно, лекция или эта шпаргалка, которую я набросал на диване в колледже. И кто мне даст читать лекцию? Я даже не знаю, с какого конца к ней подступиться, никогда не пробовал. Но я сказал лишь, что все для меня невозможно, я не знаю языка. Но и к этому старичок отнесся с недоверием, как, мол, так, у нас в Ковенской гимназии, кроме английского, приходилось зубрить еще и мертвые языки, латынь и греческий, а я до сих пор отлично помню английский, вы, кажется не будете этого отрицать. Ведь вы уже полвека живете в стране английского языка, я возмутился.

Он подумал и сказал с гордостью: пятьдесят восемь лет я здесь живу, пошел пятьдесят девятый. Но зато вы можете учить по телевизору, а мы в Ковенской гимназии были лишены этого прекрасного средства. Ну и что, я сказал, только стреляют, гоняются друг за другом в машинах, и реклама. А что из нее узнаешь? Что соус Ризоли самый лучший в мире?

Полицейский, который во время нашей перепалки что-то черкал в своей папке, при слове "Ризоли" вопросительно взглянул на переводчика. Но старичок не сразу успокоился, вы ошибаетесь, здесь чудесные передачи, мы с женой смотрим с большим удовольствием. После этого по лицу его разлилась довольная улыбка, он опять зажмурил глаза, как будто жарился под солнцем, и сказал, что соус "Ризоли" действительно не так уж плох, и он мне желает, чтобы я поскорее в этом убедился.

Полицейский спросил, помню ли я, как поднялся к Вове. Я ответил, помню. По лестнице или в лифте? Услышав ответ, он спросил, почему я избегаю лифта. Я ответил, что приятно ходить по лестнице, если целый день сидишь сиднем сначала на курсах, а потом дома. И в лифте жарко, а сбросить рубашку нельзя, всегда еще кто-то рядом. Но в тот день вы были в колледже, правда, а обратно возвращались пешком. А это немалое расстояние. Сколько времени вы шли? Мне стало смешно, он пытается доказать, я в тот день устал и потому должен был по всем правилам воспользоваться лифтом. Видно, решил, это так важно, что уже успел расспросить служащих гостиницы и узнать, что я в тот день пришел насквозь мокрый, значит, долго ходил. Я мог бы сказать, что поднялся пешком, потому что пошел к Вове, как меня застал звонок, в комнатных туфлях и старых брюках, которые я ношу дома вместо пижамы, а в лифте люди с улицы, смотрели бы на меня, как на какого-то оборванца. Зачем давать еще один повод для насмешки в этой гостинице? Но вовремя вспомнил, я только

что объяснил, что люблю ходить по лестницам, добавишь еще одну причину, они решат, я путаюсь. И я молчал. Еще вопрос был, почему я лежал в постели одетый, когда они пришли вчера ночью, я что, ждал их? Мне не хотелось говорить правду, но я ничего не мог придумать и ответил, что ждал. Почему, тут же перевел старичок, разве вы знали, что случилось с вашим приятелем? Не знал, но предполагал что-то в этом роде. Но почему, он чуть не воскликнул. Я долго думал, но опять ничего не мог придумать и не ответил. Инспектор спросил, верное ли у них вчера создалось впечатление, что я был рад, когда они пришли. Я сказал, мне очень хотелось доказать, что Вовы не ученые, а ловчилы. Старичок так возмутился, что бросил на стол ручку и поднял ладони к потолку. Неужели в такую минуту вы могли предаваться этим тщеславным побуждениям! Я сказал, что сейчас уже ничего не изменишь, что было, то было. Ну, скажите, задал я вопрос старичку, неужели истина значит меньше, чем несчастный случай? И древнегреческая олигархия родила демократию? Я задал ему еще несколько таких вопросов, и ни на один не получил ответ, так старичок был ошарашен. Мне хотелось ему отомстить, и я напоследок спросил, а что, в Ковенской гимназии Древнюю Грецию не проходили?

На другой вечер

Только успел записать этот вопрос, мне позвонили. Это был Ган. Ну, зачем мне был в такую минуту этот вздорный старик! Но он сказал, что стоит в вестибюле, не разрешу ли я ему подняться. И я прервал запись на половине и спрятал тетрадь.

Ган драматическим жестом бросил на стол "Новую Речь" и сказал: "Видите, я к вам не побоялся прийти. Может быть,

вы за это хоть предложите мне сесть?" Я спросил, почему меня нужно бояться и развернул газету. Там на всю первую страницу чернел заголовок, советчики орудуют в Нью-Йорке.

Пока Ган возмущался, газета вышла утром, а я до сих пор ничего не знаю, я успел прочитать, что советчики, совершив преступление, унесли с собой из гостиницы научный труд Вов, который с большим риском был ими вывезен из Союза и привлек к себе внимание здесь. В течение последних дней неизвестные лица обращались к Вовам с угрозами на улице и по телефону, требуя, чтобы рукопись не была опубликована. Но Вовы, мол, стойко держались. Этим они себя приговорили. А за несколько часов до совершения преступления была предпринята попытка дискредитировать ценность труда Вов, как бы подготавливая американскую общественность к мысли, что исчезновение такого труда и даже его авторов не такая уж большая потеря.

Я сразу понял, что они намекают на мою записку профессору. Я спросил Гана, могут ли здесь посадить невинного. Он ответил, что в Америке вместе с невинными на свободе разгупивает слишком много виноватых и как ни в чем не бывало продолжают заниматься своим грязным делом, его рабочий, например. Тогда я ему показал черновик моей записки и сказал, что это я критиковал Вов. Это его так обрадовало, что он велел мне одеться. Мы должны сию минуту спуститься в ресторан и посидеть там. Конечно, я за вас заплачу.

Я сначала отказался, а потом вспомнил, он мне должен за то, что я следил за его рабочим и за очки, и согласился. Лучше бы он мне дал эти деньги, как раз теперь они бы мнегодились, но сказать ему об этом я не решился, потому что обратил внимание, какое на нем потертое пальто.

Когда мы проходили через вестибюль, мой враг дежурный что-то сказал Гану. Тот посмотрел на меня с улыбкой. Он гово-

рит, что на вас слетаются, как на знаменитость. Когда я спросил Гана, имеет ли администрация право не звать меня к телефону, он сказал неопределенно, что это их бизнес. Я думаю, он так ответил, потому что, несмотря на потертое пальто, сам капиталист. У него было хорошее настроение. Он как бы расцвел, так ему понравилось, что я попал с этими Вовами в такую историю.

Когда мы вошли в почти пустой ресторан, я сразу увидел Риту. Она меня тоже увидела и обрадованно помахала мне. Но я уверен, если бы она была одна, то тут же позвала бы меня за свой столик. Но с ней был какой-то американец. Ган заинтересовался, кто она. Красивая девушка. Это ваша знакомая? Даже глаза стали масляные.

Он рассказал мне интересную историю. Когда владелица пляжа эмигрировала в Америку, она первое время приходила в ресторан со своим хлебом, думала, здесь, как в голодной Москве. Я понял, он за нее не платил.

Ган удивился, почему я до сих пор не могу ничего напечатать. А вы не графоман? Было бы интересно прочитать какой-нибудь ваш рассказ. Я вызвался принести даже сейчас, если он подождет, я мигом. Так мне хотелось, чтоб хоть кто-то прочитал. Я пошел за рассказом, и тут Рита не выдержала:

— Алик, ты уже уходишь? Я хотела поговорить с тобой. Ты еще в той гостинице?

Когда я вернулся с рассказом, Ган протянул мне меню, чтоб я выбрал, что хочу. А я, он сказал, нигде не ем, кроме дома. Конечно, я тоже сказал, что ничего не хочу, и он даже меня не уговаривал, только объяснил, что отсюда нельзя так уйти, ничего не заказав, можете выпить кофе, это для вас не будет так дорого. Или попросить принести кусочек торта. И тут же стал жаловаться, ему нечем платить служащим. Мне даже смешно стало, какой скупой, обещал накормить в ресторане и тут же передумал.

Пока я пил кофе, Ган прочитал мой рассказ. Сказал, ему было интересно, но тут же добавил, может быть, потому, что я вас знаю. Как бы продолжая свою мысль, что мне нечего надеяться на рассказы, Ган сказал, он собирается уволить мальчишку-уборщика. Когда его куда-то посылаешь отнести машинку, он пропадает на целый день, а потом говорит, я ему дал неверный адрес, он якобы искал правильный. Наверное проводит оплаченное время в кино. Чем брать какого-то бездельника, Ган готов отдать это место мне. Я с радостью согласился, лишь бы хватило заплатить за квартиру и осталось еще на питание. И Ган обрадовался, в таком случае мне повезло, как еще никому в мире, как раз над магазином у него пустует прекрасное помещение для холостяка. У него были сотни самых лестных предложений насчет этого помещения, но он даже слышать не хотел. Но со мной, конечно, другое дело. Если я буду у него работать, то смогу там жить. И каждый день у меня еще будут оставаться деньги, которые я должен был бы тратить на сабвей.

Я был так доволен, что даже забыл, чем закончится для меня эта история с Вовами. Я сказал, я приду на работу завтра. Но Ган сказал, он мне сам скажет, когда прийти. Заставил меня потратить деньги на кофе, совсем не мало. Мог бы сам взять, а не чтоб я оплачивал его нахождение в ресторане. Но раз он меня берет на работу, то все остальное пустяки. Я пошел в гостиницу, а он остался на улице со швейцаром, который изо всех сил задул в свисток, вызывая для него такси.

На другой день

Спать не хочется. Ган вчера неожиданно сказал, та учительница, с которой он меня хотел познакомить, умерла. Напрасно вы сторонитесь мадам, он назвал имя владелицы персональ-

ного пляжа. Она о вас спрашивала. Он ждал, что я отвечу. А что я мог сказать? Я молчал. Но про себя смеялся, Ган все не теряет надежды спихнуть меня в объятия какой-нибудь из своих старушек. Хоть так рассчитаться с ними за прошлое. Он в двадцатых годах наобещал им с три короба и ничего не дал. Теперь его совесть мучает.

Конечно, все это я вообразил, может быть, на самом деле совсем не так. Но вчера, когда мы сидели в ресторане, не выдумал же он, что владелица пляжа приходила в ресторан со своим хлебом. Значит, он за нее тоже не платил. Может быть, как меня, давай пойдем, а потом вспомнил, забыл деньги. Если будет настроение, когда-нибудь напишу об этом рассказ. Даже покажу Гану, что он скажет.

Когда старичок и инспектор в прошлый раз прощались со мной, старичок огорченно признался, нельзя понять, почему я был одет, когда они пришли. И ни разу не спросил, что с Вовой. Догадывался, что ничего хорошего, я опять объяснил. Но старичок мне не поверил и увещающе сказал, все равно вы должны были спросить. Он даже повторил, закрыв глаз и устремив в потолок палец, так что получилось немного торжественно, мы, мол ждали, что вы спросите!

Следующий день

Погода хорошая, ясная и настроение тоже. Похоже на нашу зиму, только сугробов нет. Но пруды в парке покрылись льдом. Народу почти никого. Только мусорщик ходил по заиндевевшей траве и накалывал на острие палки клочки бумаги и радужные банки из-под напитков. Все это он сбрасывал в висящий на боку мешок. Он мне показал, где административное здание. Там мне дали анкету, но предупредили, такая работа может быть только весной, сейчас не за кем убирать.

Когда я вернулся из парка, дежурный дал мне толстый пакет и телефонный вызов. В пакете были фото. Я оставил фото в номере, а сам спустился вниз звонить из автомата. Спросили, нужна ли мне посуда. Наверное какой-то благотворительный комитет.

Поднялся в номер, сварил концентрат и разглядывал фото. Нола хорошо получилась, даже лучше, чем в жизни. Особенно если закрыть пальцем лицо. Гопая женщина на ковре. Мне опять стало сильно хотеться, чтоб она приехала ко мне в гостиницу. Или я к ней домой. Еле удержался, чтоб не позвонить.

Вспомнил один случай. Однажды я застал у нее мастера, которого она вызвала, чтобы устранить утечку газа из плиты. Это был молодой длинноволосый парень в распахнутой до пупа рубашке. Видно было, он очень сильный. Они спорили. Вдруг Нола с улыбкой неожиданно ткнула пальцем в его литую грудь. После этого он тут же смолк и согласился еще раз посмотреть, что случилось с плитой.

Еще один день

Утром позвонил мой ведущий из ОМО и набросился на меня, что я, мол, думаю, у них банк, что ли, почему до сих пор не выбрапся из гостиницы! Оставайтесь там сколько хотите, это ваше дело, но мы больше не заплатим за вас ни копейки. Я сначала оторопел, ведь он сам мне позвонил, чтоб я не уходил из гостиницы, а потом меня осенило: я больше следствие не интересую, и теперь ОМО не нужно делать вид, что они так шибко заботятся о своих подопечных. Я так обрадовался, что пообещал тут же уйти. Позвонил Ноле, сказал, фото у меня. Она тоже была довольна. Я сказал, хочешь, я сейчас привезу фото или приезжай ко мне, я буду ждать. Но она заколебалась, она подумает, сейчас. И я услышал, как она прикрыла ладонью

трубку. Заговорила она таким легким беспечным голосом, что я сразу понял, сейчас что-то соврет. Чтоб она не старалась, я спросил, что, твой муж дома? Она тут же ответила, да, и она лучше пошлет за фото Леню, когда он вернется из школы.

Я нарочно подсказал ей про мужа, чтобы проверить, потому что она мне говорила, что он никогда не бросит свою фабрику, пусть дома хоть что угодно случится. Теперь я уже не сомневаюсь. Может, она даже с этим мастером.

Сварил концентрат. Валялся на кровати. Только вечером вышел. Не знаю, приходил Леня или нет, когда меня не было. Может быть. Диккенсовский уродец молча поднял меня в лифте. Видно, он меня боится. Начитался газет и решил, что мне ничего не стоит укокошить человека. Маслов бы сказал: "Не чипай биду". Даже жаль стало уродца.

Следующий день

Ночью кто-то ко мне постучал. Я подумал, это опять из полиции, а это была Рита. Она хотела у меня переночевать. Я был рад, что это не они и, конечно, согласился. Мы полночи разговаривали. Когда я ей рассказал о Вове, она даже вскочила, оказывается, она ничего не знала. Я сказал, нисколько не сожалею о нем, в Союзе ловчил, а здесь еще больше. А она ответила, что эмигранты все такие. Ей бы только собрать деньги на собственный салон красоты и она "поклала" на всех, так Рита выразилась, правда, попросила извинить ее. Но собрать тоже не легко, надо много. Я нарочно спросил, какими духами она надушилась, она ответила, это "Шанель". Вот на этих духах, Вовы утверждали, возродятся новые русские предприниматели. Но потом уже никаких духов я не чувствовал, так Рита накурила. Мы включили телевизор. Она почти все уже понимала по-английски. Она мне объяснила, что ком-

нату мне никто не сдаст, будут бояться, что я не заплачу, раз я еще не работаю. Чтоб я не слезал с ОМО, пока не найду работу. Дайте сами работу, тогда уйду из гостиницы. Пусть с полицией выселяют. А это политика. В Союзе подымут шум: куда вы едете, вас там на улицу выбрасывают! И ОМО как бобик платит за эмигрантов. А те живут в гостиницах по году и плюют в потолок. Не будь дурным, Рита убеждала, ОМО таких ищет.

Когда мы, наконец, легли спать, Рита спросила, могу я не обращать на нее внимания, как будто она не женщина. Кроме того, она еще завернулась в простыню. Я спросил, переехала ли она уже в тот роскошный Восточный район, о котором мечтала. Она сказала, да, у нее квартира с видом на реку, а у дверей швейцар. Она дала мне свой телефон.

Утром я стоял под душем, она вдруг закричала из комнаты:

— Алик, это же твоя миллионерша, я ее узнала!

Когда я вытерся, я забрал у нее фото, но Рита продолжала меня донимать, у него такая богачка, а он готов идти жить на улицу. Я признался, что Нола больше не желает со мной иметь дело.

— Да? Что она говорит! — Рита стала доказывать. — А она знает, сколько надо дать, чтобы иметь такого интеллигентного мужчину? Она больше не хочет! Американец бы ей обошелся не волнуйся во сколько. А на наших они выезжают.

Дай мне ее телефон, я ей скажу пару слов, сказала Рита, но в это время телефон зазвонил. Кто-то спросил, Алик ли я, и, когда я подтвердил, не у меня ли Рита. Я не подумал и сказал, что да. Рита была очень недовольна, взяла у меня трубку и сердито ответила, что сейчас приедет. Я решил, это тот парень на высоких каблуках и с кривыми ногами, который на проводах Джона вцепился в нее, как клещ. Рита подтвердила, что это он, но я должен был сказать, что ее у меня нет. Теперь, когда ей снова захочется от всего отдохнуть, будет негде, пото-

му что он уже знает, где ее искать. Она сказала, что если я уйду из гостиницы, чтоб я ей позвонил и дал свой новый адрес, а если трубку возьмет мужчина, чтоб я ничего не говорил и повесил трубку. Рита сказала, что ей бы хотелось пригласить меня к себе, но я должен ей поверить, это пока невозможно. Потом, когда она ни от кого не будет зависеть, тогда.

Хотел ее угостить концентратом перед уходом, но она отказалась, а у меня ничего другого не было. Она спросила, есть ли бананы.

После завтрака я надел костюм и галстук и пошел к дежурному. В кармане у меня лежали деньги, которые мне поменяли за рубли при выезде из Союза. Я хотел заплатить за номер, начиная с сегодняшнего дня, но дежурный замахал руками: нет, нет, я должен освободить номер. Я спросил, где хозяин. Он ответил, нет хозяина! А тоненькая пачка долларов, которой я тыкал в пуленепробиваемое стекло напротив его носа, не производила никакого впечатления. Он все повторял: нет. Я ушел, мое дело было предложить.

Ходил по магазинам в цветной части города. Конечно, осенью, когда пасмурно, как сегодня, там не так пестро, но все-таки чувствуешь себя как будто в другой стране. На тротуарах больше бумаг, картонной тары, мусора в разноцветных мешках, которые владельцы всяких заведений оставляют у обочины, чтобы их подобрала уборочные машины. Не видел, чтоб кто-то подметал улицу. Иногда продавец в фартуке выскочит из лавочки и шарканет миниатюрным веничком перед своей дверью. А остальная улица его не касается. Если бы мне дали настоящую метлу, я бы просто подметул улицу, как подметают дворники. Но сначала я бы ее полил, чтобы пыль не летела на прохожих. Во всяком случае узнал бы, подходит мне эта работа или нет. По-моему, да, но я хочу проверить на практике.

До самого вечера стоял в книжном магазине и листал книги. Только пришел к себе, позвонил Леня, они с мамой опять ждут на углу. Я взял фото и вышел. Сразу было видно, что отношение не то. Нола как только меня увидела, даже не поинтересовалась, что у меня и как, сразу попросила дать фото, а то они спешат. Потом спохватилась, получилось, она со мной больше не хочет иметь дело, и с улыбкой, словно я все еще соучастник обмана ее мужа, сказала, что я-то хорошо знаю, что она должна быть вовремя дома, чтобы не вызывать подозрений. Эта улыбка так на меня подействовала, что я без слов ткнул ей конверт с фото в окошко машины и пошел. Нола что-то кричала мне вслед, но я решил не возвращаться.

Только я поставил концентрат на плитку, она постучала. Ты забыл вернуть пленку, где она? Чтоб ее позлить, я ответил, черт его знает, ищи сама! Я видел по ее лицу, как она возмущена, но вдруг она спросила миролюбивым тоном, не помогу ли я ей снять плащ и можно ли присесть. Не прошло и минуты, как она сняла и вязанку и осталась в одной блузке без рукавов. А села на кровать. Теперь я уже не сомневался, что когда я ей звонил насчет фото, она прикрыла телефонную трубку, чтобы спросить у этого мастера по ремонту, долго он собирается у нее оставаться, чтобы знать, сможет ли она приехать за фото. Я напомнил ей, что ее муж не любит, когда ее по вечерам нет дома, чтобы дать ей понять, что я ее не держу. Она сначала тем же наигранным тоном ответила, что ничего с ним не случится, если он один раз пообедает на час позже, а потом заплакала. Я к ней не подошел и стал кушать. Она затихла и, опустив голову на подушку, уставилась в потолок. А ноги в туфлях свешивались на пол. Я помыл кастрюлю, из которой ел, а она все лежала. Наконец молча поднялась и стала неохотно натягивать на себя вязанку. Так не отдашь пленку, она спросила. Я совсем не думал не отдавать, просто забыл вместе с фото вложить пленку в конверт, но сказал, не

отдам. Она не стала спорить и спросила, как я живу. Я ответил, что ничего. Она взглянула на мою кастрюлю на залитой электрической плитке и повторила, зачем мне пленка, она и так сделала бы для меня все, что смогла. Я спросил, что все. Но Нола вздохнула и сказала, ей не так хорошо, как может показаться со стороны. После этого Нола поднялась, ей действительно нельзя дольше у меня оставаться, может быть, я завтра к ней приду? И протянула на прощанье руку. Так приедешь? Я молчал. Она смотрела на меня с таким видом, как будто просила о большом одолжении. Я не понимал, в чем дело. Вдруг что-то мне подсказало, она боится, что я потребую за эту пленку те сэкономленные от мужа деньги. Это так на меня подействовало, что я полез в тумбочку, чтобы отдать ей пленку, но там пленки тоже не было. Я сказал Ноле, что отдам, как только найду, мне она не нужна. Поняла, я на нее прикрикнул. Не нужна! Ноле всю залило краской, так это ее обрадовало. И видно было, ей стало стыдно, что она меня в таком подозревала. Найдешь или нет, приезжай, она сказала. Я тебя прошу! Помахала мне рукой и хлопнула дверью.

Посмотрю еще телевизор и лягу спать. Наверное, раскошелюсь и куплю метлу.

Следующий день

Приехал к Ноле. И напрасно. Уехал ни с чем. Как только я вошел, она стала жаповаться, Леня, мол, не хочет готовить уроки, а в машине не работает сигнал, надо куда-то ехать чинить. Дала понять, что ей не до меня. Но когда я поднялся, чтобы уходить, Нола спохватилась, ты уже? Пойдем, я тебе покажу кое-что. Мы пошли в ее спальню. Нола примерила новую блузку и спросила, идет ли ей. Блузка довольно элегантна, но видно, что Нола уже не такая молодая. Постель наспех при-

крыта накидкой, измятые подушки, даже комнатные туфли мужа она поленилась припрятать к моему приходу. Раньше она идеально прибирала эту спальню, я даже не догадывался, что это общая, думал, только ее. Нола сказала, что ей пора. Подвести тебя до сабвея, она спросила, я все равно еду мимо. Я хотел ее тоже спросить, зачем она тогда звала меня к себе в такую даль, почти час ехать в один конец. Но она и сама, видно, почувствовала, что слишком бесцеремонно со мной обошлась, и сказала, я должен извинить ее, но сегодня у нее ни на что нет настроения. В следующий раз я встречу тебя лучше.

Я даже не попрощался, так был зол на нее, и ушел. Вернулся в гостиницу и позвонил моему ведущему, потому что он звонил в мое отсутствие, мне дали талончик. Он мне не дал и слова сказать, все время отчитывал. Выходило, я бросил деньги в телефон, чтобы он меня обругал. Только когда автомат предупредил, что время истекает, я прокричал, что мне больше от него ничего не надо, я уже устроился. Тогда он велел прийти оформить документы.

Опять в ОМО я застал этого сатирика с немдытым лицом. Он подтащил к себе пепельницу на треноге, положил на соседний стул сигареты и меховую ушанку, и видно было, чувствовал себя, как дома. Если сюда ходить год, как он в прошлый раз о себе говорил, то ничего удивительного, можно привыкнуть. Он меня узнал и как ни в чем не бывало спросил, это в моей гостинице был недавно случай с эмигрантом? Тут меня вызвали к ведущему и я ушел.

В кабинете ведущего была нормальная температура, не такой зной, как в прошлый раз, и я был не прочь продолжить наш спор, но, видимо, на этот раз ведущий не был расположен вести длинные разговоры, а только спросил, ушел ли я из гостиницы или еще нет. Я ответил, что не ушел, но буду платить за себя сам. Он тут же предложил мне подписаться под какой-то бумажкой и поспешил спрятать ее в стол. После этого

сказал, что не спрашивает меня, какими средствами я располагаю, но если я могу сам себя содержать, то это хорошо и он меня поздравляет с устройством в Америке. Приподнялся со своего места и протянул мне через стол руку. Конечно, было заметно, что он поздравляет меня, потому что это входит в его служебные обязанности, а вовсе не от души, но я думаю, если бы у меня не скребли на душе кошки, что будет через несколько дней, когда кончатся мои доллары, то было бы приятно получить даже такое вымученное поздравление.

Потом, как я понял по его торжественному виду, полагалось провести со мной какую-то напутственную беседу, и он начал ее с того, что вынул из моего личного дела корешки чеков и подсчитал, сколько на меня ОМО потратила. Вышло довольно много. Он сказал, он надеется, пусть не сразу, может быть, через месяц-два, когда я уже прочно стану на ноги, я начну понемногу возвращать эти деньги, чтобы ОМО могла продолжать свою деятельность и помочь другим приехать сюда, может быть, даже моим родственникам. Я вспомнил, что за все время написал только два письма двоюродной сестре, больше у меня никого нет, одно, что благополучно приехал, а в другом, что все хорошо, пусть она за меня не волнуется. И какие здесь цены. Ведущий продолжал, мы никого не заставляем сюда ехать. Это дело каждого решить, где он хочет жить. Но какой еврей захочет оставаться в той стране? Хотя есть такие, которые приезжают сюда, мы им помогаем, сколько можем, а когда приходит время идти работать, они вдруг говорят, что им не нравится то или это, и приходят к нам скандалить и творить всякие безобразия. Такие тоже есть, и наверное вы это хорошо знаете. И мы им даем еще чеки. А что делать? Это же евреи, и мы ждем, когда в них заговорит совесть.

С ним нельзя было не согласиться, работать не все хотят, например, этот сатирик. Но ведущий был недоволен таким тол-

кованием его слов, наверное, подумал, что я тоже хотел бы так долго ничего не делать и приходить сюда за чеками, как сатирик, и возразил, что не может быть ко всем одинаковое отношение. Это же евреи, я нарочно напомнил ему его слова. Нет, он ответил, есть такие, которые только называют себя евреями, а в душе остаются советскими. Когда люди приезжают к нам с открытой душой и делают всякие, пусть даже не очень красивые вещи, например, что-нибудь украдут в магазине или займутся торговлей наркотиками, мы им все равно поможем. Наймем адвоката, даже заплатим залог, чтобы такой человек не попал в тюрьму. А за меня вы бы заплатили залог, я продолжал допытываться. О'кэй, он вдруг опомнился, меня ждут другие эмигранты. Вы у меня не один. Не понимаю, почему он ко мне так относится. Сам же затеял разговор. Я думаю, потому что я с ним спорил в прошлый раз, не только из-за Вовы. Для таких людей хуже нет. Сержант, который гонял меня в армии, тот тоже, скажешь наперекор слово — наряд вне очереди! А начнешь оправдываться, еще хуже, три наряда. Поэтому я ничего моему ведущему не стал объяснять, он бы для меня нашел наказание. Я только спросил, мог бы я здесь подметать улицы, эта работа бы мне подошла, а мусорщики требуются, потому что многие улицы не подметены. Он опять повторил, здесь каждый может делать, что хочет, а куда пойти и с кем поговорить об этой работе, так и не сказал. Не знает.

Я опять возвращался той улицей, где много лавок, метлы ни одной не нашел, но были большие швабры, очень дорогие, я бы мог неделю жить на эти деньги. Но я все-таки купил. Швабру мне вложили в большой бумажный пакет, а палку я так и внес незавернутой в гостиницу. Дежурный меня подозвал и сказал, чтоб я заплатил деньги. Наверное после моего ухода ему позвонил ведущий из ОМО и предупредил, что организация меня больше не содержит. Я заплатил за неделю, начиная со вчерашнего дня. У меня осталось еще на неделю за го-

стиницу и немножко меньше недели на питание.

Вечером ходил в книжный магазин, немножко погулял и — в гостиницу. Захотелось написать рассказ о Ноле. Сел, но ничего не получилось.

На другой день

Я теперь не ставлю числа, потому что по сути писать не о чем. Но покупаю американские газеты и знаю, что сегодня второе ноября. Думал попробовать сегодня подмести улицу, но надо было идти за машинкой. Насчет работы Ган ни слова. На обратном пути наметил квартал для уборки. Там двухъярусное движение транспорта, и ветер намел кучи мусора к опорным стенкам. А прохожих мало, никто не будет удивляться тебе в лицо. Вернулся домой, лег и смотрел на машинку. Зачем я ее тащил такую даль, все равно рассказ о Ноле не получился. Хорошо, что Ган мне ее дает бесплатно.

Я собирался пойти купить что-то поесть, вдруг постучал Леня. Сказал, приехал просто так, скучно. Но мама не знает, что ко мне. Он меня спрашивал, как я открыл дверь на цепочку и увидел черных? Как все было, расскажите. Я устал отвечать и даже прикрикнул на него, ты ради этого приехал? Леня рассказал, в школе у него все хорошо, но он хотел бы перейти в другую. Мама меня все время таскает по докторам, она думает, я не справляюсь с тестами, потому что болен.

Мы с ним вышли, и я проводил его к сабвею. Вернулся в номер и вспомнил, вчера, когда я был у моего ведущего, даже пепельницы на его столе я не заметил. Видно, он решил больше не истязать себя сигарами, чтобы казаться американцем. Зато старается говорить с акцентом. Наверное это адский труд, произнести не так каждое слово, к которому привык с детства.

Сейчас запишу, что было сегодня. Я дождался, пока уборщица пришла убирать мой номер и попросил у нее один из засунутых за пояс пластиковых мешков для мусора. Но этим мешком я не воспользовался, а сыпал мусор в картонные ящики из-под тары, которые владельцы магазинов складывали на обочинах улиц. А на совок я оторвал крышку от такого ящика. Конечно, имей я лопату, работа была бы удовольствием. Когда в мусоре попадалась тряпка, картонный совок складывался пополам. Приходилось отрывать от ящика новую крышку, а тряпку, ею могло оказаться даже длиннополное пальто, вытягивать из кучи руками. И потом, когда появлялся зеленый свет и в шаге от меня начинали проноситься машины, все невесомое из развороченной кучи зашвыривалось мне в лицо. А прохожих мне не было стыдно, нас разделяла проезжая часть. С другой стороны улицы я любовался на результаты моей работы. Четыре полных ящика мусора, каждый величиной с хороший сундук, и я еще не поленился аккуратно выстроить их вдоль обочины. Правда, у ящиков уже белели только что пригнанные ветром бумаги. Но они лишь подчеркивали идеальную чистоту у опорной стенки. Остальные стенки, до колен засыпанные мусором, еще ждали своей очереди.

Было темно, когда я вернулся домой. Помылся и пошел в книжный магазин. Оттуда на Бродвей. Если бы я был на настоящей работе сегодня, то на заработанные деньги купил бы билет в кино. Или зашел бы в какое-нибудь заведение. Там их много, и у дверей каждого стоят девушки в одних трусах и на высоких каблуках. Одна напоминала нашу десятиклассницу из района, приехавшую поступать в техникум. На миг появилась дурацкая мысль, что она говорит по-русски. Постоял, постоял и ушел.

Мусор не убирал. Писал дома заметку в газету. Мне пришло в голову, всюду пишут, что похитили вовин научный труд. А ведь они его держали в банке! Но все не просто. В американскую газету не попадешь, пока из редакции не позвонят вахтеру, чтоб пропустил. Внизу внутренние телефоны — объяснять, зачем. Я часа два объяснял, пока они не нашли кого-то в редакции, кто немного говорит по-русски. Он подтвердил, да, его газета тоже печатала о случае с Вовой, но, конечно, не так подробно, как эмигрантская, нет места. Я ему отдал заметку. Он обещал перевести и показать начальнику. Не знаю, как он переведет. Заметку он называет "сказка". Наверное, со словарем, как я. Сказал, он мне позвонит. Надо было его предупредить, я скоро выберусь из гостиницы, но я забыл. Когда я спросил, как он думает, поместит эту заметку газета, он ответил, может быть. И то место, где я спрашиваю редактора "Новой Речи", какие у него основания намекать метровыми буквами, что я советский агент. Тогда будет ясно, я объяснил, что все высосано из пальца.

Настроение приподнятое, потому что, как и тем, из полиции, я мог высказать мое мнение, и меня слушали. После редакции собрал мусор у последней стенки. Тех ящиков, которые я наполнил мусором позавчера, тоже уже нет. Санитары забрали. Мне стало ясно, у них нет времени подметать улицы, они только забирают упакованный мусор. Я бы убирал, мне работа подошла, но кто будет платить?

Вернулся в гостиницу, принял душ. Когда стоял под душем, показавшись, звонит телефон. Возможно, хотел что-то уточнить газетчик. Я думал сходить в книжный магазин, но решил подождать, может быть, газетчик еще позвонит. Никто не звонил, и я отправился в магазин. После магазина пошел на Бродвей, надеялся увидеть еще эту девушку. Дверь заведения вроде узнал, но сегодня у двери никто не стоял,

наверное, потому, что дул холодный ветер с дождем. Я хотел посмотреть, есть ли она внутри. В коридоре за ободренным столом сидела женщина в одном лифе и продавала входные билеты. Не успела она обратиться ко мне, как вошел какой-то старик, и она занялась им, а я поспешил уйти. Конечно, это ерунда, девушка не русская, я ведь слышал, как она задирала прохожих. Но я решил подождать на улице, возможно, она выйдет. Ждал, ждал, весь промок и вернулся в гостиницу.

Никуда не буду выходить, чтобы не пропустить звонок. Только утром надо будет сбегать купить концентрат, бананы и хлеб. Если бы я помнил, как называется каша, которую готовила Нола, я бы тоже купил, но я забыл.

Спустя два дня

Эти дни сидел дома. Никто не звонил. Пошел в парк. Американцы прогуливали собак. Когда вернулся в гостиницу, думал, администратор мне даст талончик, но он не дал. Я опять вышел на улицу и просто не знал, куда деться. Ходил по улицам, пока не замерз. Дома включил телевизор, и вдруг — звонок. Я был уверен, это из газеты. Но услышал Гана. С досады чуть не положил трубку. Надо было бы. Все равно он о работе ничего не сказал.

Пришла уборщица убирать комнату. Я спросил, почему она больше не поет. Уверен, что она меня поняла. Покраснела, даже сквозь черную кожу было заметно. Вдруг она вышла. Я решил, она обиделась, но через несколько минут она вернулась, вся сияя, и поставила на стол электрический утюг, о котором я просил ее давным-давно, еще когда приехал в эту гостиницу. Мне он уже не был нужен, потому что я купил две рубашки, которые не надо гладить.

Сварил концентрат и пообедал. А потом пошел на Бродвей. Педал редкий снег и тут же таял. И мокрые тротуары были красными, столько реклам. И из магазинов, где продавали радио, еще доносилась музыка. И толпы прохожих. Какой-то бурлящий котел. Те черные двери, где стояла девушка, я опять нашел. Купил себе еще рогалик с лотка, чтоб казалось, будто для меня посетить такое заведение это обычная вещь, и вошел. Я думал, у них альбом с фото, тогда бы я проверил, есть эта девушка или нет. Но на столе у толстой в лифе, что сидела у входа, не видно было никакого альбома. Я сказал ей, правда, про альбом, но она меня или не поняла или ей лень было принести, и даже не сдвинулась с места. Правда, она такая толстая, что на ее месте я бы тоже не спешил подняться. Я вернулся на улицу и стоял у входа, пока не промок, но девушка не выходила. Я решил вернуться в гостиницу, на радиаторе высушить обувь и плащ и вечером опять пойти. Ведь должна же она когда-то выйти, хоть свежего воздуха глотнуть, в заведении у них такая жара и еще какой-то сладкий густой запах, долго не выдержишь.

В вестибюле гостиницы я увидел кандидата наук, который подвез меня с ввиной лекции. Он меня тоже узнал и обрадовался. Оказалось, он ждал свою родственницу, эмигрантку, ее тоже поселили в этой гостинице, но она куда-то ушла. Кандидат сказал, больше ждать не будет, мотается с самого утра. Можно у меня пару минут отдохнуть и закусить, а то тут неудобно? Он забрал свои пакеты с дивана и у меня на столе разложил закуски. А это самое лучшее виски, он объяснил, канадское. Я сказал, я редко пью, но сейчас выпью с удовольствием, продрог, а он спросил, где у меня туалет. Он ушел в туалет, а я налил себе, выпил и закусил. Закуска была вкусная, красная рыба, копченая колбаса. Кандидат высунулся из туалета и сказал, я могу все скушать, все равно он с собой не заберет. Отдохнет немного и уедет. Я думал, он спросит что-то

о Вове, но он о нем даже не вспомнил. Только поинтересовался, что я делаю, работаю ли уже. Я ждал, когда он выйдет, чтобы снова пойти на Бродвей. Наконец, он появился, и мы вышли на улицу. Сел в свою машину и уехал. Даже забыл попрощаться, так торопился.

По дороге к Бродвею я ругал себя, зачем ел его закуску. Выходило, все меня подкармливали, Нола, Вовы, а теперь этот. А сначала владелица пляжа.

Эту девушку я сразу увидел. На ней были высокие сапоги, шорты и рыжая жилетка, надетая на голое тело, виден был даже пуп. Наверное, у меня был очень глупый вид, когда я к ней обратился по-русски. Она тут же положила голую руку на мой мокрый плащ, а я обнял ее за талию, прикрыв ладонью замерзший пупок. В таком виде мы предстали перед толстой продавщицей входных билетов. Я вытащил из кармана все мои деньги и протянул ей. Она отсчитала на билет, а остальное вернула мне. Девушка повела меня по узкой лестнице наверх, принесла откуда-то сапожный ящик и велела поставить на ящик ногу. Почистила туфли. Я их ни разу не чистил как следует после приезда в Америку, не привез щетки, только вытирал тряпкой, и туфли были изрядно грязны. Она навела блеск. Но не очень умело. Я бы почистил лучше, если бы мне дали щетку и крем. После этого показала, я должен ей еще десять долларов, тогда мы пойдем сюда. Открыла дверь, я увидел кровать и опущенную штору на окне. Но у меня не осталось десяти долларов, меньше.

Тогда она мне что-то стала говорить, я не понял. Настаивала. Ничего не понял. Повела меня вниз. Та в лифе у входа написала на бумажке пять долларов и дала мне. Это кредит, объяснила. Теперь ясно, пять долларов они взяли за чистку обуви, а это сдача. И я могу в следующий раз принести эту бумажку и еще десять долларов, и меня пустят.

Когда я вышел на улицу, девушка моя стояла с какими-то неграми. Увидела меня и попрощалась, как со знакомым, помахала рукой и сказала, чтоб я приходил. Мне не было обидно, что так кончилось. Это их невинная хитрость. Нельзя сказать, что так дорого, никто не пойдет, поэтому они чистят туфли. А если прийти к ним в чищенных, наверное, могут постричь. Или пуговицу пришить, если плохо держится.

Девушка мне понравилась. От нее сильно пахло вином, когда мы подымались по лестнице, я чувствовал. Но с другой стороны, не согревая себя из бутылки, попробуй постоять с голым животом в такую погоду. Но смешно ходить туда, когда денег в обрез. Когда найду работу, другое дело.

Диккенсовский уродец повез меня в лифте. Стоял у своих рычагов и молчал. Я тоже.

Только что позвонил Ган. Говорит, администратор жаловался, сегодня целый день звонят эмигранты, возмущаются, почему гостиница предоставляет кров советчику, которому нечего делать в этой стране. У меня даже мороз прошел по коже, что могут выслать. Конечно, я себя уговаривал, что не могут. Все равно я уже не был спокоен. А о чем вы думали раньше, закричал Ган. После него позвонил Леня. Я буду говорить тихо, чтоб они не услышали, они смотрят телевизор. Они думают, я звоню товарищу, а я уже давно никому не звоню, потому что они мне никогда не позвонят. А как ваши дела? Я уже в школу не хожу, меня хотят перевести в младший класс, а мама бегает и кланчит, чтоб оставили. Но я хотел бы, чтоб меня перевели в другую школу, потому что с теми ребятами у меня нет ничего общего. Знаете, как по-английски кланчит? Смешно, правда? Есть еще одно английское слово, я сейчас посмотрю в словаре, я забыл. А вы пока подержите трубку, я сбегая наверх. Мы с ним еще долго говорили, пока он не предупредил, вот кто-то идет, скоро он опять позвонит, чтобы узнать, как у меня.

Не успел я положить трубку, опять звонок. Зачем я поживал в Америку, услышал дребезжащий голос. На велфэр? За счет наших налогов? А служить большевикам? Где моя совесть? Такая ересь. Я хотел спросить, что такое велфэр, но старичок страшно разнервничался и даже швырнул трубку. Следующему мне удалось все объяснить, а когда я спросил, что значит это английское слово, он ответил, что если я не знаю, то мне и знать не надо. Но скорее всего я знаю, потому что эта третья эмиграция очень хитрая.

Накрыл телефон подушкой, чтоб не трезвонил, сейчас лягу. Под голову положу словарь, а на него пиджак. В первый раз за это время пожалел, что дежурит не мой враг, он бы мой телефон ни с кем не соединил.

Декабря, следующий день

Я варил завтрак на плитке, вдруг постучали. Пришел хозяин. Как всегда смущенно улыбался, особенно когда объявил, что хотел бы получить вперед за следующую неделю. А еще оставалось два дня. Я спросил, почему сегодня. Он стал объяснять, но я не понял. Вдруг он сказал это по-русски. С небольшим акцентом. Это так меня удивило, что я, не раздумывая, полез в чемодан и дал ему за неделю вперед. Осталось совсем мало, на еду не хватит. Если бы я не заплатил за вход в то заведение, то хватило бы. Но я не жалею. Вдруг хозяин увидел мою швабру, которую я купил, чтобы убирать улицу. Позвал уборщицу, ткнул пальцем в щетку и стал ей что-то выговаривать, наверно, как она посмела забыть у меня такую ценную вещь. Я сказал, это моя, но видно было, он не очень мне верит. Когда он ушел, я пожалел, что не догадался предложить ему купить у меня эту щетку за полцены, ведь я ею ни разу не пользовался. Но он бы, скорее всего, не купил. Мне

кажется, он ушел разочарованный. Может быть, надеялся, я не заплачу, и тогда он меня выселит. Если быть справедливым, то известное беспокойство я ему причинил, особенно когда заявил, что по его гостинице свободно разгуливают налетчики. К тому же еще далеко не выяснено, что я собой представляю. Судя по полицейским допросам, ничего хорошего. Так что я его понимаю.

Гулял. Выпал снег, улицы белы, только дороги машины уже раскатали до чернильного блеска. В сапожной мастерской я показал свои туфли, каблуки совсем сбились. Но ремонт стоит дорого, и я не отдаю. Там сидел один сапожник, я по лицу сразу угадал, что он эмигрант. Я спросил, как он устроился. А вы сапожник, он мне ответил. Так что вы спрашиваете? Вам должно быть без разницы. И правда.

Вернулся в гостиницу за шваброй, чтоб отнести в магазин. Но снег так изменил вид колониальной улицы, что я долго искал этот магазин. Я думал, придется доказывать, что я купил у них щетку, но продавец меня ни о чем не спросил, преспокойно положив ее в ящик с другими швабрами и вытащил взамен другую. А деньги ни за что не хотел вернуть. Подвел меня к кассе, там было написано, что деньги не возвращаются. Я оставил у них швабру и ушел. Все равно мне она ни к чему.

Пока я относил швабру, они укатали из моего номера телевизор. Должно быть, хозяин думал, это такое для меня лишение, что я тут же убегу из его гостиницы. А мне все равно.

Но лег и почувствовал, что мне обидно. Я же заплатил. Уже не лежалось, и я спустился вниз искать хозяина. Он насмешливо смотрел, как я иду к нему, наверное, догадывался, в чем дело. Охотно объяснил, он взял с меня только за номер, а если я хочу телевизор, надо платить отдельно. А как же раньше, я хотел узнать. ОМО за вас оплачивала все. Я уже

уходил, он вернул меня. Кастриюлю вам дали? Это они тоже за нас оплатили, потому что вы одиночка. Когда будете уходить, можете забрать ее, теперь она ваша.

Мне стало приятно, что обо мне заботились, как обо всех. Не меньше. Я воспользовался тем, что у него хорошее настроение и спросил, почему, когда меня ругал дежурный за телефон, он не вступился. Он пожал плечами. Это ничего. Вам никакого вреда. И поспешил уйти. Я понял это так, он человек не плохой, но все-таки не хочет, чтоб я у него оставался.

Снова пойду на улицу. А что делать?

Двумя днями позже

Продолжу рассказ о том дне. Когда я вечером вернулся в гостиницу, то увидел в вестибюле Риту. Дежурный вышел из-за стойки и шутил с ней, даже пытался ее обнять, но Рита кружилась вокруг колонны, а он был слишком толст, чтобы ее догнать. На щите коммутатора вспыхивали лампочки телефонных вызовов, но дежурный не видел. Когда Рита меня увидела, она удивилась:

— Алик, что, ты уже стал таким занятым человеком, что тебя нужно целый час ждать! Где ты открыл свой бизнес?

Она не хотела подняться ко мне, сказала, у нее болит голова, лучше пойдем куда-нибудь на воздух. Когда мы вышли на улицу, она призналась: знаешь, я тебе скажу честно, я хотела бы у тебя отдохнуть, как тогда, но они меня найдут. Давай лучше пойдем в другое место. Твоя миллионерша один вечер как-нибудь перебьется без тебя. Я спросил, мог я ее недавно видеть в длинной машине у "Мюзик-холла", но она сказала, что нет. У самого Бродвея она показала мне гостиницу и сказала, чтоб я договорился насчет номера. И дала деньги.

Мы вошли в ободранный коридор, и я сразу увидел, что в сравнении с этой моя гостиница дворец. К стойке дежурного вели несколько ступеней, как бы для того, чтобы он мог с высоты обозревать, что творится в его заведении, а на ступеньках сидели три цветные девы и расчесывали волосы, концы которых лежали у них на коленях. Они лениво раздвинулись, пропуская меня с Ритой, дежурный взял у меня деньги и позвал уборщика, который отвез нас в лифте в нашу комнату. Она была почему-то треугольная, и в ней стояли только кровать и ночной столик, больше ничего туда бы не поместилось. Еще, правда, круглое зеркало висело над кроватью. А кровать была расстелена и измята. Рита возмутилась, за такие деньги и такой номер, но потом решила, что одну ночь здесь можно провести. Она сказала, что мы пойдем купить сигареты, а уборщик пока что приведет номер в порядок. Когда мы вернулись, лежала уже свежая постель, и от этого в комнате стало приятнее. Она мне рассказала о своем инженере в Канаде, он к ней, наверное, никогда не приедет, и жизнь дала трещину. Конечно, если бы мы сидели там, все было бы хорошо и был бы уже ребенок. А так он пьет и легко попадает под чье-то влияние. Я спросил, зачем она тогда эмигрировала, но Рита вдруг возмутилась, ой, что ты говоришь, что ты говоришь! Если бы мы не уехали, его бы посадили. Уже пришла повестка к следователю. Он же был на такой работе, что каждый час надо было ставить голову. Ты знаешь, сколько он имел каждый день? Потом она другим тоном сказала, что хотела бы попросить меня сделать одно одолжение, положить ее деньги в банк на свое имя. Она полезла в лиф и вытащила оттуда пачку долларов. Она объяснила, у нее болит зуб, а в госпитале записывают все твои документы, и если потом оказывается, что у тебя что-то есть в банке, то снимают эти деньги в оплату за доктора. А если у тебя ничего нет, то можно лечиться бесплатно. Она раскрыла рот и показала, какой зуб у нее болит. Я согласился. Рита обра-

довапась, завтра утром мы пойдём в банк, и через минуту я буду свободен.

Мне не хотелось ночевать в этой гостинице, но оставлять здесь Риту одну было бы свинством, в коридоре все время топали какие-то люди, и покати́лась по полу бутылка, а за стенкой кто-то плакал. Один раз даже постучали в нашу дверь по ошибке. А когда мы потушили свет и легли, вообще созда́лось впечатление, что ты лежишь в коридоре, такие тонкие были стенки. Рита все время говорила, а я думал, что мог бы написать рассказ об этой комнате. Наверное, из-за ее необычной формы. Но я еще не знаю, какой придумать сюжет. Видно, хозяин выключил к ночи отопление, потому что стало холодно. Я узнал у Риты, как по-английски одеяло, и хотел пойти к дежурному, попросить еще одно. Но Рита сказала, что не хочет оставаться одна и предложила положить сверху ее шубу. Шуба была очень тяжелая, значит, мех натуральный. Я спросил, сколько она стоит, но Рита ответила, что не знает, ей подарила одна клиентка, наверное, немало. Но я еще на улице видел, что шуба новая, выходит, Рита соврала. А сколько ты хочешь положить в банк, я спросил, но Рита вдруг закричала, что ты волнуешься, я никого не убила! Это мои деньги, и пусть у тебя из-за них голова не болит. После этого она уткнулась в подушку, и я решил, что она плачет. Нола бы после такого разговора обязательно заплакала. Но Рита вдруг как ни в чем не бывало сказала злым голосом, чтоб я передал ей спички, они пежат с моей стороны на столике.

Рита закурила, а потом спросила, как по-твоему, где здесь может быть туалет, мне надо. Мы встали и вместе пошли искать туалет, одна она боялась идти. Вернувшись, она устроилась на кровати на коленях и стала причесываться перед зеркалом. Я привык видеть ее с затянутыми волосами и удивился, не думал, что у тебя так много волос, но это тоже ее разозлило. Может, ты вообще не думал, что я женщина? Что, ты

так страшно влюблен в свою богачку? Пусть она тебе купит хотя бы пальто, чтобы ты не ходил в плаще в такую погоду!

Когда мы снова улеглись, Рита спросила, встречаюсь я опять с Нолой или наша ссора еще продолжается. Я ответил, продолжается. А я тебе совсем не нравлюсь? Мне не хотелось ее обижать, и я ответил, что у нас совсем другие отношения, но мне нравится, что у нее розовые пятки. Неожиданно это Риту очень обрадовало, она даже рассмеялась, откуда ты знаешь? Я сказал, я давно заметил, еще когда мы занимались английским в ее номере, и сейчас тоже, когда она стояла на коленях и причесывалась перед зеркалом. А у твоей миллионерши? Мне тоже стало смешно. Наверное, тридцать восьмой размер. Вот видишь, она сказала удовлетворенно, подожди, у меня через год будет свой салон красоты. На Восточной стороне, там живут все богачи. Твоей миллионерше хорошо, она пришла на готовое, а я должна все сама. Алик, спасибо тебе, что согласился взять мои деньги. Я сказал, что каждый бы это сделал. Что ты говоришь, что ты говоришь, Рита закричала, ни одному эмигранту нельзя верить! Вдруг я вспомнил, ты не взяла пленку из конверта с фото, когда ночевала у меня в гостинице? Я должен отдать Ноле. Рита сказала, что нет. Даже удивилась, нет, что ты! Там не было никакой пленки.

Я не заметил, как заснул, а утром мы пошли в банк и открыли счет на мое имя. После банка Рита взяла такси и уехала. А я пошел в гостиницу. Не успел войти, меня позвал дежурный: "Эй, мистэр!.." и дал эмигрантскую газету, свернутую трубочкой. На полях кто-то написал мою фамилию. Сначала я обрадовался, подумал, они напечатали мой рассказ, но тут же вспомнил, что редактор мне все вернул. Я не понимал, в чем дело, пока не присмотрелся к одному фото. Это был я, в своем номере, в руке у меня стакан, а на столе бутылка. Я сразу понял, этот снимок сделал кандидат наук, когда напросился ко мне в номер отдохнуть. Как ему это удалось, не представ-

ляю. Я ничего не заметил. Может, когда он приоткрыл дверь из уборной, я как раз сидел за столом. А фото такое темное, что только я могу себя узнать. Под фото они написали: "Этот темный (на снимке!) насельник гостиницы последний, кто видел Вову живым. Насколько можно видеть, в руках у насельника бутылка канадского виски "Джонни Вокэр Рэд", 19.99 кварта. Откуда у нового эмигранта, живущего на пособие, такие деньги? В некоторых магазинах эти виски продаются за 20.99".

Я пошел в парк. Там почти никого не было. Туман, мокро. И горят фонари лимонного цвета. Вчерашний снег растаял. Только на траве немного осталось. И на скалах. Настроение плохое.

Из парка начал звонить газетчику, которому отдал заметку, но решил, раз ее не напечатали, то от него ничего не зависит, и нечего жаловаться. Ведь опыт у меня уже был. Когда задираешь начальство, должен знать, что тебя ожидает мало приятного, и нечего жаловаться. Написал же в приказе директор издательства, что по моей вине была задержана сдача в производство брошюры передовика-ремонтника трамвайно-троллейбусного управления, чтобы на этом основании объявить мне выговор, хотя всем было известно, что я сдал материалы своевременно. А эти объявили меня алкоголиком. Почти то же самое.

Я еще ходил по парку, потом вспомнил, что сегодня ничего не ел, и побежал домой, так вдруг захотелось. Сварил концентрат, а потом посмотрел, что за талончики дал мне внизу дежурный. Один был от Гана, который, конечно, уже видел мое фото в "Новой Речи" и горел нетерпением поговорить. Но я ему решил не звонить. Остальные были, я не сомневаюсь, от возмущенных моей низостью читателей газеты. После длинных ночных разговоров с Ритой мне хотелось выспаться. Пока внизу дежурил мой враг, который никого с моим телефоном не соединит, я мог себе это позволить. А письмо со штампом

учреждения я решил перевести со словарем потом. Здесь для меня работы часа на два. Но когда я лег, то вспомнил, что на штампе стоит слово "юстиция", конечно, уже не мог лежать спокойно и сел переводить.

Это вызов на большое жюри, на послезавтра. Думал побежать к Гану посоветоваться или хотя бы узнать, что такое большое жюри, даже недел плащ, но остался дома. Ясно, не спортивное, раз стоит слово "юстиция". Все равно, если они рашат, что я должен был спасти Вову, значит, у них есть такой закон, и ничего не докажешь. Самое лучшее было бы написать рассказ о треугольной комнате и не думать, посадят тебя или нет. Как ночью из этой комнаты виден цветной туман над Бродвеем и черные от смолы крыши соседних домов, на одной крыше воздвигнута реклама курильщика "Уинстон", и все время из его рта вапил настоящий дым. А с улицы доносился вой полицейских сирен.

Следующий день

Он прошел, даже не заметил, как. Писал рассказ о треугольной комнате. Сначала я описал пары, которые там побывали в течение суток, а потом эмигранта, он сидит после работы на кровати, даже грязной куртки не снял, такое настроение. Пришла уборщица, постелила свежую простыню, а подушку я снова положил на телефон, не хочется ни с кем говорить. Это было утром, и только когда в моем колодце стало совсем темно, а из номера напротив бросился в глаза красный свет, я поднялся. Вышел на улицу и вспомнил, как в треугольной комнате шипели радиаторы отопления. Вернулся и дописал. На улице дождь, но я еще выйду.

Когда сворачивал из коридора на лестницу, увидел, как из лифта вышел Ган и направился к моей двери. Вся его фигура

была полна любопытства, я едва не рассмеялся. Интересно было бы посмотреть на него, когда на стук в дверь ему никто не ответит.

Ходил по улицам. Я читал в "Новой Речи", здесь наказания такие легкие, что даже не верится. Но та же газета писала, что кто-то украл в магазине пакетик мяса, и его посадили чуть ли не на всю жизнь. Кому какой судья попадет. А рассчитывать, что ОМО наймет мне адвоката, не приходится. Вот если бы я торговал наркотиками, тогда они не поскупились бы на залог, чтобы такой человек не томился за решеткой. А "Новая Речь" тут же придумала бы что-нибудь в мое оправдание. А так я один, и никому нет до меня дела.

Тянуло поскорее вернуться перечитать рассказ, я был рад отвлечься и пошел в гостиницу. Пары я изобразил в рассказе такие. Эмигранта и деву, которая расчесывала волосы на ступеньках гостиницы, Нолу и мастера по ремонту в распахнутой рубашке и себя с Ритой, поскольку Рите хотелось отдохнуть от своей безалаберной квартиры со швейцаром у входа.

Писал и думал, как мне не повезло с Нолой. Но потом я себе сказал, сокрушаться от того, что я себе никого не нашел, пустое занятие. Все равно, как если бы я грыз себя, почему я не сапожник, им и по специальности легко устроиться и зарабатывать много. Я сам убедился, когда хотел поставить на бойки.

Лег, но спать не мог, наверное, из-за завтрашнего жюри. Снял подушку с телефона, может быть, кто-нибудь позвонит. Хотя бы Ган, я бы спросил у него, что значит вэлфэр. Все забывал. Но никто не звонил. Не удивительно, полтретьего было ночи.

Проснулся и увидел, что опаздываю. Едва успел побриться. Когда пришел, в зале ожидания была уже Люся и ее родственники. Они себя и здесь чувствовали как дома, разбросали по стульям одежду и, собираясь кучками, шушукались, как

заговорщики, прихлебывая кофе из бумажных стаканчиков. Пол пестрел придавленными окурками со следами губной помады. А в двух шагах пепельницы, но они и не думали ими пользоваться. Я вышел в коридор, и тут же вслед за мной из дверей выглянула какая-то старушка, увидела меня и вернулась в зал, наверное, с успокоительным известием, что я не убежал. Конечно, у вовиных родственников, не говоря уже о Люсе, были основания меня ненавидеть, но я не заметил, чтоб они находились в таком уж похоронном настроении, иначе не превратили бы зал ожидания в закусочную.

А кандидат наук вбежал с улицы и неожиданно наткнулся на меня. Даже не знаю, как у меня вырвалось: "Зачем вы наврали обо мне в газете?.." Но он тут же пришел в себя и как ни в чем не бывало ответил, что это не он. Даже спросил, где Люся, и я ему показал. Но по лицу было видно, что он. И как раз в это время кто-то хлопнул меня по плечу. Это был сатирик. Он сказал, что с большим сочувствием относится ко мне после гангстерской публикации моего фото, за такие вещи морду бьют. А кто это сделал, я спросил. Но он ответил, что мы еще об этом поговорим, а пока надо, чтоб ваше дело не дошло до суда. На мой вопрос, чем отличается большое жюри от суда, он сказал, если жюри найдет, что я виновен, тогда я предстану перед судом. А если нет, мы с вами по выходе обязательно отметим это дело. Я признался, я чувствую, что-то мне обязательно дадут. Тогда мы с женой будем носить вам передачи, он пообещал. Такой пустой разговор.

Сейчас, когда все позади, я понимаю, насколько в тот момент пал духом, если ухватился за сочувствие этого сатирика, как за соломинку. Так на меня подействовала враждебность и самоуверенность вовиных родственников, жаждущих моей крови. Что бы ни было на уме у этого сатирика, но только за то, что он демонстративно стал на мою сторону, я ему век обязан. Тем более, голос у него такой громкий, что все огляды-

ваются. Он носит дубленку, а на голове огромную пыжиковую шапку. У кандидата наук и у Вовы с Люсей тоже такие наряды, привезенные из Союза. Там их можно было достать только из-под полы и за большие деньги. Они служили свидетельством преуспевания, по которому свой узнавал своего. Очевидно, здесь тоже. Правда, брюки сатирика были замызганы, а ботинки не чищены. Но это делало его еще заметней.

Я объяснил ему, что хотел бы собраться с мыслями перед жюри, и ушел. Уселся в комнате, где никого не было. Но скоро зашли две толстые цветные женщины с кучей детей, и я вышел в коридор. И вовремя, потому что услышал, как в зале повторяют мою фамилию. Через раскрытые двери в зал я увидел женщину рядом со здоровенным полицейским, которая вертела головой во все стороны, разыскивая меня. Женщина сказала, что приглашена быть моим переводчиком, если я не против. Русский язык ее был ужасный, скорее всего это был наполовину забытый польский, но я решил, зато английский она должна знать, потому что не может же быть, чтобы прожив всю жизнь на земле, человек не мог разговаривать ни на одном языке. Потом оказалось, что председатель жюри ее не понимает и каждый раз должен переспрашивать. Мало того, он просил ее говорить по буквам, записывал ее ответ, после чего показывал ей лист, правильно он ее понял или нет. Ко всему, она была еще на редкость бестолковая. Никак не могла уразуметь, что не понимают не мой ответ, а ее перевод, снова обращалась ко мне с тем же вопросом, и все начиналось сначала. Но тогда я, конечно, этого еще не знал. Я попросил ее пойти куда-нибудь, где мы могли бы поговорить. Но она ответила, что никто из этих людей вокруг нас все равно не будет допущен на большое жюри, а она не адвокат, на жюри адвокатов тоже не допускают, а главное, она еще не имела ланча. И тут же пошла к автоматам кушать.

А полицейский остался у закрытой двери в комнату жюри. Я решил, что если меня признают виновным, то он меня отведет в тюрьму, где я буду ждать суда. Он был сед, но лицо молодое и розовое, крупные руки, должно быть, мягкие, с веснушками. Мне показалось, Люся смотрит на него с надеждой. Меня она не замечала. Как это у нее получалось, я не знаю, смотреть туда, где стоят двое, а видеть только одного. Я бы так не мог. Сидела, забросив ногу на ногу, в двух шагах от меня и смотрела сквозь меня. Я даже обернулся, что она видит за мной? Но там была обыкновенная дверь, правда, очень высокая, до самого потолка. А поверх вѣзанки у Люси, чтоб все видели, висел деревянный крест.

Вдруг за мной раскрылись двери, и меня позвали на жюри. Тут уже была моя переводчица, перегнувшись через стол к председателю, она что-то растолковывала ему. При этом жевала бутерброд, и крошки сыпались на бумаги, лежащие перед председателем. Возможно, это даже было мое дело. Процедура все же была соблюдена. Меня привели к присяге, предварительно, к моему стыду, попросив вынуть изо рта жвачку, которую мне дал сатирик, я о ней забыл. Получалось, что я ни за что, ни про что обидел людей, которые вынуждены копаться в моем деле. Это чувство вины меня угнетало. Казалось, что я ни скажу, они все равно будут знать, с каким типом имеют дело. Еще хуже было, что мне все время казалось, переводчица переводит неправильно. Не может быть, чтобы жюри просто спросило, не женат ли я, это и так было ясно из анкеты, которую я заполнил по просьбе инспектора в гостинице. Скорее всего, от меня ждали, что я объясню, почему. Я бы рассказал, что встречался с одной женщиной, но когда выяснилось, что квартиры от издательства я не получу, она не захотела. В этом случае было бы ясно, что не такой уж я эгоист, как могло показаться, если судить только по анкете. Но не мог же я сам лезть с объяснениями, если меня не спрашивали. На вопрос,

почему я все время говорил, что черных было двое, если я видел лишь одного, в черной шляпе и распатланных джинсах, когда он входил в вовин номер, я не знал, что ответить. Как вы знаете, что двое, настаивал председатель. Пришлось сказать, что они сначала пытались зайти ко мне. О-о, облегченно откликнулся председатель. Расскажите. Я все рассказал. Почему я в гостинице об этом не рассказал, кто-то спросил из жюри. Я думал, что сказать. Опять ничего не придумал. Все ждали. Было неудобно, что они ждут меня. Пришлось сказать правду, я боялся, что подумают, я знаком с этими черными. А вы не знакомы? Нет, конечно. Все слова, которые я говорил черным. Повторите. Что нет денег, вот все. И больше ни единого слова? Нет. Что в вовином номере им дадут? Не говорили? Вы знаете, в каком номере он жил? Я назвал номер. Так вот, не говорили, что он побогаче, у него найдется, что дать? Если они подымутся к нему. Вспомните. Нечего вспоминать, я этого не говорил. А если бы знали лучше язык, сказали бы?

Вот так они меня расспрашивали. Еще вопрос, кто кому позвонил, я Вова или Вова мне? Когда он мне позвонил, до черных или после? Не мог ли я ему сказать, сейчас, мол, к тебе придут гости, но не сказать, кто, чтобы заинтриговать его? Открой им дверь. Не мог? Я чуть не рассмеялся, как легко доказать, что ты все подстроил. Тогда о чем вы говорили? Я все передал.

Такой вопрос. Когда я из коридора увидел, что один из черных закрыл за собой дверь в вовин номер, знал ли я, что вовиной жизни грозит опасность? Я ответил, с уверенностью не знал, но допускал. Когда переводчица это перевела, председатель в абсолютной тишине попросил ее продиктовать по буквам мой ответ и показал эту запись своим соседям слева и справа. После этого, глядя мне прямо в лицо, спросил, почему я отказал нуждающемуся в помощи. Я сказал, мне лифтер испортил настроение, а оно и без того было не блестящим.

И глупо требовать, чтобы человек в такую минуту бросился со всех ног выручать делягу, который столько лет вытаскивал масло из его тарелки. Председатель озабоченно ткнулся в бумаги, а затем приподнялся в кресле, так что его черная мантия разошлась на груди и стал виден клетчатый пиджак и рубашка в крапинку, и спросил, у кого и когда вытаскивал Вова масло. Я ответил, что это не Вова, а другой эмигрант, я просто хотел привести яркий пример. Если бы случай в гостинице произошел не с Вовой, то хоть какое было мое настроение, я бы заколотил в дверь, чтобы поднять на ноги гостиницу. А ради Вовы мне не хотелось. Слышал ли я, чтоб из вовиноного номера раздавались крики? Я ответил, что слышал, как Вова кричал на них, больше ничего. Был ли это крик страха? Я сказал, скорее наглый. Председатель жюри удивился, при чем тут наглость? Я ответил, если люди входят в твой номер и просят отдать какую-то побрякушку вроде кольца или браслета, которыми Люся звенела на лекции, то нечего доводить их до такого состояния, чтоб они хватили со стола нож для колбасы и бросались на тебя. На вопрос, чем я руководствовался, когда писал профессору Кагану, не стремлением ли дискредитировать Вов, я ответил, что хотел сказать правду, больше ничего. Я и в издательстве так поступал. Меня даже из-за этого уволил директор, и я подал в суд. Тут же меня спросили, почему я в анкете отрицательно ответил на вопрос, был ли судим. Пришлось объяснять, суд разбирал трудовой конфликт, а не уголовное обвинение. Вдруг переводчица возмутилась. Она во время войны, к несчастью, оказалась в моей стране, где ее заставляли работать в колхозе с восхода до захода солнца, у вас там нет никакого трудового законодательства, это неправда! Вся покрылась пятнами от возмущения. Я хотел ей ответить, что во время войны все так работали, а сейчас совсем другое дело, колхозники, наоборот, ничего не делают, но жюри личный опыт этой труженицы полей интересовал мало, председатель что-

то писал в своих бумагах, и никто ее не слушал.

Жаль, что они не задали мне вопрос, чем закончился суд. Я бы сказал, даже мой директор ничего не мог доказать, потому что есть такой закон, увольнение допустимо только с согласия профсоюза. А он был так в себе уверен, что не согласовал. И по постановлению суда вынужден был не только восстановить меня на работе, но и оплатить вынужденный прогул. Но председатель, одолеваемый спешкой, буркнул, что апелляция Люси с требованием признать меня виновным, отклонена, я могу идти домой, а письменное постановление они мне пришлют по почте. Тут же придвинул к себе другие папки и забыл обо мне.

Это было так неожиданно, в особенности лишённая всякой торжественности манера председателя объявлять постановление, что я бросился пожимать руку переводчице, которая ее с досадой выдернула. Скорее всего, она была убеждена, что если бы не спешка из-за вечной нехватки средств на оплату судей, то такого негодяя, как я, обязательно бы посадили.

Действительно, не успел я выйти, как полицейский отворил двери и пропустил на жюри какую-то американку, а в зале ожидания я застал полно новых людей, которые ждали разбора своих дел. Переводчица что-то раздраженно втолковывала вину родственникам. Кандидат же наук, встретившись со мной взглядом, улыбнулся, как побитый. А когда сатирик в обычной для него грубой манере спросил, что, дал он уже взятку той тетке, которая растыкивает по колледжам эмигрантов с липовыми кандидатскими удостоверениями, он даже счел это за разрешение приблизиться к нам.

Сатирик предложил мне на выбор, посидеть в китайском ресторанчике, их в этом районе полно, или ехать к нему домой, чтобы отметить мою победу. Если бы мне было разрешено дать совет, он сказал, я бы выбрал второй вариант, потому что имею некоторое представление, как готовит моя жена. Канди-

дат наук, выслуживаясь, подтвердил, что мне стоит рискнуть. Мне пришлось оставить машину дома, барахлит зажигание, но сабвей останавливается у моего дома. Кандидат тут же предложил ехать в его машине, но сатирик так взглянул на него, что тот, помявшись немного для приличия, ушел.

Мне хотелось насладиться покоем, я даже предвкушал возвращение в гостиницу по колониальной улице, где мог бы купить бананы и жевать по дороге. Но сатирик, как бы разгадав мои колебания, сказал, что у меня после нвшего не совсем удачного знакомства в ОМО могло, допустим, сохраниться предубеждение против него, но в чем провинилась его жена, которая сегодня все утро готовилась к приему гостя. Он уже не говорит о своем маленьком сыне, которого обещал познакомить с интересным дядей. Вы сами видите, что выбор таких дядей здесь невелик, и предложить вместо вас в таком качестве кого-нибудь другого значило бы бессовестно обмануть ребенка. Я не сомневался, что он за чем-то передо мной разыгрывает спектакль, но не оценить его стараний значило бы плюнуть человеку в лицо. И мы поехали. Я бы даже не возражал, чтобы с нами поехал кандидат наук, теперь, после жюри, я на него уже не сердился. Но его не было видно.

Когда мы приехали, жена упрაკнула сатирика, почему он раньше не предупредил, что собирается кого-то притащить, она бы что-то сварганила. А его сын, который якобы ждал, не мог дожждаться моего появления, даже не посмотрел в мою сторону. Но сатирик, ничуть не смутившись, подмигнул мне, вот, мол, как мало считаются с ним в собственном доме, что он ни скажет, все забывают. Вышел из положения. Так что я почти ничего не кушал. Сатирик, правда, пообещал, в следующий раз он сам проследит, чтоб все было куплено, и мы хорошо посидим за столом.

Из кухни мы пошли в его кабинет, весь увешанный афишами концертов, привезенными из Союза. На некоторых были

дарственные надписи разных знаменитостей, "дорогому...", а на одном его фамилия. Сатирик объяснил, что распорядитель концерта, как он значится в афише, по сути то же, что режиссер. Ну, а моя сатира звучала в исполнении лучших эстредников страны. И прочитал сатирическую вещь, действительно, я ее где-то слышал. В Америке же, как он сказал, в моем распоряжении вся "Новая Речь". Он развернул несколько номеров, каждый с его рассказом. Так что, по сути, я единственный писатель-эмигрант, который так широко о себе заявил. И вроде бы, в сравнении с другими, мне не на что сетовать. Но вы понимаете, что там меня знала вся страна! Плюс соответственные заработки. Вдруг он прервал себя и спросил, что с моими рассказами, пристроил я их уже где-нибудь? Тот, кого не печатают, тот не писатель, он сказал. Умение пристроить свою вещь это часть писательского таланта. Я отказываюсь считать писателем собственника машинописных рукописей, которые желтеют в его чемодане вместе со старыми носками и семейными фотографиями!

Он кричал на меня так, как будто я обманул его надежды. Даже его жена заглянула в кабинет, что случилось. Но он и на нее гаркнул, у нас серьезный разговор, закрой дверь! Я спросил, почему он принял такое горячее участие во мне, раз он связан с "Новой Речью", а отношение редактора ко мне известно. А мне какое дело до его отношения к вам, он взорвался. Вы что, не понимаете, я считаюсь только со своим желанием. А они вас печатать перестанут, я сказал нарочно. Они? Он с деланным удивлением уставился на меня. Да они меня умоляют дать им что-нибудь, вы никак не можете уразуметь, о чем вам толкуют. Не проходит дня, чтоб редактор мне телефон не обрывал, бросил он взгляд на телефон на столе.

Не успел я вернуться домой и войти в номер, как он неожиданно позвонил, и мы, наверное, еще целый час разговаривали. Я не такой уж наивный, чтобы не понимать, его интерес

ко мне чем-то вызван, что-то ему от меня надо. Но ларчик может открываться и проще: сатирик что-то читал мое и ему понравилось. Я уверен, что в редакции эмигрантской газеты он так же мало церемонится, как в ОМО, и вполне мог взять с письменного стола редактора, что ему хотелось. Мог взять и мои рассказы, когда они там лежали. По поводу своих рассказов он сказал, он получает от известных американцев восторженные письма. Они сами перевели их на английский, чтобы познакомить культурную Америку с его творчеством. А когда я был последний раз в ОМО, мне секретарша приемной жаловалась, что помимо основной работы, начальство заставляет ее переводить рассказы одного эмигранта, вы его знаете. Я тогда не подумал, кто это, а теперь ясно, что сатирик. Эта секретарша когда-то с сочувствием отнеслась ко мне, когда сатирик в полной приемной стал кричать на меня.

А сатирик продолжал, жаль, что вы не понимаете по-английски, я бы вам показал эти письма, мне просто неудобно передавать их содержание, настолько они хвalebны. Когда я сказал, что письма я пойму, это его обрадовало, а, ну, тогда все в порядке, я вас завтра заберу к себе и вы сами прочитаете. Врет, конечно, никаких писем у него нет. Но с ним не соскучишься. В конце разговора он повторил, что я должен землю носом рыть, но добиться, чтобы меня напечатали. Я ответил, что заниматься такой неприятной работой, как ходить по редакциям, обязан только гений, это его долг перед человечеством. А вы, что, себя гением не считаете, он меня перебил. Я сказал, что нет. А, тогда и разговаривать нам не о чем! И положил трубку.

Я спустился вниз и сел в свое кресло. Толстый дежурный что-то читал за стеклянной перегородкой, а больше в холле никого не было. Этот председатель жюри еще спросил меня, хорошо ли я помню, что произошло в день случая с Вовой, и лечился ли я когда-либо от алкоголизма. Представляю, что

Люся написала обо мне в апелляции! Может быть, даже приложила фото из газеты, где я с бутылкой.

Я вышел на улицу. Людей мало. А машин у обочин больше, чем днем. И в окнах темно. Только в небоскребах врасброс на разных этажах освещенные окна. Перфорационная карта. А внизу, несмотря на ночь, бьют фонтаны.

На перекрестке автомат. Мне вдруг захотелось позвонить кому-нибудь, но некому. Только Рите. Я думал, она уже спит, но она тут же взяла трубку. Я ей все рассказал о суде. Она была довольна и поздравила меня. Даже когда предупредили, что истекает время, она попросила дать ей номер автомата и не уходить, она мне сейчас сама позвонит. Я повесил трубку и стал ждать. Вдруг автомат зазвонил. Это было так необычно! Пустая улица, кое-где снег, сияют под фонарем холодные автоматы, и вдруг один из них звонит. У меня даже ноги замерзли, так долго мы говорили. Она спросила, не растратил ли я ее деньги, она на днях приедет, чтобы положить еще. Когда я спросил, что она делала, когда я позвонил, Рита ответила, смотрела телевизор, опять тот знаменитый актер выступал, что играл сыщика. Это такой артист, она сказала, что если бы я его увидел в этом фильме, я бы упал. Я ответил, что уже видел его, когда Рита пришла со своими друзьями ко мне в номер смотреть телевизор. Ну, так что, она возмутилась, может быть, ты скажешь, что это плохой актер! Она мне объяснила, американцы любят, чтобы о них говорили только хорошее. Когда она работала в салоне красоты, все клиентки поздравляли ее, что она уехала в Америку из такой ужасной страны. Здесь вы не будете гоподать, и у вас будет, что надеть на себя. Они уверены, что у нас там до сих пор керосиновые лампы и извозчики. Я им говорила, да, конечно, мне очень повезло. А если бы я призналась, что никогда не видела в глаза даже живого извозчика, меня бы хозяйка ругала, что я не могу удержать клиента. Так что ты еще попал на хорошего судью.

После этого Рита опять стала расспрашивать меня о Ноле, почему мы больше не встречаемся. Я ответил, выяснилось, что у нас нет ничего общего. Но Рита сказала, что Нола будет скорее своему фабриканту ноги мыть и воду пить, чем уйдет от него. А посмотреть на нее на улице, такая независимая американка, что хоть куда! Вдруг Рита сказала, что я мог бы сейчас прийти к ней, посмотреть, как она живет. Возьми такси, я тебе верну деньги. Я спросил, почему она не спит. Рита призналась, что выпила три порошка, не может уснуть. Приезжай! Мне было интересно посмотреть, как она живет, но я подумал, что не такие у нас отношения, чтоб бегать друг к другу по ночам, и ответил, что лучше в другой раз. Она сказала, я, наверное, сильно люблю деньги. Я ответил, что нет, зачем они мне? Но она сказала, что сама это знает, она пошутила. Она сейчас примет еще один порошок и попробует уснуть. И положила трубку.

Когда я отошел от автомата, он снова зазвонил. Прошло не мало времени, прежде, чем я сообразил, что это Рита. И пока я возвращался к автомату, он все тоненько звонил, взывая к пустой улице, по которой одни желтые такси, и то очень редко, проезжали. Когда я снял трубку, какой-то мужчина заговорил со мной по-английски. Конечно, я ничего не понял, хотя он говорил очень медленно, как бы с трудом соображая, что ему от меня нужно. Я решил, что он звонит от Риты, потому что опять был слышен телевизор. Я извинился, повесил трубку и пошел в гостиницу. По дороге я удивлялся, зачем мне понадобилось бегом возвращаться к автомату, чтобы услышать этого мужчину, и как настойчиво он вызывал меня. Получилось глупо, как в тот раз, когда Рита у меня ночевала, кто-то позвонил, и я сказал, что она у меня. Наверное, Рита меня сейчас ругает.

Утром меня разбудил сатирик. Он звонил снизу, что за дурацкие порядки в моей гостинице, его наверх не пускают. Я был рад, что он приехал, и спустился за ним. Хотелось по-дискутировать, все равно, о чем, так изголодался в Америке по серьезному собеседнику. Но сатирик был настроен миролюбиво, даже вызвался нажать на ОМО, чтобы они меня продолжали содержать. Он уверен, что я допустил ошибку, не может быть, чтобы ОМО прекратила помощь, а работы не дала. Ведь вы совсем недавно приехали. Я признался, что отказался от их помощи, потому что в ОМО неприятная обстановка. Тогда он опять стал на меня кричать, а мне плевать на обстановку, мне нужны чеки, а не улыбки! Я спросил, а почему Америка должна нас кормить. Он ответил, что Америка всех кормит, кому предоставляет убежище. Я сказал, что убежал потому, что не поладил с директором. При чем тут Америка? Он объяснил, я не поладил не с директором, а с советскими порядками, и мне не оставалось другого выхода. Куда бы ни пошел, всюду встретил бы то же, потому что я еврей. Я ответил, что у нас в издательстве работали евреи, которые получали все блага, квартиры, премии, потому что они поддакивали директору: Когда суд меня восстановил на работе, директор мне объявил несколько выговоров подряд за то, что я будто бы не справляюсь с работой, после чего было созвано профсоюзное собрание, на котором все меня ругали, а директор сидел, как будто бы он совсем ни при чем, и даже ни разу не выступил, не было необходимости. Собрание приняло решение просить директора освободить меня от работы, и евреи вместе со всеми голосовали за. Только один Маслов, не еврей, против. Так эти евреи лгали, сатирик перебил мне, потому что их заставляла обстановка. А если бы не лгали, с ними поступили бы, как с вами. Вы что, не понимаете! А кто их здесь заставляет лгать, тоже обстановка, я спросил. Где здесь? Вот в этом городе, я показал в окно на мой колодец, где мы сейчас живем. Ну, кто,

кто лжет, он стал подступать ко мне, назовите! Мне хотелось сказать, вы, но я сказал только о фото в "Новой Речи", будто я за бутылку готов на любое преступление. Ну, он сейчас без работы, туманно объяснил сатирик, нужно было заручиться поддержкой газеты. Я понял, он имеет в виду того кандидата наук.

Пока мы спорили, прошло много времени, и в моем номере стало так светло, как только может быть, если на дворе ясный день. Мы вышли на улицу. По пути сатирик вдруг вспомнил, что было бы интересно посмотреть место, где все это с Вовой случилось. Я повел его по лестнице наверх, показал воин номер. Сатирик сказал, что Вове просто не повезло, это, конечно, случайность. Я с самого начала это утверждал, и мы больше не спорили. Ходили по улицам, наконец, он попрощался. Был уже конец дня, искать где-то работу уже поздно. Я только позвонил по вчерашнему талончику, а вдруг это работа в Центральном парке, где я заполнил анкету. Не знаю, кто со мной говорил, мне показалось, что литературная агентша. Я пожалел, что у меня не было с собой ее адреса, я бы тут же пошел к ней, чтобы проверить, она ли звонила. Потом я решил, надо не полениться, пойти за адресом. Вернулся в гостиницу, а потом к ней. Захватил еще "Дело" с рассказами, на всякий случай. Но дверь ее приемной на тридцатом с небольшим этаже была закрыта. Я стучал много раз, никто не отвечал. Наверное, звонила не она. В коридоре никого не было. И двери других офисов, на которых были написаны номера и названия, были неподвижны как стены. Видно, люди давно ушли. Коридор был длинный, а в конце его нарисованы стрелки, значит, он еще заворачивал. Я уселся на ковре, которым застлан был коридор, и прочел все свои рассказы. Больше всего мне понравился последний, о треугольной комнате, из окна которой видна реклама курильщика с красным ртом, большим, как автомобильное колесо, откуда все время валил настоящий дым.

Вдруг мне пришло в голову написать еще один рассказ, как телефонный автомат звонит ночью на пустой улице. Наконец прохожий берет трубку и выясняется, что кто-то хочет уличить женщину и с пьяным упрямством без конца набирает номер, который написан на клочке бумаги, на ее столике. У меня не было с собой ручки, а то бы я начал писать рассказ у дверей агентши, так я все ясно себе представлял.

Вернулся в гостиницу, сварил концентрат. Я из-за сатирика весь день ничего не ел. Он сказал, что специально приехал вытащить меня к себе. Я подумал, сэкономлю на завтраке. Но когда мы поспорили, он забыл. Что-то буркнул и ушел.

Спустя три дня

Утром неожиданно позвонила Нола. Она сказала, ей надо по делу в Манхэттен, мы могли бы встретиться. Так меня удивил ее звонок, что я не знал, что сказать. Ей стало неудобно так долго ждать, она перевела разговор на другую тему и положила трубку. Я должен признаться, на меня подействовали комнатные туфли ее мужа, которые я увидел, когда в последний раз приехал к ней. Носки, серые от пыли, а задник совсем протерся, пол виден. Не хватало еще ночной горшок оставить под кроватью.

Ходил к Гану насчет работы. Он был занят, дал мне сегодняшнюю "Новую Речь", чтоб я не скучал, пока он освободится. Там было сказано, что сатирик приступил к работе над романом, в основу которого положен действительный случай убийства советчиками молодого ученого-эмигранта, еще памятный нашим читателям. Впервые в литературе будут представлены и те, кто воспользовался гостеприимством Америки ей во вред. Это обо мне. И что сатирику согласилась помогать в работе вдова ученого, профессор русской литературы кол-

леджа. Я успел двадцать раз прочитать эту заметку, а Ган все еще уговаривал покупателя. Наконец покупатель ушел, но появились два других. И я просидел битый час, пока Ган не улучил минутку сказать мне, что мне все равно некуда спешить, а он меня не выгоняет. И я остался.

Вдруг он с сияющим выражением обратился ко мне по-английски: "Ну, берите эту метлу и подметайте". Это было так неожиданно, что я не поверил. Неужели он принял меня на работу? А Ган, как ни в чем не бывало, показывает мне на метелочку, прислоненную к ящикам с машинками. Тут же лежал совок. Когда я спросил, что убирать, он опять по-английски ответил, эту комнату. Я невольно ответил тоже по-английски "Окэй!" и с легкой душой взял его игрушечную метелочку. Подмел и спросил, что дальше. Ган прервал разговор с покупателем, показал ему на меня и сказал, что вот, это тоже эмигрант, как он, но он уже успел приобрести здесь известность, о нем пишут газеты. Выходило, торговля старыми машинками Гана такое процветающее дело, что у него даже подметальщик знаменитость. После этого Ган дал мне тяжелую коробку, счет и адрес и велел отнести. Я был рад выйти на воздух. Адрес я нашел легко. Возвращался не спеша и пришел к концу работы, когда в магазине уже никого не было, кроме Гана. Первые его слова были, я упустил возможность, которая может выпасть человеку один раз в жизни. Я испугался, неужели он решил не брать меня на работу. Но Ган схватил со стола газету. Как вы не понимаете, что после шума, который поднялся вокруг этого дела, любое американское издательство напечатает что бы вы не написали. А вы знаете, сколько они платят! Что правда, то правда, я тоже слышал, что много. Но я был уверен, роман сатирика будет не лучше его рассказов о советских эмигрантах, которые страдают в Союзе потому, что не было си-нагог ходить молиться, все наврет. А где сам не догадается, Люся поможет. Но, конечно, мне было обидно, что интерес

сатирика объяснился так просто, выведать у меня все подробности, как это случилось с Вовой. Как приходил ко мне инспектор с переводчиком я ему тоже рассказал. Но больше всего жаль, что я потерял оппонента, с которым интересно спорить.

Ган по-английски велел мне следовать за ним. Мы прошли в помещение за магазином, а потом по узкой винтовой лестнице поднялись наверх. Даже на этой лестнице стояли ящики с машинками, и я несколько раз цеплялся за них плащом, наверное, за гвозди. Ган открыл дверь, и я понял, что это мое будущее жилье. Одна комната, полукруглое окно до самого пола. В коридоре, Ган сказал, есть уборная. Вполне можно жить, если освободить комнату от всякого старья, которое Ган сюда понатаскал. Я спросил, куда мы это денем. Ган сказал, отодвинем к стенке, и как раз освободится место, чтобы поставить кровать. А где роскошная квартира для холостяка, я хотел спросить. Но если честно, эта не хуже моей комнаты в коммуналке, и плюс нет очередей по утрам в уборную, когда переживаешь, что опоздаешь на работу.

Ган присел на ящик, обвел взглядом помещение и неожиданно вспомнил, что когда он приехал в Америку, то хозяин магазина тоже разрешил ему жить в этой комнате. Здесь он провел несколько лет. И постепенно к нему перешел весь бизнес. После этого Ган выжидающе на меня посмотрел. У меня никого нет, он сказал, мы с женой одни. Он мне сам когда-то говорил, что у него сын. Но я не стал ему напоминать, а спросил, что я должен делать. Ган ответил, все. Так вы будете знакомиться с делом. У меня вдруг испортилось настроение, как будто я наяву увидел, как и я состарился на этом складе. Но я все же спросил, сколько буду получать. Ган мне что-то стал объяснять по-английски. Я попросил ответить по-русски. Но Ган возразил, а с клиентами вы тоже будете договариваться по-русски? Привыкайте. Я понял, я от него ничего не добьюсь, и спросил, можно, я буду у него только

уборщиком. Только скажите мне ясно, сколько я буду получать. Я так и знал, что из вас ничего не выйдет, раздраженно сказал Ган, я к вам присматривался с первого дня знакомства. Нет, он вдруг закричал, вы мне не подходите! Мне нужен совсем другой человек. И распахнул передо мной дверь на лестницу. Я никогда еще не видел его в таком состоянии. У человека ни цента за душой, ему предлагают войти в дело на сотни тысяч, а он отказывается, не мог Ган успокоиться. Да вы знаете, что если бы я поместил объявление в газете с таким предложением, то перед моим магазином выстроилась бы огромная очередь. Вот вам за ваши сегодняшние труды, и до свиданья, мне еще нужно работать. Я не успел опомниться, как оказался на улице. Видно, я до глубины души обидел Гана, отказавшись работать за одно жилье, если он настолько потерял голову, что дал мне эти несколько долларов. Но спасибо и на этом.

Когда я вернулся домой, кто-то позвонил. Я обрадовался, может быть, Ган передумал, но это была владелица пляжа. Она сказала, что знает обо мне все из газеты. Я решил, сейчас начнет ругать. Но оказалось, у нее ко мне просьба. Если я увижу редактора "Новой Речи", передать от нее привет. Он меня должен помнить, нас познакомили в одном доме. Передайте, я не пропускаю ни одной строчки в его газете, очень интересно. Мне стало смешно. Если эта постоянная читательница газеты решила дать мне поручение к редактору, то можно себе представить, какая у нее каша в голове.

План у меня такой, уложу чемодан, а потом спущусь в вестибюль посидеть напоследок в своем кресле. А потом уйду. Переночую хотя бы в той гостинице, где был с Ритой, а утром буду думать, что и как. Когда тебя прижмет, то обязательно что-нибудь найдешь. Вынул из тумбочки папку "Дело" с рассказами, чтоб не забыть.

Сделал открытие. Я всегда был уверен, что в том кресле в дальнем углу вестибюля, где я люблю сидеть, дежурный меня не видит, и чувствовал себя здесь, как дома. А сегодня оказалось, что я разыгрывал для начальства бесплатный спектакль, потому что над дежурным установлено в потолке зеркало, и в нем отражается вестибюль со всем его содержимым. А я увидел это зеркало, когда надо уходить из гостиницы. Едва я уселся, толстый дежурный позвал меня, я удивился, как он узнал, что я здесь. А посмотрел на потолок в отражатель, а в нем чудесно видно мое кресло.

Дежурный сказал, мне звонят, и протянул в окошко трубку. Это была Рита. Она обрадовалась, что я еще в гостинице и сказала, чтоб я никуда не уходил, ждал ее. Я сел ждать.

Наконец она появилась. Я еле ее дождался, пора было уходить, скоро вечер. Рита удивилась, что такое, Алик, ты уже меня выгоняешь? Пойдем поговорим. Пока мы ждали лифта, она мне все рассказала. Она открыла салон красоты. Пока это будет не люкс, но потом она развернется. Там же при салоне можно жить, мне будет выгодно и ей. Мне стало смешно. Я же не парикмахер, что я буду там делать? Что ты говоришь, она возмутилась, а мыть полы, а драить зеркала и фены. А передвинуть хотя бы одно кресло, ты знаешь, сколько оно весит? Что такое, Алик, с заметным кокетством сказала Рита, ты уже хочешь, чтоб я надорвалась, и у меня никогда не было ребенка! Я сказал, уборщиком пожалуйста, с этой работой я справлюсь. Она спросила, есть ли у меня бананы, закурила и стала есть.

Алик, вдруг сказала Рита, ты бы не мог попросить у своей миллионерши немного денег на салон, моих может не хватить. Я ответил, она не даст, и я не буду просить. Этот ответ неожиданно развеселил Риту. Не даст? Что ты говоришь, я ей покажу одну вещь, так она даст столько, что тебе не снилось! Я удивился, какую вещь. Рита объяснила, пленка Нолы почему-то оказалась у нее, она сама не знает, как это случилось. Ах,

вот что, я сказал, так слушай. Если ты сейчас же не положишь на стол эту пленку, которую взяла из конверта с фото, когда ночевала у меня, то я ни минуты больше здесь с тобой не останусь. Ей стало неловко. А что такое, Алик, с каких это пор она стала для тебе такая хорошая? Я сказал, не в этом дело, но ее уже раз ограбил родной дядя, довольно мучить женщину.

Рита неохотно согласилась, ладно, раз ты ее так жалеешь. В крайнем случае я открою салон на два кресла, тех денег, что я положила в банк на твое имя, на подержанное оборудование хватит. На мой вопрос, кто будет работать на втором кресле, она ответила, что я. Она меня научит. Что ты смеешься, она стала меня убеждать, я же тоже сначала работала уборщицей в салоне и присматривалась, как они причесывают. А потом они меня даже не хотели отпускать. Но ты, кажется, закончила институт красоты в Москве, я напомнил. Алик, Рита сказала, не будь злопамятный.

Она позвонила дежурному, что выгонять меня ночью на улицу это дискриминация, и я уйду утром. Я сказал, ей все равно нехота оставаться в этой гостинице, опять ее будут искать. Рита ответила, что если этот подонок посмеет появиться, она ему глаза выцарапает. Он у нее украп деньги, которые она опять собрала и хотела добавить к тем, что уже лежат на моей банковской книжке, и уже два дня, как исчез. И сегодня выяснилось, что он не заплатил за квартиру еще за прошлый месяц. Ее пришли выселять.

Теперь я заканчиваю эту запись, а Рита приняла таблетки от головной боли, высыпала на ладонь из флакона целую кучу, забросила в рот и легла. Когда-то я описывал семейную сцену: я сижу за столом пишу дневник, а за моей спиной лежит Нопа. Никогда бы не пришло в голову, что это будет Рита.

Вдруг зазвонил телефон. У меня сразу упало настроение. Это был дежурный, но нетрудно было догадаться, что он звонит насчет Риты. Она тут же проснулась и взяла трубку. Она мне

объяснила, что ей нужно на пару минут спуститься вниз, она сейчас вернется. Ее не было час или полтора, но я даже не пошел узнать в чем дело, был уверен, опять этот в кожаной курточке пришел за ней.

Так оно и было. Рита вернулась и сказала, что ей надо еще пожить на той квартире, ее знакомый обещал заплатить за прошлый месяц. А с деньгами, которые он у нее украл, он, мол, оказался не виноват и обещал ей все вернуть. Алик, ты сам видишь, Рита сказала, того, что я насобирала, хватит только на сарай, а не на салон красоты. Надо еще подсобрать. Она очень спешила и тут же убежала. После ее ухода я спохватился, что Рита не отдала фотопленки.

Потушил электричество, но красный свет из противоположного окна освещает бумагу и стол. Но теперь я знаю, что это пожарный фонарь над запасным входом, я не поленился вчера добраться до него по лабиринтам гостиницы. При этом свете написал Маслову несколько слов, будто это я с Вовой все подстроил. Как у меня допытывались на жюри. Ответил за таких, как ты и я. Маслов не поверит, откуда во мне такой диссидентский дух. По виду не скажешь.

Уже утро. Но надо еще подождать уходить, Рита сказала, что через час она уже будет дома, чтоб я ей позвонил. Она мне даст адрес, куда подать заявление, что не на что жить, у нее записан. Там мне назначат пособие по бедности. И я даже буду получать больше, чем у себя в издательстве. Я тут же догадался, за счет налогов литагентши. А когда Рита откроет салон, я перейду к ней. Рита даже призналась, Алик, я тебя только одного имею за человека во всей Америке. Не потеряй только мою банковскую книжку. Через месяц-два я сниму помещение под салон, и все полопаются от зависти, как мы будем жить.

Я уже решил, я соглашусь. Рита мне даже больше подходит, чем Нола. Потому что не такой уж я завидный мужчина, Нола откровенно намекала. Для меня важна моральная сторона.

А с Ритой мы сходимся во мнении о таких, как сатирик, Рита говорит, они не хотят работать, а на трудягах, как она, они выезжают.

И она хозяйственная. Увидела, у меня на полу валяется бумажка на пять долларов, что мне дала черная в лифе, тут же велела спрятать, не потеряй, это кредит, тебе вернут деньги.

Заберу. Зачем он мне, раз мы с Ритой договорились.